КОМИТЕТ КУЛЬТУРЫ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ

НАРОДНОЕ СЛОВО О ВОЙНАХ ЗА РОССИЮ В XX ВЕКЕ

Коллективная монография

ВОЛГОГРАДСКОЕ НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
2017

ББК 63.3 + 83.3 (2Рос=Рус)6
Н30

Коллективная монография выполнена при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Социокультурный аспект жанровых особенностей народного фольклора Сталинградской битвы» № 16-11-34002

Редакционная коллегия:
З.П. Тинина – кандидат исторических наук, профессор Волгоградского государственного института искусств и культуры (науч. редактор);
И.С. Петрова – кандидат исторических наук, главный специалист Государственного архива Волгоградской области (отв. редактор);
Е.Ю. Моисеева – ведущий документовед Государственного архива Волгоградской области (отв. секретарь);
А.И. Коломыткин – директор ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области», заслуженный работник культуры РФ;
Алексеев А.Н., М.Ю. Жадаев, В.М. Кадашова, И.В. Котова, Н.С. Лобчук, Н.Ю. Новикова, А.Р. Михеева, О.И. Орлова

Рецензент
Веденеев Александр Геннадьевич, кандидат педагогических наук, первый проректор Волгоградского государственного института искусств и культуры

Н30 **Народное** слово о войнах за Россию в XX веке: Коллективная монография / Ред. кол.: З.П. Тинина, И.С. Петрова [и др.]. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2017. – 210 с. Приложения.
ISBN

В коллективной монографии представлены работы по материалам держателей личных фондов Государственного архива Волгоградской области, посвященные военной истории нашего государства, Сталинградской битве. Коллективная монография иллюстрирована архивными документами, имеет приложение фотодокументов из фондов личного происхождения Государственного архива Волгоградской области.

Издание может быть интересно профессиональным историкам, филологам, культурологам, этнографам, искусствоведам, а также читателям других профессий, интересующихся проблемами отражения войн в исторических документах и народной культуре. Книга может стать методической основой дистанционного изучения военной проблематики, социокультурного аспекта Отечественной истории на территории Нижнего Поволжья.

ББК 63.3 + 83.3 (2Рос=Рус)6

ISBN

© Государственный архив Волгоградской области, 2017
© Волгоградский государственный институт искусств и культуры, 2017
© Оформление. Волгоградское научное издательство, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Век XX был для нашей страны очень драматичным и богатым на судьбоносные военные события. Революции, две мировые войны, гражданская война, немыслимо драматичное восстановление народного хозяйства между войнами и не менее трудное восстановление международного статуса российского государства после «перестройки». Все эти драматичные события растянулись по времени на целое столетие. При этом страна достойно выдержала выпавшие на ее долю испытания XX в. и уверенно шагнула в XXI в. достаточно жизнеспособной, сильной и влиятельной державой.

Феномен никогда и ни при каких обстоятельствах не погибающей России, словно славянские боги Ярило и Кострома да святой Александр Невский охраняют ее вечность на земле, постоянно приковывает внимание отечественных и зарубежных авторов к ее истории, мировоззренческим основам российского общества. Истоки жизнеспособности России следует искать в истории и народной культуре россиян.

Наиболее ярко мировоззренческие основы российского народа выражены в его самосознании и отношении к ключевым событиям отечественной истории, например, XX в. Таковыми событиями XX в. являются Первая мировая и Гражданская войны, Великая Отечественная война и, конечно же, Сталинградская битва, ставшая одним из самых грандиозных сражений Второй мировой войны.

Сталинградская битва стала не только коренным переломом в Великой Отечественной войне, но и мощным, ярким образом мужества и стойкости защитников Отечества для последующих поколений советского и постсоветского периодов. История Сталинградской битвы и судьба города Сталинграда до сих пор вдохновляет россиян на яркое и пронзительное воспевание люб-

ви к Родине, свободолюбия и воли к победе. Многие шедевры народного фольклора, поэзии и прозы, родившиеся во времена военных баталий за Сталинград и Россию, стали классикой военной литературы, а также перешли в разряд солдатских баек, военных анекдотов, крылатых выражений, которыми питается современная российская культура. Образ Сталинграда, как интернациональное место памяти, давшее исторические уроки битвы за Родину, осмысливаются сегодня на уровне российского и зарубежного научного сообщества, массового сознания и общественной практики.

Учитывая актуальность проблематики, с целью более объективного осмысления общественностью интернационального образа Сталинграда и вечно живущей в своем особом состоянии России, составители коллективной монографии сочли необходимым описать и показать архивные документы, фотодокументы держателей личных фондов Государственного архива Волгоградской области (далее – ГАВО). Публикуемые работы представляют собой научные, источниковедческие описания документов фондов не только по материалам Сталинграда и Сталинградской битвы, но и предшествующих военных баталий XX в., закалявших наш народ и делавших его бессмертным.

Среди держателей личных фондов встречаются волгоградцы разных профессий, а именно: инженеры, экономисты, партийные функционеры, историки, филологи, журналисты, поэты и писатели. Во время Сталинградской битвы все они были либо солдатами Великой Отечественной войны, либо детьми этой войны и Сталинграда. Им было о чем вспомнить и потом запечатлеть в своих архивных документах и литературных произведениях.

Коллективная монография состоит из трех разделов. В первый раздел вошли статьи специалистов и общественников ГАВО, изучающих отношение вчерашних солдат и детей войны, а позднее ученых и просветителей, к военным баталиям XX в. Раздел так и называется «Ученые, просветители и война». Второй раздел посвящен поэзии и прозе о войне военного и послевоенного поколения сталинградцев – волгоградцев. Третий раздел состоит из статей, в которых авторы показывают журналистику военно-

го времени. Многие научные описания личных фондов завершаются конкретным источником держателя фонда, касающегося проблематики данной коллективной монографии. Завершает коллективную монографию приложение, включающее фотодокументы держателей личных фондов ГАВО.

Следует выразить особую благодарность всему коллективу специалистов и директору ГАВО, заслуженному работнику культуры РФ Александру Ивановичу Коломыткину за содействие и активное участие в подготовке данной коллективной монографии. Авторы книги выражают не меньшую благодарность кандидату педагогических наук, первому проректору Волгоградского государственного института искусств и культуры Александру Геннадьевичу Веденееву за глубокую, содержательную рецензию и рекомендацию к изданию книги.

Коллективная монография и приложения к ней могут заинтересовать профессиональных историков, филологов, культурологов, этнографов, искусствоведов, психологов, педагогов и просто читателей, интересующихся военной историей и народной культурой особенно в сфере социокультурного аспекта Отечественной истории на территории Нижнего Поволжья.

Всем неравнодушным к российской истории и культуре желаю приятного и полезного прочтения этой книги.

Профессор Волгоградского государственного
института искусств и культуры
З.П. Тинина

УЧЕНЫЕ, ПРОСВЕТИТЕЛИ И ВОЙНА

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В ЖИЗНИ В.И. ТОМАРЕВА

И.С. Петрова

Документы и материалы фондов личного происхождения являются одним из источников для исторических исследований. Документальные источники историков представляют в этой связи особую ценность. В Государственном архиве Волгоградской области хранится личный фонд доктора исторических наук, профессора, преподавателя Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета В.И. Томарева, который внес огромный вклад в изучение истории нашего края, в том числе и в период начала XX в.

Виктор Иванович Томарев родился 28 ноября 1922 г. в слободе Мариновка Калачевской волости 2-го Донского округа Царицынской губернии. Еще в школе он увлекался историей и географией, мечтал о приключениях. Возможно, именно эти увлечения и повлияли на выбор профессии. В 1940 г. Виктор окончил школу и поступил в Тихоокеанское высшее военно-морское училище на Первой речке, недалеко от г. Владивостока, но по состоянию здоровья был отчислен из училища в том же году. Вернувшись в Сталинград, В.И. Томарев был принят в архив техническим работником. Осенью 1941 г. он вернулся к воинской службе. В 1942 г. Виктор Иванович окончил Житомирское пехотное военное училище и отправился в Сталинград в 190-й запасной пехотный полк 64-й армии. Летом и осенью 1942 г. В.И. Томарев занимал пост военного коменданта на буксире «Абхазец», совершил на нем более 700 рейсов и перевез десятки

тысяч людей. Во время войны он принимал участие в боевых действиях в Австрии, Болгарии, Венгрии, Молдавии, Румынии, Украине и Югославии, освобождая территории государств от немецко-фашистских захватчиков. За боевые заслуги он награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны, 15 медалями, в том числе и «За оборону Сталинграда», «За оборону Белграда», «За Победу над Германией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.».

После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Виктор Иванович «решил, что если останется жив, то обязательно станет историком, чтобы рассказать молодому поколению о пережитом советским народом в XX в., о подвигах товарищей по оружию» [2, с. 352]. В 1946 г. В.И. Томарев поступил на исторический факультет Сталинградского государственного педагогического института им. А.С. Серафимовича (в настоящее время – Волгоградский государственный социально-педагогический университет). После успешного окончания института В.И. Томарев был направлен директором в школу № 41 Сталинграда, а с 1952 г. стал преподавать в Сталинградском институте инженеров городского хозяйства (в настоящее время – Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет).

В 1961 г. он защитил кандидатскую, а в 1981 г. – докторскую диссертации. Ученый-историк подготовил свыше 200 научных трудов. Одним из первых в нашем городе он стал собирать и издавать материалы по истории Сталинградской битвы и Великой Отечественной войны. Однако его любимой темой была история Царицына и народного движения в Нижнем Поволжье. 23 ноября 2002 г. Виктор Иванович Томарев скоропостижно скончался.

В 2006 г. документы личного архива Виктора Ивановича были переданы родственниками на хранение в Госархив Волгоградской области, а его личная библиотека – в книжный фонд Волгоградского государственного университета.

В настоящее время архивный фонд В.И. Томарева (Ф. Р – 6588) представлен документами за период 1904–2013 гг. Большую научную ценность имеют документы, включающие в себя рукопи-

си В.И. Томарева за период с 1941 г. по 1997 г. (58 % от общего количества переданных единиц хранения). Это его книга «Большевики Царицына в борьбе за установление и упрочнение Советской власти», диссертации «Большевики Поволжья во главе революционной борьбы трудящихся масс против царизма в период между двумя революциями (1907 г. – февраль 1917 г.)», лекция «Гражданская война в России (1918–1920 гг.)», рецензия на статью Б.С. Абалихина «Отечественная война 1812 года и Западная Украина», черновые материалы к хрестоматии по истории родного края и другие работы историка. Кроме работ, связанных с профессиональной деятельностью, в фонде ученого сохранились записные книжки за 1977–1990 гг., переписка В.И. Томарева с К.Е. Ворошиловым, М.Н. Корчиным, Ю.П. Перевозниковой, Т.М. Сентарецким и другими лицами за 1941–1998 гг., поздравительные открытки за 1945–1980 гг., фотографии и биографии деятелей революционного движения в г. Царицыне, марка с изображением А. Гитлера и печатью почтовой службы Австрии со свастикой 1941 г. и другие источники [1, с. 313–318]. В целом личный фонд историка В.И. Томарева содержит различную информацию, всесторонне освещающую социокультурный аспект деятельности ученого, связанный с военной историей. Многие его труды не потеряли актуальности и сегодня.

Список использованной литературы

1. Петрова И.С. Личный фонд ученого-историка В.И. Томарева в Государственном архиве Волгоградской области // Вестник архивиста. – 2015. – № 1.

2. Юдина Т.В., Тюменцев И.О. К юбилею Виктора Ивановича Томарева // Стрежень: Науч. ежегод. – Вып. 3. – Волгоград, 2003.

3. ГАВО. Ф. Р – 6588. Оп. 1. Д. 12.

В.И. Томарев

БОЛЬШЕВИКИ ПОВОЛЖЬЯ ВО ГЛАВЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ НАРОДНЫХ МАСС В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

(Отрывки из Главы 4 § 2 диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук)

Рукопись переплетена, обложка темно-коричневого цвета, напечатана на печатной машинке на листах формата А4, имеет автограф автора, объем рукописи – 417 листов.

...Война оказала влияние на промышленность Поволжья. Многие предприятия стали выпускать военную продукцию... Однако в целом война сдерживала развитие промышленности. Мобилизация мужчин на фронт вызвала нехватку рабочих рук. Предприниматели мужской труд заменяли женским и детским... Недостаток опытных рабочих привел к снижению производительности труда и качества продукции... В Царицыне в 1916 г. объем производства уменьшился на 40–50 % на 12 лесопильных, трех горчично-маслобойных и двух кирпичных заводах, чулочной фабрики, двух типографиях. Полностью приостановили производство паровая мельница «Товарищества», один кирпичный завод и три кондитерских фабрики... Война ухудшила положение рабочего класса. Продолжительность рабочего дня на фабриках и заводах увеличилась, особенно на тех, которые работали на армию... В то время как заработная плата выросла на 30–50 %, цены на товары повысились в 3-4 раза. Населению не хватало мыла, керосина, сахара, тканей, обуви и других товаров широкого потребления... Война привела в расстройство и сельское хозяйство. Посевные площади в России в 1916 г. уменьшились на одну четверть. Прямые налоги с населения в 1916 г. по сравнению с 1913 г. увеличились на 43 %, косвенные – на 54 %. Каждый день войны стоил 50 миллионов рублей... В годы войны очень остро стоял жилищный вопрос. В губерниях Поволжья было несколько десятков тысяч семей беженцев. Они жили в антисанитарных условиях, скученно, плохо питались и одевались. Следствием этого были частые заболевания. Отсутствие мыла вызвало эпидемию сыпного тифа... Таким образом, империалистическая война привела к дальнейшему ухудшению положения народных масс. Она еще более обострила классовые противоречия в городе и деревне, способствовала усилению борьбы пролетариев и крестьян против царизма, помещиков и капиталистов. После начала войны и до конца 1914 г. в России произошло около 70 забастовок, охвативших 37 тысяч рабочих...

В Поволжье также развивалось стачечное движение... В августе и ноябре 1914 г. крупные забастовки прошли на многих лесопильных заводах Царицына... В марте – апреле 1915 г. забастовали рабочие тридцати лесопильных заводов Бекетовки, Ельшанки, Царицына, в мае – июне стачка охватила восемь царицынских лесозаводов. Первого мая большевики провели крупную маевку в районе станции Садовая. В сентябре 1915 г. снова забастовали 27 лесопильных заводов Бекетовки и Царицына. Стачки происходили также на металлургическом заводе и городском трамвае... С марта по июнь 1916 г. прошло четыре забастовки на Царицынском металлургическом заводе ДЮМО... Для крестьянских волнений в Поволжье периода Первой мировой войны были характерны не только борьба против помещиков, но и выступления против кулаков. Крестьяне громили кулацкие хутора и усадьбы, запахивали их земли, противодействовали землеустроительным работам в интересах сельской буржуазии. Развитие рабочего движения и выступлений крестьян приводило к росту антивоенных настроений среди солдат. Революционные идеи из тыла проникали на фронт через прокламации и письма родных и знакомых, рассказы солдат, возвратившихся из госпиталей и новобранцев. Волнения происходили и в тыловых гарнизонах... Поволжье являлось одним из крупных тыловых районов, где были сосредоточены большие воинские гарнизоны и шла подготовка пополнений для фронта. Общая численность войск колебалась от 400 до 500 тысяч. В губернских городах и крупных промышленных центрах количество войск достигало от 40 до 60 тысяч человек... По мере того, как война все более приобретала затяжной характер, русские войска терпели все новые и новые поражения на фронте, а народное хозяйство приходило в упадок, среди солдат росло недовольство политикой царского правительства... Офицеры нередко заставляли солдат идти в атаку под угрозой применения против них оружия. На фронте происходило братание. Участились случаи нарушений воинской дисциплины, неповиновения солдат офицерам и унтер-офицерам, усилилось дезертирство... Росло недовольство царским режимом и среди солдат, расквартированных в Саратовской губернии, в гарнизонах Саратова, Вольска, Балашова,

Камышина, Петровска, Аткарска. Особенно сильно это недовольство проявлялось в Царицынском гарнизоне. В годы войны здесь были размещены 93, 141 и 155-й запасные пехотные полки и студенческий батальон. Город напоминал военный лагерь, так как численность войск здесь достигала 40 тысяч, много было также госпиталей...

ГАВО. Ф. Р – 6588. Оп. 1. Д. 12. Л. 289–323.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1917–1922 гг. ГЛАЗАМИ СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ: С.М. КОПТИЕВСКОЙ-БАНТКЕ И С.С. БАНТКЕ

Н.Ю. Новикова

В истории России в течение XIX–XX вв. произошло много событий: поменялось несколько императоров, вводились новые политические и экономические реформы, отменили крепостное право, велись многочисленные войны, как на территории России, так и за ее пределами. В результате этого авторитет монархии ослаб настолько, что в 1917 г. в результате государственного переворота к власти пришли большевики. Началась самая страшная война, какая только может быть – гражданская. Войны, которые происходят между государствами, – это всегда горе. Но самое большое горе – когда брат идет на брата, а сын на отца. В этой войне нет побежденных и победителей. Это общая беда всей страны, всего народа. К тому же гражданская война в России в 1917–1922 гг. разворачивалась в условиях иностранной военной интервенции. События того времени нашли отражение в воспоминаниях очевидцев: Софьи Моисеевны Коптиевской и ее мужа Самуила Самуиловича Бантке (Рубан).

Софья Моисеевна Коптиевская родилась 2 (15) февраля 1902 г. в г. Киеве в семье школьного учителя и домохозяйки. Софья Моисеевна была шестым ребенком. Одному отцу было тяжело прокормить такое количество человек. Поэтому семья с трудом сводила концы с концами. Ее отец умер через несколько лет

после того, как в 1905 г. был жестоко избит черносотенцами во время революционных событий. Тогда старшие братья и сестры С.М. Коптиевской пошли работать. К тому времени их семья уже переехала в г. Екатеринослав (г. Днепропетровск). В 1919 г. Софья Моисеевна вступила в подпольную организацию комсомола и была самым активным участником комсомольской ячейки.

После того, как в г. Екатеринославле установилась советская власть, С.М. Коптиевскую направили секретарем уездного комитета комсомола в г. Верхнеднепровск Екатеринославской губернии (Днепропетровская область). Вот как описывает события тех лет ее дочь Нинель Самуиловна Бантке в своей статье, посвященной родителям «Память о вас вечна»: «В городе не было больших промышленных предприятий. Комсомольские ячейки были малочисленны. Необходимо было часто выезжать в села для того, чтобы участвовать в организации сельских ячеек и в работе комитетов бедноты. Отягощалось положение еще и тем, что на территории уезда действовали не полностью уничтоженные банды – остатки разгромленных петлюровцев и деникинцев. Каждая поездка в село была сопряжена с риском для жизни. Важно было не оказаться жертвой бандитских налетов. Как активный и принципиальный секретарь комсомольской организации, прекрасный организатор, Софья завоевала большой авторитет, и в 1920 г. в 18 лет без прохождения кандидатского стажа была принята в ряды партии большевиков. С этого момента вся жизнь ее без остатка была отдана партии...» [3, л. 2].

Там же в 1920 г. Софья Моисеевна встречалась с депутатом IV Думы и Всеукраинским старостой Григорием Ивановичем Петровским, который приезжал в г. Верхнеднепровск с агитпоездом. Однако это были годы гражданской войны и интервенции. Врангель вел активное наступление на Южном фронте. С. М. Коптиевская вместе с большинством Днепропетровского пленума губернского комитета комсомола ушла добровольцем на фронт в августе 1920 г. и была направлена в Революционный военный совет 2-й Конной армии в разведывательное управление для работы за кордоном. Софью Моисеевну отправили в тыл Врангеля в район порта Складовск Херсонской области под псевдонимом – Краснова. С помощью данных военной разведки,

которые С.М. Коптиевская передавала, 2-я Конная Армия корректировала свои действия. «В результате ожесточенных боев Врангель был отброшен в Крым... В ночь на 8 ноября 1920 г. в результате героического штурма перекопского перешейка Красная Армия ворвалась в Крым и освободила его от врага. Это был конец иностранной интервенции. В штурме Перекопа участвовала и Софья Коптиевская. Во время штурма Софья обморозила ноги и месяц пролежала в госпитале» [3, л. 2].

После госпиталя, когда закончилась врангелевская кампания в марте 1921 г., С.М. Коптиевскую под видом дворянки по заданию закордонного отдела ЦК КП(б)У нелегально переправили в Бессарабию, оккупированную в то время королевской Румынией. «Для легализации своего пребывания в городе Софья вначале пела в хоре Кишиневской оперетты, а затем ей удалось поступить на службу к белогвардейскому генералу. Это дало ей возможность добывать очень важные разведданные. Здесь она каждую минуту рисковала жизнью. Пребывание Софьи Моисеевны в Кишиневе было связано с военной разведкой, она была глубоко законспирирована. Поэтому связи с коммунистическим подпольем у нее не было» [3, л. 2]. Из воспоминаний Софьи Коптиевской: «Мне, в ту пору молодой и неопытной, уже поручили вести политкружок. Неграмотные, с еще неразбуженным классовым сознанием рабочие разных профессий – слесари, печники, кровельщики, портные – ловили каждое слово о Ленине, изучали его труды, постигали теорию и постепенно включались в борьбу против оккупантов, за восстановление Советской власти в Бессарабии, за свои права» [5, л. 40].

В июне 1922 г. после успешного выполнения задания ее так же нелегально вернули на родину. За эти события С.М. Коптиевская спустя 45 лет была награждена орденом Красной Звезды. После возвращения на Родину из Бессарабии Софью Моисеевну ЦК КП(б)У направил на учебу в г. Харьков в лекторскую группу коммунистического университета имени Артема. Здесь весной 1923 г. Софья Коптиевская и познакомилась со своим будущим мужем Самуилом Самуиловичем Бантке. Осенью 1923 г. С.М. Коптиевская с разрешения ЦК РКП(б) переехала в г. Москву по месту жительства мужа. Московский комитет партии

направил ее секретарем комсомола и пропагандистом в Броницкий уезд на фабрику «Октябрьская революция 1917 г.». В июне 1924 г. Софью Моисеевну направили председателем союза «НАРПИТ» (профессиональный союз рабочих народного питания), пропагандистом и организатором женотдела. Затем Софья Коптиевская была преподавателем советской партийной школы. В сентябре 1925 г. С.М. Коптиевскую отправили в командировку лектором ГК КП(б)У в г. Николаев. В мае 1926 г. она получила новое направление партии – преподавателем истории на Всеукраинских курсах подготовки и переподготовки пропагандистов в г. Киев. А уже в октябре 1926 г. Софью Моисеевну командировали на учебу в Институт красной профессуры в г. Москву. Там она училась на отделении истории СССР. Однако одновременно с учебой – на курсах марксизма при ЦК ВКП(б) и в комуниверситете трудящихся национальных меньшинств Запада вела историю СССР.

С мая 1931 г. после окончания учебы в Институте красной профессуры С.М. Коптиевская руководила кафедрой истории СССР в областном коммунистическом университете г. Москвы. В феврале 1932 г. ее назначили заведующей исторической редакцией издательства ЦК ВКП(б) «Партиздат». С февраля 1935 г. по октябрь 1936 г. Софья Коптиевская руководила участком по организации лекционной пропаганды в г. Ленинграде. Она была инструктором ГК ВКП(б). После Софья Моисеевна перешла работать преподавателем истории СССР в Институт красной профессуры г. Ленинграда. Когда арестовали мужа в 1937 г., С.М. Коптиевскую исключили из партии и сняли с работы. А 22 мая 1938 г. ее выслали из г. Ленинграда в г. Омутнинск Кировской области. И там она смогла получить работу преподавателя только в школе медсестер, а после на курсах подготовки и переподготовки учителей неполной средней школы при педучилище. В сентябре 1939 г. с разрешения НКВД Софья Моисеевна переехала жить в г. Егорьевск, что в 115 км от г. Москвы. Из-за нехватки преподавателей истории ее сразу же взяли на работу в филиал Московского текстильного техникума.

В ноябре 1940 г. Софье Коптиевской было предложено выехать из г. Егорьевска в г. Владимир (подальше от г. Москвы).

И поскольку в то время предложения НКВД не обсуждались, С.М. Коптиевская вынуждена была переехать.

Из воспоминаний дочери: «Во Владимире первое время Софья Моисеевна работала преподавателем истории в старших классах средней школы, позднее завучем. В годы Отечественной войны Софья Моисеевна жила и трудилась во Владимире. Педагогическую работу она совмещала с оборонными работами, с выступлениями с докладами и лекциями в госпиталях, в войсковых частях. Она была донором – много раз отдавала свою кровь раненым...» [3, л. 6].

В декабре 1944 г. был создан Владимирский государственный институт имени П.И. Лебедева-Полянского и С.М. Коптиевскую после согласования с обкомом партии пригласили на должность старшего преподавателя и заведующей кафедрой истории. Одновременно с этим с сентября 1945 г. по октябрь 1946 г. она в областной партийной школе вела лекционный курс по истории СССР. А также преподавала в Доме офицеров и в вечернем университете марксизма-ленинизма при горкоме ВКП(б).

В мае 1946 г. с Софьи Коптиевской сняли административную ссылку. И в конце 1948 г. она переехала в г. Сталинград (г. Волгоград). Здесь до ухода на пенсию (в феврале 1960 г.) Софья Моисеевна работала преподавателем в вечернем университете марксизма-ленинизма при горкоме КПСС. Одновременно с этим с 1950 г. С.М. Коптиевская работала референтом областного управления Общества «Знание» (Общество по распространению политических научных знаний), а с 1951 по август 1954 гг. – старшим преподавателем истории СССР в педагогическом институте имени Серафимовича.

11 апреля 1956 г. ее муж С.С. Бантке был посмертно реабилитирован комитетом партийного контроля при ЦК КПСС, и Софью Коптиевскую восстановили в рядах членов партии, а также отменили административную высылку.

В 1957 г. С.М. Коптиевскую назначили заведующей филиалом вечернего университета марксизма-ленинизма Тракторозаводского района г. Сталинграда. С выходом на пенсию Софья Моисеевна не закончила свою трудовую деятельность. До 1962 г. она продолжала работать на общественных началах внештатным

инструктором ГК КПСС, а затем членом методического совета Краснооктябрьского РК КПСС. Помимо ордена Красной Звезды С.М. Коптиевская была награждена шестью медалями. Ее общественная работа неоднократно была отмечена почетными грамотами. Софья Моисеевна была персональным пенсионером союзного значения. 26 октября 1983 г. на 82-м году жизни Софья Моисеевна Коптиевская умерла.

Самуил Самуилович Бантке (Рубан) родился 11 (23) декабря 1898 г. в г. Кишиневе Бессарабской губернии (Молдова) в семье ремесленника. Его отец работал цирюльником. Самуил Бантке был третьим ребенком в семье. С семи лет он пошел учиться в школу и закончил ее с отличием. Но материальное положение семьи было настолько тяжелым, что маленькому Миле пришлось подрабатывать цирюльником. В 1909 г. он поступил в Кишиневское коммерческое училище сразу в 3-й класс. Его учебу частично оплачивали две богатые семьи г. Кишинева. Учился он там по 1917 г. В 1911 г. умер отец Самуила Самуиловича. Материальное положение семьи стало еще тяжелее. Чтобы хоть как-то помочь своим родным С.С. Бантке стал совмещать учебу с репетиторством и работой цирюльником. Однако это не мешало его учебе. С ранних лет он отличался любознательностью, острым умом и огромным желанием учиться и познавать мир.

Большое влияние на формирование политических убеждений и взглядов на жизнь Самуила Бантке оказали большевики румынского фронта, с которыми он общался в годы Первой мировой войны. И уже в 17 лет в 1916 г. С.С. Бантке вступил в ряды революционеров. Он участвовал в революционных кружках среди учеников средней школы. Уже после Февральской революции 1917 г. Самуил Самуилович стал первым председателем и одним из организаторов Бессарабского Красного Союза учащихся средней школы. Этот Союз учащихся и стал родоначальником Бессарабского комсомола.

В декабре 1917 г. Самуил Бантке вступил в большевистскую организацию г. Кишинева – стал членом коммунистической партии. Он вел пропагандистскую работу и распространял большевистскую литературу среди солдат, уходивших с румынского фронта.

Когда в январе 1918 г. Бессарабию оккупировали румынские войска, С.С. Бантке сражался против интервентов, а затем вместе с отступавшими частями покинул родные места. После этого он уехал в г. Петроград. Там Самуил Бантке работал в совете народного хозяйства и в городском отделе народного образования.

В декабре 1918 г. его направили по партийной мобилизации в г. Киев на Украину. И до марта 1919 г. Самуил Самуилович работал членом коллегии отдела военных заготовок Киевской области. С марта 1919 г. он уже в рядах Красной Армии. Был военно-политическим комиссаром Первой Особой Бессарабской бригады, принимал участие в боях против петлюровцев и гайдамаков, участвовал во взятии г. Одессы.

После вторжения белогвардейской армии Деникина на Украину, в конце августа 1919 г., С.С. Бантке был направлен Бессарабским Обкомом РКП(б) на подпольную работу в Бессарабию. Но уже через месяц провокатор провалил его.

В общей сложности Самуил Бантке сидел 2 года и 7 месяцев в различных тюрьмах Румынии и Бессарабии, в том числе и в крепости Дофтано (румынская одиночная тюрьма). Ее еще называли «Румынская Бастилия». Она была построена в 1895 г. недалеко от горнодобывающих рудников, где и должны были работать заключенные. Но и в заключении его воля не была сломлена. Он и там продолжал вести революционную борьбу: выпускал рукописный журнал «Тюрком» («Тюремный коммунист»), оказывал моральную поддержку вновь прибывшим товарищам и вместе с другими заключенными организовал празднование 3-й годовщины Октябрьской революции.

После выхода из тюрьмы в январе 1922 г. Самуил Самуилович снова вернулся к работе в большевистском подполье. Он был редактором нелегальной газеты Обкома РКП(б) и являлся членом подпольного областного комитета партии. В июне 1922 г. С.С. Бантке снова угрожало заключение в тюрьму, так как он опять был провален провокатором. Тогда подпольный Обком РКП(б) предложил Самуилу Бантке выехать в Советскую Россию.

После приезда С.С. Банкте в Россию, ЦК РКП(б) направил его на учебу во 2-ю лекторскую группу Коммунистического

университета имени Свердлова. Одновременно с учебой с осени 1923 г. он вел в г. Москве преподавательскую работу на курсах уездных работников при ЦК РКП(б).

Весной 1924 г. Самуил Самуилович был в числе первых, кто откликнулся на призыв партии для ответственной партийной работы в промышленном районе. И с марта 1924 г. до сентября 1925 г. он работал в г. Кривой рог Екатеринославской губернии (Днепропетровская область) завагитпромом (заведующий агитацией и пропагандой) Окружного Комитета КП(б)У. Вместе с этим С.С. Банкте был редактором газеты Окружкома КП(б)У «Красный горняк».

В сентябре 1925 г. его направили руководителем подгруппы ЦК КП(б)У в г. Николаев. А уже летом 1926 г. перебросили преподавателем истории на Всероссийских курсах пропагандистов в г. Киев.

Осенью 1926 г. ЦК КП(б)У командировал Самуила Самуиловича Бантке на учебу в г. Москву в институт Красной Профессуры на историческое отделение, где он учился до 1930 г. По решению ЦК ВКП(б) одновременно с учебой с 1927 г. С.С. Бантке работал председателем кафедры Всеобщей истории в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ).

Во время учебы в институте Красной Профессуры Самуил Самуилович вел активную общественную и партийную работу. Он был деканом исторического отделения и членом бюро ячейки ВКП(б). Его первые научные работы, написанные на семинарах института Красной Профессуры, были опубликованы: в сборнике «Социалистическое движение во Франции» – «Циммервальдское движение во Франции в первые годы мировой войны» и в научно-теоретическом журнале «Историк-Марксист» – «Петровская реформа в освещении Соловьева».

В октябре 1929 г. по решению ЦК ВКП(б) С.С. Бантке направили в научную командировку во Францию. Там он пробыл до июня 1930 г. Результатом этой командировки стала его монография «Борьба за создание коммунистической партии Франции». Первую часть монографии издали в 1936 г. в «Партиздат» – издательстве ЦК ВКП(б).

После возвращения из Франции Самуила Самуиловича оставили работать председателем кафедры Всеобщей истории в ин-

ституте Красной Профессуры. Вместе с этим он в Международной ленинской школе при Исполкоме Коминтерна и на курсах марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) вел курс Новой истории.

С 1931 г. до начала 1935 г. по назначению ЦК ВКП(б) Самуил Бантке работал заместителем заведующего сектором истории Коминтерна ИМЭЛа (институт Маркса-Энгельса-Ленина). В 1932 г. его назначали членом редакции научно-популярного исторического журнала «Борьба классов».

В феврале 1935 г. ЦК ВКП(б) назначил С.С. Бантке директором научно-исследовательского института Истории Ленинградского отделения Коммунистической Академии и руководителем кафедры Новой истории Ленинградского института Красной Профессуры. После ликвидации Ленинградского отделения Коммунистической Академии он работал старшим научным сотрудником – руководителем сектора Новой истории Ленинградского отделения института истории Академии Наук СССР. Помимо этого, в феврале 1936 г. решением Ленинградского Обкома ВКП(б) его назначали руководителем кафедры Новой истории в Школе пропагандистов. К тому же Самуил Самуилович постоянно выступал на заводах, предприятиях и в воинских частях с докладами и лекциями. И в 1935 г. за проводимую пропагандистскую работу от руководства Балтийского флота ему была вынесена благодарность. В то же время, не смотря на свою занятость, он всегда поддерживал связь с революционным движением в Бессарабии. Принимал участие в работе Центрального совета Общества бессарабцев в Москве. Писал статьи в журнале «Красная Бессарабия», где был редактором больше двух лет.

Однако в ночь на 22 ноября 1937 г. органы НКВД арестовали Самуила Бантке по ложному обвинению в шпионаже в пользу румынской разведки. То было время политических репрессий, доносов и наговоров. Его осудили 24 января 1938 г. на 10 лет без права переписки, а уже 04 февраля 1938 г. С.С. Бантке расстреляли под г. Ленинградом и сейчас его прах покоится в Левашовском захоронении вместе с такими же расстрелянными после июня 1937 г. «врагами народа».

За свою короткую, но очень яркую жизнь Самуил Самуилович Бантке опубликовал более 60 научных работ, в том чис-

ле по истории рабочего революционного и политического движения в Германии, Италии и Франции. Впервые опубликовал письма активистов Первого Интернационала в дни Парижской Коммуны. Некоторые написанные им работы: «Борьба за создание Коммунистической партии Франции», «Ленин о Парижской коммуне» и «Карл Маркс и Парижская коммуна», были переведены и изданы на немецком и французском языках. В то же время он всегда интересовался историей революционного движения в Бессарабии. Этому посвящены монографии: «Бессарабская молодежь под сапогом румынского жандарма» и «10 лет борьбы против румынских бояр». В 1927 г. вышла из печати его книга «В гробу Дофтаны», описывающая каторжный режим тюрьмы.

Бывшая ученица С.М. Коптиевской доктор исторических наук, профессор Н.Н. Кузнецова в своей статье «Герои рядом с нами» писала: «Научные интересы С.С. Бантке можно условно разделить на две большие темы. Первая – «бессарабский вопрос». В его брошюрах и статьях с марксистко-ленинских позиций были освещены отдельные этапы трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской социалистической Родиной... Вторая тема связана с историей рабочего, профессионального, социалистического движения во Франции. Сюда же относятся научные статьи о деятельности Германской коммунистической партии и об Италии... С.С. Бантке интересовала деятельность Германской коммунистической партии. В 1927 г. он опубликовал работу «Германские коммунисты в борьбе за массы». Работа интересна тем, что в ней с научной добросовестностью анализируются действия германских коммунистов накануне экономического кризиса. В работе рассматриваются все три периода в истории Германской коммунистической партии, указывается на серьезнейшую опасность для нее роста фашизма, влияния крупного монополистического капитала. С.С. Бантке был одним из тех, кто увидел всю опасность раскола германского рабочего движения. Хорошо зная состояние коммунистического движения в Европе и активность фашизма в Германии и Италии, он видел всю серьезность создавшейся ситуации» [4, л. 33–35].

Самуил Самуилович Бантке провел огромную работу по исследованию процесса образования коммунистической партии во Франции. По итогам этой работы после командировки во Францию вышла первая часть его книги «Борьба за создание коммунистической партии во Франции». Для освещения данного вопроса С.С. Бантке изучил широкий круг источников: архивные материалы и документы партийных организаций Франции; французские газеты и журналы, изданные в начале XX в., в том числе, полулегальные и нелегальные листовки, прокламации, воззвания и брошюры различных французских рабочих и социалистических организаций.

Вот как описывается работа Самуила Бантке в ученых записках № 284 «Вопросы новой и новейшей истории» изданной в 1967 г.: «В этом исследовании... С.С. Бантке прежде всего критически рассматривает позицию различных течений в Объединенной социалистической партии по вопросу о войне и милитаризме в предвоенные годы, а затем – измену их лидеров социализму в начале Первой мировой войны. Далее автор показывает зарождение и развитие оппозиции во французском социалистическом и профессиональном движении, ее участии в международной социалистической конференции в Циммервальде... и рост циммервальдского движения во Франции. Особо останавливается автор на своеобразии этого движения во Франции, подчеркивая, что здесь оно развивалось медленнее и труднее, чем в других странах, в силу ряда отрицательных особенностей довоенного французского социализма и синдикализма. С.С. Бантке подробно характеризует деятельность Комитета по восстановлению международных связей, показывает растущее размежевание внутри французского циммервальдского движения и выделение в нем сторонников идей Циммервальдской левой. Автор подчеркивает и доказывает на большом фактическом материале, что этот процесс базировался на росте революционного движения рабочих, солдат и крестьян во Франции, особенно усилившемся в 1916–1917 гг. ...Особое внимание уделяет автор рассмотрению деятельности русских большевиков среди французских рабочих, социалистов и синдикалистов. Именно они... сыграли ведущую роль в распространении во Франции идей Циммервальдской левой» [2, л. 1–2].

В своей научной работе Самуил Самуилович делает выводы, что «Мировая империалистическая война 1914–1918 гг. вызвала первые попытки создания нового революционного Интернационала, в противовес II оппортунистическому Интернационалу... Под влиянием Февральской и особенно Великой пролетарской революции в России начинается мощный подъем революционного движения во Франции не только в тылу, но, что наиболее показательно, и на фронте... Этот трудный и сравнительно медленный процесс создания партии III Интернационала во Франции совершался, как мы видим из фактов, под давлением все более и более революционизировавшихся масс французского рабочего класса и под непосредственным влиянием Великой пролетарской революции в России и партии большевиков» [1, л. 1, 146, 237].

Благодаря своей огромной работоспособности С.С. Бантке почти закончил вторую часть книги, но из-за ареста не успел ее издать. Все рукописи во время обыска были изъяты. Чудом сохранилось только несколько глав, которые были опубликованы уже после его смерти и реабилитации в 1958 г. и в 1961 г. в сборниках «Французского ежегодника», изданных Институтом истории Академии наук СССР.

Трудную, но героическую и яркую жизнь прожили Софья Моисеевна Коптиевская и Самуил Самуилович Бантке. Они были честными и благородными людьми, беззаветно преданными высшим идеалам, настоящими коммунистами, большими учеными. Людьми, которые пронесли через всю свою нелегкую жизнь любовь друг к другу, к своим детям, к Родине, к своим ученикам, к любимому делу и советской культуре.

Многие из учеников Софьи Моисеевны в годы Великой Отечественной войны героически защищали Родину. С.М. Коптиевская смогла воспитать не одно поколение историков и патриотов нашего Отечества. Самуил Самуилович остался в памяти людей не только лично знавших и любивших его, но и в науке. За свою недолгую жизнь С.С. Бантке сделал весомый и значительный вклад в развитие исторической науки. Оба они с полной отдачей и честно служили Родине, народу и любимому делу.

Список использованной литературы

1. ГАВО. Ф. Р – 6535. Оп. 1. Д. 89.
2. ГАВО. Ф. Р – 6535. Оп. 1. Д. 107.
3. ГАВО. Ф. Р – 6535. Оп. 1. Д. 118.
4. ГАВО. Ф. Р – 6535. Оп. 1. Д. 122.
5. ГАВО. Ф. Р – 6535. Оп. 1. Д. 161.

О ВОЙНАХ И НЕ ТОЛЬКО XX ВЕКА В АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ И.Г. ТИНИНА [1]

З.П. Тинина, О.И. Родионова

Участник Великой Отечественной войны Иван Григорьевич Тинин (19.06.1923 – 08.07.2007) родился в Болгарии в семье русских эмигрантов первой волны Григория Ивановича Никулина-Тинина и Анны Александровны Лавровой. Разделив вместе с родителями все трудности эмигрантской жизни, он начал свою трудовую деятельность с десяти лет от роду сначала служкой, иподьяконом в Русской Православной Церкви св. Николая Угодника в городе София (Болгария). Настоятелем этой церкви служил русский эмигрант архиепископ Серафим [Соболев] (1881–1950), причисленный к лику святых Болгарской Православной Церковью. Параллельно со службой в Церкви Иван Тинин закончил Софийскую русскую классическую гимназию (Болгария, 1929–1941), стал студентом Софийского университета имени св. Климента Охридского. С 1 сентября 1943 г. он перешел на заочное отделение 3-го курса этого вуза и с 9 сентября того же года ушел на фронт солдатом болгарской армии в составе 3-го Украинского фронта под руководством маршала Советского Союза Толбухина. В 1955 г. в возрасте 32 лет Иван Тинин приехал в Советский Союз на жительство со своей матерью, ностальгировав-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Социокультурный аспект жанровых особенностей народного фольклора Сталинградской битвы» № 16-11-34002.

шей по Родине, с женой, дочерью русских эмигрантов, Ариадной Михайловной Невейновой, а также с двумя детьми дошкольного возраста Иваном и Татьяной [1, с. 169; 3, с. 126–164].

Местожительство для этой семьи русских эмигрантов было предложено в Волгоградской области. Здесь Иван Григорьевич в разное время успешно работал директором и художественным руководителем Дома культуры города Дубовки Волгоградской области, преподавал гуманитарные дисциплины в Волгоградском государственном педагогическом институте (ныне университете), в училище культуры, Волгоградском государственном университете, Волгоградском государственном институте искусств и культуры, Волгоградском православном университете имени Сергия Радонежского, в гимназиях и лицеях города Волгограда. Иван Григорьевич активно проявлял себя и как режиссер массовых представлений, и как историк-публицист, краевед, просветитель, и как профессиональный эксперт по церковной утвари, книгам, иконам. Он был инициатором создания и членом попечительского Совета при церкви Св. Параскевы в Кировском районе города Волгограда, принимал участие в возрождении Русской Православной Церкви и православной культуры в Волгоградской и Камышинской митрополии. За свои боевые заслуги Иван Григорьевич получил орден с короной, мечом и кольтом из рук Болгарского царя Симеона в 1945 г. За усилия в возрождении мирной жизни в нашей послевоенной стране, за активную жизненную позицию и неутомимую деятельность в сфере образования и просвещения он удостоился чести стать заслуженным работником культуры СССР, получить общецерковную награду Русской Православной Церкви «Орден преподобного Сергия Радонежского» из рук митрополита Волгоградского и Камышинского Германа, стать почетным гимназистом гимназии № 7 Красноармейского района города Волгограда.

Личный архив Ивана Григорьевича Тинина, хранящийся в Государственном архиве Волгоградской области, многообразен по жанровому исполнению документов, по их происхождению, по датировке. Здесь можно познакомиться с публицистикой в виде вырезок из газет со статьями Ивана Григорьевича и о нем. Например, в статье «Как я из русского болгарина стал советским челове-

ком», помещенной в областном журнале «Провинциальные вести» (№ 2/1993), Иван Григорьевич рассказывает с присущей ему иронией о том, как он в Болгарии получал советское гражданство после 1946 г. [14, л. 10–11]. В газете «Волжские новости» в качестве автора статьи «Русский вопрос. Игра в Россию» он деликатно дает ликбез организаторам и координаторам российского центра «Денница», образованного в 90-е гг. XX в. [13, л. 3]. В университетской газете Волгоградского государственного университета Иван Григорьевич дает открытую лекцию, посвященную тысячелетию русской духовности [11, л. 1], а в «Новой газете», выходившей в 90-е гг. XX в., в статье «77 имен дьявола» рассказывает о роли этого библейского персонажа в религиозных учениях и жизни народов [8, с. 3]. Ивана Григорьевича беспокоили проблемы, связанные не только с религиозной, традиционной культурой России [2, с. 5; 5, с. 5; 6, с. 3; 7, с. 1; 8, с. 3; 11, л. 1; 15, л. 18; 16, л. 25–26, 33, 33 об., 35, 35 об.], но и, например, с государственной символикой страны. Особенно остро эта проблема стояла в те времена, когда государство СССР распалось, а новая Россия в начале своего пути не имела еще государственного флага и государственного герба. Этому вопросу преподаватель ВолГУ Иван Тинин посвятил статью «Взмахнет ли крыльями Орел? Или Символ независимой России» и пр. [4, с. 1; 9, с. 17; 13, л. 3; 16, л. 24, 27].

Иван Григорьевич не был профессиональным поэтом, прозаиком и не стремился к профессионализму в этих жанрах литературы, но будучи высоко интеллектуальным человеком, любил писать и рифмовать свои мысли по разному поводу политической и повседневной жизни. Его вирши на какие-либо исторические, политические темы, или на злобу дня, впитали в себя не только высокую культуру русской разговорной речи, стихосложения дворянского сословия России, но и менталитет одного из представителей этого, канувшего в лету, благородного сословия. Так, однажды, играя в шахматы с другом и пытаясь его убедить в том, что от одного отдельно взятого, рядового человека мало, что зависит в жизни, что, мол, все под Богом ходим, Иван Григорьевич разразился следующими строчками:

Не надо падать ниц –
Несчастья – не цунами.

Жизнь – это только блиц
Тех, кто играет нами.
По жизни егозя,
Ее проходим в спешку.
Не думая, ферзя
Меняем мы на пешку,
Не чувствуя беды.
С восходом и закатом –
Как не готовь ходы,
Кончается все матом!
[10, л. 3].

Иван Григорьевич любил посвящать юбилейные стихи своим друзьям, в которых, как правило, подводил предварительный итог и своей дружбе и профессиональной деятельности друга. В качестве примера можно привести несколько строк стихов, подаренных им на 60-летний юбилей заведующему кафедрой археологии, древней и средневековой истории профессору Анатолию Степановичу Скрипкину:

Я не люблю парады, юбилеи.
На них не то, что надо говорят.
То юбиляра прыскают елеем,
То дифирамбы громко говорят.
А я скажу и проще и понятней,
Не как Зюганов или Рыбкин.
Я Вас люблю и сильно уважаю,
Мой босс, мой друг и безбутыльник Скрипкин...
[10, л. 5].

Одним из примеров высочайшей русской культуры и образованности являются его вирши, сочиненные и прочитанные в День историка Волгоградского государственного университета, например, в виде «Исфакийской летописи по Кирилловскому и Мефодиевскому спискам». Иван Григорьевич никогда не забывал свою миссию учителя, преподавателя, просветителя, прежде всего, молодого поколения будущих хозяев России, т.е. студентов. Летопись составлена в стиле древне славянского языка, на котором была написана Повесть временных лет монаха Киево-Печерской лавры Нестора еще в начале XI в. В ней на непривычном

для наших современников языке, но очень важном для будущих историков, Иван Григорьевич рассказал об истории формирования и становления исторического факультета в Волгоградском государственном университете. В летописи звучат имена, как исторических личностей прошлых веков, так современных деятелей, принявших активное участие в строительстве университета и факультета. Подобными историко-филологическими произведениями Иван Григорьевич регулярно потчевал студентов, и они любили его интересные занятия по специальным историческим дисциплинам [3, с. 16–18; 10, л. 11–15; 11, л. 1].

В архиве хранится большой список писем адресата друзьям эмигрантской юности, армейских будней в Болгарии и Македонии, а также светским и церковным друзьям, некоторым государственным деятелям Волгоградского региона. В них запечатлена культура письменного общения, свойственная XX в. в нашей стране и в среде русских эмигрантов первой волны, отражено субъективное представление о многих бытовых и политических проблемах, как в СССР, так и в нарождающейся новой России в 90-е гг. XX и в начале XXI в.

Помимо источников научно-просветительской публицистики и эпистолярного жанра [12, л. 8 об.; 16, л. 23, 23 об., 38–45; 17, л. 1–2] в личном архиве Ивана Григорьевича хранятся его мемуары, в которых он запечатлел историю и культуру целой эпохи прошлого столетия Европы и России. Они были изданы в 2001 г. и стали на сегодня источниковедческой редкостью. В них можно почерпнуть информацию о школьной и гимназической системе обучения за рубежом, развернутой белыми эмигрантами для своих детей, познакомиться с мнением простого корнета Григория Ивановича о Первой мировой войне и Февральской революции, пересказанные его сыном. В мемуарах рассказано с легкой иронией о Второй мировой войне, о Великой Отечественной войне устами солдата Ивана Тинина. Здесь также хранятся воспоминания сына русского эмигранта, вернувшегося на родину предков после войны со своей семьей, о советской действительности, бытовой повседневной культуре советских граждан, о возрождении Русской Православной Церкви в Волгоградской области и в России в целом [3].

Архивные материалы участника Великой Отечественной войны, заслуженного работника культуры СССР, одного из первых в Нижневолжском регионе основателя игры КВН и жанра агитбригады, орденоносца и медалиста, учителя, просветителя и общественного деятеля И.Г. Тинина не утратили своей актуальности и сегодня. Они являются кладезем научно-просветительских изысканий современных историков, филологов, философов, культурологов и представителей многих других гуманитарных дисциплин.

Список использованной литературы

1. Иван Григорьевич Тинин // Кто есть кто в Волгограде и Волгоградской области: Справочно-информационный альбом. – Т. 1. – Волгоград, 2007. – С. 169.

2. Лавров И. Великий пост // Православное слово. – 1992. – Март. – № 7.

3. Тинин И.Г. Бытие. Исход. Второзаконие (история глазами очевидца). Династия Тининых и иже с ними. Воспоминания. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. – 388 с.

4. Тинин И. Взмахнет ли крыльями орел? Или Символ независимой России // Городские вести. – 1993. – 9 января. – № 3 (241).

5. Тинин И. Ныне отпущаеши раба твоего // Православное слово. – 1992. – Март. – № 7.

6. Тинин И. Перед Богом все равны // Городские вести. – 1991. – 8–16 мая. – № 19 (45).

7. Тинин И. Радоница // Городские вести. – 1991. – 12–18 апреля. – № 15 (41).

8. Тинин И. 77 имен дьявола // Новая газета. – 1991. – 23 марта.

9. Чевгун М. Я век себе по росту подбирал // Вечерний Волгоград. – 2004. – 7 мая. – № 5.

10. ГАВО. Ф. Р – 1191. Оп. 1. Д. 1.

11. ГАВО. Ф. Р – 1191. Оп. 1. Д. 2.

12. ГАВО. Ф. Р – 1191. Оп. 1. Д. 3.

13. ГАВО. Ф. Р – 1191. Оп. 1. Д. 4.

14. ГАВО. Ф. Р – 1191. Оп. 1. Д. 8.

15. ГАВО. Ф. Р – 1191. Оп. 1. Д. 11.

16. ГАВО. Ф. Р – 1191. Оп. 1. Д. 18.

17. ГАВО. Ф. Р – 1191. Оп. 1. Д. 19.

И.Г. Тинин

ВЫСТУПЛЕНИЕ И.Г. ТИНИНА НА ОДНОМ ИЗ ДНЕЙ ИСТОРИКА НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ВолГУ (ВОЗМОЖНО, 90-е гг. XX в.)

Мир уцелел потому, что смеялся.

Почему мир уцелел? Да потому, что смеялся. Так написано на фронтоне дворца смеха в Габрово. Я родился в 20 километрах от Габрово в городе Дреново. И горжусь тем, что я полугабровец. Чувство юмора присуще только человеку. Животные лишены этого чувства. Ни лошадь, ни кошка, ни клоп смеяться не могут.

В научно-исследовательском институте смеха в Габрово провели интересный опыт. Ученые щекотали под мышкой перышком колибри таракана, чтобы он засмеялся. Через год таракан сдох. Ученые решили, что он сдох от смеха. При вскрытии было обнаружено, что таракан сдох от голода. Из экономии габровцы его не кормили.

А человек может смеяться, если его щекотать. У Емиля Кроткого есть такое четверостишие. Он его написал, как рецензию на юмористическую книгу одного горе юмориста:

Эта книжица у всех
Вызывает бурный смех,
Если этой книжкой
Щекотать под мышкой.

Но есть книжки, которые вызывают бурный смех своим содержанием. Возьмем Михаила Зощенко. Я остановлюсь только на его исторических исследованиях, которые помещены в его Голубую книгу.

Один из отрывков такого исследования звучит примерно так: «Церковники однажды отравили одного хорошего короля. То есть он, может быть, и не так был хорош, но они, тоже уж, знаете, слишком хороши. Они его в церкви убили. Они ему яд в причастие подсыпали, и он как говорится в Священном Писании, с катушек свалился. А это был, между прочим, германский император Генрих Седьмой. Там у них, если помните, было несколько Генрихов. Собственно, семь. Генрих Птицелов, кото-

рый, вероятно, птиц любил ловить. Скорей всего, надо предполагать, что это была порядочная балда, что он за птицами гонялся, вместо того, чтобы править.

Потом у них был такой Генрих Мореплаватель. Этому, вероятно, нравилось любоваться морем. Или он может быть любил посылать морские экспедиции. Впрочем, он, кажется, правил в Англии или Португалии. Где-то, одним словом в тех краях. Для общего хода истории абсолютно неважно, где находился этот Генрих. А что касается Германии, то там, кроме того, были еще маловыдающиеся Генрихи. И, наконец, наш несчастный труженик – Генрих Седьмой. Он правил Германией еще значительно до фашизма. Он был у них императором в XIV в.».

А вот еще отрывок из той же книги, который смог бы украсить любую курсовую работу по древнему миру: «Это было в древнейшие времена, когда процветали какие-то доряне. И они воевали с афинянами. Но доряне, в общем, тоже греки. И афиняне – греки. Уж, об афинянах и говорить, конечно, нечего. Они тем более, конечно, греки. Это уж всем известно. Афины. И так далее. Тем не менее, они между собой, эти греки усиленно воевали. В древние времена была такая неразбериха. Только факт, что у них была продолжительная война. Спарта и эти. Вообще передрались. Черт знает, что».

Итак, история серьезная наука. Поэтому делать ее и учить ее нужно легко, весело. Да и все в жизни нужно делать с чувством юмора. Без чувства юмора даже невозможно вбить гвоздь в стену. Потому что, промахнувшись и ударив себя молотком по пальцу, при отсутствии юмора Вы начнете ругать молоток, гвоздь, стену и жену, которая заставила Вас забить гвоздь. А человек с чувством юмора помашет пальцем, пососет его и скажет: «Ну и дурак же я». Чувство юмора, это, прежде всего, критическое отношение к себе.

Поэтому посмотрите внимательно на себя и увидите, как много в жизни Вы сделали смешных и веселых глупостей. Тогда Вам станет легче, и легче будет делать историю.

На веки вечные Ваш Иван Тинин

Тинин И.Г. Мир уцелел потому, что смеялся // Тинин Иван Григорьевич и его семья. [Электронный ресурс] // Гарики – Тиники. URL: http://www.tininfamily.ru (Дата обращения: 03.08.2016).

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ДОКУМЕНТАХ ДОКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА М.М. ЗАГОРУЛЬКО

И.В. Котова

Имя Максима Матвеевича Загорулько известно не только в Волгограде, но и за его пределами. Он из тех людей, который всего себя отдавал и отдает служению людям. Путь Максима Матвеевича в науку был непростым.

Родился он в станице Старо-Ниже-Стеблиевской Краснодарского края в 1924 г. в казачьей семье. После окончания десятого класса Максим был призван на фронт и прошел путь от солдата до младшего сержанта в должности командира отделения 93-стрелковой бригады 66-го стрелкового полка, затем демобилизовался в 1947 г. в звании гвардии старшины.

После возвращения домой, ощущая большую потребность в продолжении образования, Максим Матвеевич поступил на исторический факультет Ставропольского педагогического института. Параллельно с учебой он подрабатывал, чтобы не только содержать свою молодую семью, но и помогать родным. Четыре курса института и аспирантуру Максим Матвеевич окончил за шесть лет, успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук и продолжил работу в Смоленском педагогическом институте старшим преподавателем кафедры политической экономии. Позже в этом же институте он стал деканом историко-филологического факультета. В 1962 г. Максим Матвеевич возглавил кафедру политической экономии Волгоградского политехнического института. В 1963 г. он был одним из авторов востребованной в то время монографии «СССР от XXI к XXII съезду партии» (М., 1963) [1, с. 90–98]. В 1971 г. Максима Матвеевича назначили ректором Волгоградского педагогического института, а в феврале 1980 г. по рекомендации Министерства высшего образования и решению Волгоградского обкома КПСС он стал руководителем ректорской группы по формированию в Волгограде государственного университета, а также был назначен первым ректором этого

университета. На ректорской должности молодого университета Максим Матвеевич прослужил 15 лет. За особые заслуги перед Отечеством ему в 1994 г. было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», в 1995 г. − «Почетный работник высшего образования», в 1998 г. − Почетный гражданин города-героя Волгограда [3, с. 16–21], с 2014 г. − Кавалер ордена Александра Невского.

Документы личного фонда Максима Матвеевича Загорулько впервые начали поступать на постоянное хранение в Государственный архив Волгоградской области в 2000 г. На сегодняшний день это самый крупный личный фонд в архиве. Он насчитывает более 1 270 единиц хранения. Большая часть переданных материалов относится к истории Великой Отечественной войны, изучением которой Максим Матвеевич занимается на протяжении всей своей жизни. Прежде всего, это диссертация Максима Матвеевича Загорулько на соискание ученой степени доктора экономических наук «Экономическая политика фашистской Германии на оккупированной территории СССР и ее крах», подготовленная к защите в 1970 г. [6]. В своей работе, написанной, конечно же, в духе советской идеологии, ученый дает характеристику экономики районов Советского Союза, подвергшихся немецко-фашистской оккупации; политических и экономических целей германского капитала в войне против СССР; процесса ограбления захваченных территорий СССР и эксплуатации их материальных и трудовых ресурсов; а также борьбы в тылу врага за срыв фашистских планов использования производительных сил оккупированных районов СССР. В диссертации были широко использованы документы и материалы партийных, государственных и военных архивов, многие источники были впервые введены в научный оборот. В общей сложности автором были использованы материалы 20 архивов, в том числе 2 зарубежных (Центрального немецкого архива в Потсдаме и немецкого военного архива). В завершении работы Максим Матвеевич пришел к выводу, что «хотя процесс воспроизводства на оккупированной советской территории вынужденными мероприятиями советских людей (эвакуация, разрушения, диверсии, саботаж и т.д.) и действиями захватчиков (грабеж, террор, на-

силие, варварские разрушения и т.п.) был сильно деформирован, но не смог приостановиться. В ряде случаев оккупантам удалось наладить промышленное производство. При этом захватчики не смогли подчинить себе наличный процесс труда» [6, л. 347]. Автор показал, что борьба за срыв экономических целей немецкого государственного капитала на оккупированной территории СССР была составной частью всенародной борьбы за разгром фашизма, и наряду с другими факторами срыв этих планов привел к поражению гитлеровской Германии [7, л. 16]. Эти выводы ученого нашли отражение и в статьях: «Саботаж экономических, политических и военных мероприятий оккупантов» [8]; «Срыв гитлеровских планов экономического ограбления оккупированной территории Смоленской области» [11]. Много лет спустя Максим Матвеевич вспоминал: «Гитлеровцы очень хорошо подготовились не только к военным операциям, но и к экономическому освоению СССР. Все было четко расписано: вот коменданты, вот система налогов, кто, как, где и что обязан выполнять... Но экономику-то нашу изучили, а душу российскую не поняли. Потому ничего у них с молниеносной победой и не вышло» [3, л. 131–133]. Также в фонде отложился и черновой вариант диссертации с правками и замечаниями доктора исторических наук, автора книг по истории партизанского движения Андрея Федоровича Юденкова [10].

В составе личного фонда была передана и делопроизводственная документация (на пленках) германского полевого командования, Рейхминистерства по делам оккупированных восточных территорий, Рейхминистерства экономики, Рейхсфюрера СС и начальника германской полиции, записи штабов, верховного командования германских вооруженных сил за 1941–1945 гг. Имеются также копии актов Нюрнбергского процесса (Оп. 2).

В личном фонде Максима Матвеевича имеется большое количество книг как отечественных, так и зарубежных авторов. Здесь и перевод книги М. Заградки «Сталинградская битва в литературном изображении», выполненный М.М. Загорулько совместно со студентами [9], а также такие издания, как В. Самарина «Гражданская жизнь под немецкой оккупацией» (Нью-Йорк, 1954) [14], «Казачья трагедия (1940–1945)» (Нью-Йорк, 1959)

[15], В. Замбржицкого «Германо-советская война 1941–1945 гг.» (Нью-Йорк, 1967) [16], Д. Эриксона «Дорога в Сталинград: Сталинская война с Германией» (Лондон, 1977) [17].

Большой интерес для исследователей могут представлять подлинники газет, издаваемых в разных областях СССР. Среди них красноармейские газеты «Красное знамя» (Ростов-на-Дону), «За коммунизм» 1942–1944 гг.; «Гвардеец» (полевая почта 989, часть 009) 1942–1943 гг.; «Боевой листок» 1942 г., «Защитник Родины» (полевая почта 48436А), «Вперед за Родину» (ежедневная красноармейская газета Северо-Кавказского фронта; полевая почта 42716-А), «Гвардейское знамя» (полевая почта 23626-Н) 1943–1944 гг. (Д. 459−496). Кроме газет в фонде хранятся типографские экземпляры листовок СОВИНФОРМБЮРО, относящиеся к периоду Сталинградской битвы за ноябрь 1942 г. − февраль 1943 г. [12].

Максим Матвеевич, являясь профессиональным историком и ученым, в разные годы делал библиографические выписки по истории Великой Отечественной войны. Эти материалы, представленные в более чем 2 400 карточках, также были переданы на хранение в архив. Здесь содержатся сведения и о создании партийного и комсомольского подполья, в том числе литература о партизанском полку им. Сергея Лазо, и об истории партизанского движения в целом, и о процессе восстановления и строительства во время войны, и о газетах, издававшихся во время Великой Отечественной войны в советском тылу для партизан и населения оккупированных районов. В личном архиве хранятся также материалы специальных радиопередач для оккупированных территорий, о Сталинградской битве (Оп. 1. Картотека. Ящик 4, 10, 13). На многих карточках имеются рукописные заметки с комментариями держателя фонда.

Максим Матвеевич Загорулько является идейным вдохновителем и членом редакционных советов многих изданий о Великой Отечественной войне. Так, например, на протяжении ряда лет в Волгограде выходит серия сборников документов и материалов «Царицын – Сталинград – Волгоград в документах». Это такие книги, как «Военнопленные в Сталинграде. 1943–1954» (Волгоград, 2003), «Сталинградский городской Комитет Оборо-

ны в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы» (Волгоград, 2003), «Сталинградская группа войск» (Волгоград, 2004), «Народный подвиг Сталинграда: добровольческие формирования гражданского населения. 1941–1945» (Волгоград, 2007), «Сталинградская областная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным предприятиям и учреждениям Сталинградской области» (Волгоград, 2008), «Сталинградская область в постановлениях Государственного Комитета Обороны (1941–1942)» (Волгоград, 2010). Многие материалы для этих изданий были выявлены Максимом Матвеевичем и его учениками в различных зарубежных, федеральных, республиканских и региональных архивах и были переданы в виде выписок и копий в составе личного фонда (Д. 425−458).

Большая работа была проделана и в процессе подготовки энциклопедии «Сталинградская битва», выдержавшей 5 изданий. Рабочие материалы для этой книги, собиравшиеся в архивах и библиотеках, также пополнили личный фонд Максима Матвеевича. Это систематизированные справки биографического характера, рассказывающие о вкладе представителей разных областей Советского Союза в победу под Сталинградом. Здесь отложились материалы о вкладе жителей республик: Башкортостана, Беларуси, Казахстана, Карачаево-Черкесии, Марий Эл, Мордовии, Северной Осетии – Алании, Таджикистана, Татарстана, Туркменистана, Удмуртии, Хакасии, Чечни (Д. 762−786); Алтайского, Краснодарского, Пермского, Ставропольского краев (Д. 787−791); Агинско-Бурятского, Усть-Ордынского Бурятского, Чукотского автономных округов (Д. 792−796); Амурской, Белгородской, Брянской, Владимирской, Ивановской, Иркутской, Калужской, Костромской, Курской, Липецкой, Магаданской, Новгородской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Рязанской, Свердловской, Тульской, Тюменской, Челябинской и Ярославской областей (Д. 797−840). Также имеются материалы о вкладе москвичей и рабочих Уральского машиностроительного завода [18, 19]. Кроме биографических справок имеются фотографии и воспоминания участников Великой Оте-

чественной войны, справки по истории формирования и боевом пути дивизий, принимавших участие в Сталинградской битве.

В целом документы личного фонда Максима Матвеевича Загорулько, ученого и фронтовика, будут интересны в процессе изучения Великой Отечественной войны, в процессе осмысления образа Сталинградской битвы, созданного народной и профессиональной культурой с целью патриотического воспитания современной молодежи. Сегодня внимание к этому трагическому и одновременно героическому образу не только не угасает, но и с каждым годом растет.

Список использованной литературы

1. Котова И.В. Исследование проблем Великой Отечественной войны по документам личного фонда профессора М.М. Загорулько // Вестник архивиста. − 2016. − № 1.

2. Савчишина А. «Я говорю по праву солдата...» // Вестник Волгоградского государственного университета. − Сер. 6. Университетское образование. − Вып. 7. − 2004.

3. Тюменцев И.О. Максим Матвеевич Загорулько. Портрет солдата, ученого, человека // Вестник Волгоградского государственного университета. − Сер. 6. Университетское образование. − Вып. 7. − 2004.

4. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 6.
5. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 7.
6. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 17.
7. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 18.
8. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 19.
9. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 98.
10. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 250.
11. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 256.
12. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 460.
13. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 465.
14. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 582.
15. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 592.
16. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 608.
17. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 629.
18. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 841.
19. ГАВО. Ф. Р − 821. Оп. 1. Д. 842.

ФРОНТОВИК И УЧЕНЫЙ И.С. ШЕПЕЛЕВ

О.И. Орлова

Победа в Великой Отечественной войне (1941–1945) имеет огромное значение не только для ее солдат и офицеров. На защиту Родины встал весь народ, и каждый соотечественник проявил на своем участке борьбы с фашизмом самоотверженность и героизм. Долг современного общества перед военным поколением заключается в том, чтобы суметь сохранить и пронести сквозь века через народное слово память о подвигах защитников страны. Важной формой хранения и закрепления в памяти народной подвигов наших соотечественников в Великую Отечественную войну и Сталинградскую битву являются личные фонды Государственного архива Волгоградской области. Документы этих фондов позволяют взглянуть на события военных лет глазами очевидцев – участников боевых действий. Одним из очевидцев и участников этих событий был ветеран войны, доктор исторических наук, профессор Волгоградского педагогического института Иван Степанович Шепелев.

В личном фонде доктора исторических наук, профессора Волгоградского педагогического института Ивана Степановича Шепелева – 225 единиц постоянного хранения за 1934–1986 гг. Документы личного фонда ученого достаточно разнообразны. На хранении в Государственном архиве Волгоградской области находятся: автобиография И.С. Шепелева, дипломы, анкеты, приказы и выписки из протоколов по личному составу, приглашения, поздравления, фото И.С. Шепелева, тезисы докладов, лекции и материалы к ним по истории СССР, историографии, источниковедению, материалы об участии в конференциях, совещаниях, семинарах, научно-методической работе, об учебной и научной работе студентов, отзывы и замечания на научные работы, статьи по истории Смутного времени и материалы к ним, перевод книги Х. Альмквиста «Швеция и Россия. 1595–1611 гг.», программы и афиши спектакля «Я пришел дать вам волю», имеются главы коллективной монографии «История Поволжья» и материалы к ним, «Очерки по истории Волгоградского края», диссертация и материалы к ней.

И.С. Шепелев – обладатель удивительной биографии. О его судьбе мы узнаем из автобиографии, анкеты и других документов, содержащихся в личном фонде профессора. Иван Степанович родился 11 (24) октября 1906 г. в крестьянской семье в селе Неплюевка Курской губернии. В сельской школе Иван Степанович проучился всего три года с 1914 г. по 1917 г., а потом началась его трудовая деятельность. Иван Степанович вместе с родителями Степаном Николаевичем и Анастасией Мартыновной занимался сельским хозяйством. В сентябре 1927 г. И.С. Шепелев поступил в вечернюю школу в г. Рыльске Курской области, одновременно с учебой работал подмастерьем в столярной мастерской. Не окончив школу, он поступил учиться в педагогический техникум, который окончил досрочно в декабре 1931 г. До августа 1932 г. Иван Степанович работал инструктором районного отдела народного образования.

В 1932–1937 гг. Иван Степанович обучался на историческом факультете Ленинградского государственного университета. Затем он был принят в аспирантуру, на кафедру истории ЛГУ и окончил ее в 1940 г. С сентября 1940 г. по октябрь 1941 г. И.С. Шепелев работал в должности заведующего кафедрой истории СССР Пятигорского педагогического института. В апреле 1941 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Первое земское ополчение 1611 г.» [1, л. 6, 7].

О нападении на нашу Родину И.С. Шепелев узнал 22 июня 1941 г. В тот же день, на митинге студентов и преподавателей, Иван Степанович, несмотря на то, что у него была бронь (мог остаться в тылу), подал заявление о назначении в ряды Красной Армии. 25 октября 1941 г. ученого в звании интенданта третьего ранга взяли в армию и назначили начальником штаба отдельного саперного батальона. В этой должности он служил год, потом был назначен начальником строительной колонии по сооружению оборонительных рубежей. Оборонительные укрепления саперные части строили на Северном Кавказе в районе Минеральные Воды – Ростов, Ростов – Таганрог, затем в Дагестане.

В 1943 г. после того, как немецко-фашистские войска были отброшены от Северного Кавказа, И.С. Шепелев был направлен на высшие тактические курсы «Выстрел» в г. Тбилиси. Весной

1944 г. после окончания курсов Иван Степанович поступил в распоряжение 1-го Украинского фронта, где после окончания курсов переподготовки офицерского состава был направлен в действующую 60-ю армию агитатором стрелкового полка.

В боевых действиях И.С. Шепелев принимал участие с января 1945 г. до окончания войны. С автоматом в руках вместе с однополчанами он ходил в атаки. Иван Степанович участвовал в наступательных боях на территории Германии, Польши, и Чехословакии [1, л. 12]. В памяти Ивана Степановича оставили неизгладимый отпечаток бои за города Градец-Кролевец, Краков, Моравскую Остраву, Ратибор [2, л. 2].

В 1978 г., давая интервью корреспондентам газеты «Учитель», И.С. Шепелев вспоминал о войне: «Особенно памятны события у польского города Ратибор. Командир полка поручил мне вывести один батальон на заранее подготовленные позиции. Шли по балке, как вдруг слева сверху на нас обрушился сильнейший огонь. Как потом выяснилось, там в усадьбе укрепилось около двух батальонов гитлеровских солдат. За всю войну я впервые видел так много крови и смерти сразу. Наши солдаты и офицеры шли в атаку по склонам оврага вверх в полный рост. Потом нас поддержали танки, и высота была взята, но никогда не забудется кровь моих однополчан на белом снегу» [3, л. 7]. За освобождение городов Польши И.С. Шепелев был награжден орденом Отечественной войны II степени. Кроме того, его наградили пятью медалями участника Великой Отечественной войны.

В июле 1945 г. И.С. Шепелев вернулся из-за границы на Родину в г. Краснодар, получил назначение и.о. инструктора политуправления Кубанского военного округа. В январе 1946 г. Иван Степанович был демобилизован в запас [1, л. 5], после чего приехал в г. Пятигорск, где с марта 1946 г. по январь 1952 г. работал в педагогическом институте, заведовал кафедрой истории СССР, руководил аспирантурой [3, л. 1]. С января 1952 г. по март 1955 г. И.С. Шепелев находился в докторантуре при институте истории Академии наук СССР. Успешно закончив ее, в 1955 г. Иван Степанович снова вернулся в г. Пятигорск, где был назначен заместителем директора по учебной и научной части педагогического института, возглавлял учебно-производственную ра-

боту пединститута, принимал активное участие в общественной жизни. В сентябре 1957 г. Иван Степанович прошел по конкурсу в Воронежский педагогический институт, возглавил кафедру истории. С февраля 1960 г. по сентябрь 1963 г. он работал в Воронежском педагогическом институте в должности проректора по научной работе. В сентябре 1963 г. И.С. Шепелев был принят по конкурсу на должность заведующего кафедрой истории СССР в Волгоградский педагогический институт и проработал в этой должности до 1979 г., затем стал научным консультантом кафедры истории. И.С. Шепелев отличник народного просвещения РСФСР и СССР. Он награжден медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд», «Ветеран труда» [1, л. 8].

Профессор И.С. Шепелев, помимо основной работы в институте, являлся председателем областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, был ответственным редактором «Очерков по истории Волгоградского края» [4, л. 159]. Среди документов научной и педагогической деятельности И.С. Шепелева несомненный интерес для исследователей вызывает методическое пособие «Исторические места и памятники великой битвы на Волге», сохранившееся в его личном фонде. Методическое пособие состоит из пятнадцати машинописных страниц. В документе имеются рукописные правки (на всех листах есть подчеркивания авторучкой и на некоторых встречаются надписи карандашом, дополняющие текст). На первом листе пособия имеется оглавление, состоящее из двадцати разделов, на последнем листе даны задания для самостоятельной работы студентов и указаны темы экскурсий. В методическом пособии рассказывается об исторических памятниках, непосредственно связанных с местами сражений. В нем не только подробно объясняется, где и когда проходили бои, но и сообщается о подвигах советских воинов. В документе описываются сражения на Мамаевом кургане, площади им. Дзержинского и им. Ленина, на острове Людникова, в здании Центрального универмага, на таких стратегически важных объектах, как вокзал Волгоград-1 и завод «Красный Октябрь». О подвиге воинов, сражавшихся на территории завода, повествуется следующее: «С конца октября начались ожесточенные бои в районе завода “Красный Октябрь”.

Бои шли за каждый метр земли, за каждый цех и станок. Вместе с гвардейцами стрелковой дивизии генерала Гуртьева и воинами легендарной дивизии им. Щорса держали оборону и бойцы истребительного батальона под командованием Почевалова. Штаб гвардейской дивизии генерала-майора Гуртьева находился на берегу Волги в устье Банного оврага, а штаб отряда ополченцев – в дымоходе мартеновской печи № 14. Бойцы отряда ополченцев размещались в развалинах мартеновских цехов. Исключительную стойкость и отвагу проявили здесь Богунский и Таращанский полки дивизии им. Щорса под командованием полковника Соколова. В конце октября дивизия переправилась через Волгу и сходу вступила в бой за овладение Шлаковой горой, которая образовалась на месте свалки заводского шлака и тянется вдоль Волги на протяжении 500 метров. Здесь не было никаких укрытий, а в сплавленном шлаке невозможно было даже отрыть окопа. Под шквальным огнем противника бойцы взбирались по отвесным склонам горы и метр за метром отвоевывали ее, пока не оттеснили гитлеровцев» [2, л. 5, 6]. Жителям Волгограда хорошо известно здание мельницы, разрушенное в дни Сталинградской битвы и оставленное не восстановленным как память о войне. О мельнице № 4 написал такой рассказ: «Изрешеченный снарядами остов мельницы стоит близ берега Волги против Дома Павлова. В дни обороны здесь находился штаб и командный пункт 3-го батальона 42-го полка гвардейской дивизии Родимцева. Отсюда командир батальона Жуков руководил обороной площади и Дома Павлова. В память о героической обороне руины мельницы на вечно сохраняются в том виде, в каком были во время битвы» [2, л. 9, 10].

В методическом пособии подробно описано, где находились командные пункты, штабы армий и дивизий. Например, здесь мы узнаем про штаб Волжской военной флотилии: «На Центральной набережной Волгограда в здании театра музыкальной комедии во время обороны города размещался штаб и личный состав бригады Волжской военной флотилии. Все силы флотилии – бронекатера, канонерские лодки, плавучие батареи и даже вооруженные пассажирские пароходы – самоотверженно защищали город. Моряки флотилии совместно с истребительными батальонами и отрядами

народного ополчения первыми преградили врагу путь в город со стороны Тракторного завода» [2, л. 10, 11].

Штаб и блиндажи 13-й гвардейской дивизии также нашли отражение на страницах документа: «13-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием А.И. Родимцева занимала позиции на левом фланге 62-й армии. Ее штаб находился в овраге Долгий, на 500 метров севернее от Соляного спуска на Волгу. Все откосы крутого берега Волги от оврага и до Пивоваренного завода были изрыты траншеями, котлованами под блиндажи для боевых подразделений дивизии, ее санитарных пунктов и складов боеприпасов. Гвардейцы дивизии показали беспримерное мужество и стойкость. Вместе с бойцами других воинских частей 62-й армии они завершили битву на Волге полным разгромом немецко-фашистских войск» [2, л. 10].

Фронтовик и ученый Иван Степанович Шепелев за время своей научно-педагогической деятельности подготовил сотни учителей истории, вырастил немало молодых ученых, внес большой вклад в развитие исторической науки. Документы личного фонда доктора исторических наук, профессора И.С. Шепелева имеют научную, социально-культурную и познавательную ценность в плане изучения аспектов военной истории.

Список использованной литературы

1. ГАВО. Ф. Р – 1875. Оп. 1. Д. 6.
2. ГАВО. Ф. Р – 1875. Оп. 1. Д. 194.
3. ГАВО. Ф. Р – 1875. Оп. 1. Д. 223.
4. ГАВО. Ф. Р – 6056. Оп. 5. Д. 262.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ К.А. АТРАШКЕВИЧА

Н.Ю. Новикова

Со времени окончания Великой Отечественной войны прошло уже 72 года, поменялись взгляды на ряд ценностей, в том числе и на события времен войны. Многие западные политики в угоду политическим амбициям стараются принизить роль Рос-

сии в Великой Победе. Тем не менее над подвигом советских воинов не властно время. Память о них будет жива, пока мы помним своих отцов и дедов, сражавшихся на той войне, пока идет «Бессмертный полк». Благодаря целеустремленности неравнодушных людей мы больше узнаем о героизме простых солдат, о совершенных ими подвигах. «Это нужно – не мертвым! Это надо – живым! Вспомним гордо и прямо погибших в борьбе... Люди! Покуда сердца стучатся, – помните! Какою ценой завоевано счастье, – пожалуйста, помните!.. Детям своим расскажите о них, чтобы запомнили! Детям детей расскажите о них, чтобы тоже запомнили!» [12].

Одним из таких людей, увековечивших память погибших защитников Отечества, был Атрашкевич Константин Андреевич. Он много лет собирал документы о воинах-матросовцах. В 2003 г., в соавторстве с Н.Н. Смирновым вышла его книга «Самопожертвование на Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», собравшая более 400 документально подтвержденных историй подвигов наших солдат.

Константин Андреевич родился 7 (20) сентября 1912 г. в деревне Звонь Ушачского района Витебской губернии в семье крестьян. В 1927 г. он окончил семь классов Завячельской семилетки, находившейся в Ушачском районе Витебской области. В 1929 г. умер отец А.К. Атрашкевича. В мае 1930 г. Константин Андреевич пошел работать секретарем в сельсовет деревни Жары Ушачского района Витебской области. С января 1934 г. он – старший бухгалтер райконторы «Заготскот». С ноября 1935 г. К.А. Атрашкевич работал бухгалтером колхоза «III решающий» Мосарского сельсовета в Ушачском районе Витебской области. В мае 1938 г. его призывают в ряды Красной Армии старшим писарем, заведующим делопроизводством, помощником начальника третьей части на сверхсрочную службу в Ушачский райвоенкомат Белорусской республики. В этом же году ему было присвоено воинское звание – техник-интендант II ранга.

Там и застала Константина Андреевича Великая Отечественная война. Вот как он сам вспоминает то время: «Ночь на 22 июня 1941 г. была тихая, прозрачная. Самая короткая в году – кажется, только что погасла вечерняя заря, а вот уже светлеет небо на вос-

токе. В эту тихую ночь мы собрались в кабинете райвоенкома и начали обсуждать сложившуюся к тому времени международную ситуацию. Телефоны с облвоенкоматом не работали, и мы гадали, какие будут дальнейшие указания. В это же самое время принесли из облвоенкомата шифрованную телеграмму, переданную по радио, телеграмма требовала: “Быть готовым к развертыванию мобплана”. Мы были в недоумении. Неделю тому назад, то есть 16 июня поступил приказ командующего войсками округа, которым разрешались отпуска командующему составу. В восемь часов утра 22 июня 1941 г. поступила из облвоенкомата радиотелеграмма, в которой предлагалось немедленно начать подготовку к развертыванию мобплана» [7, л. 24].

Когда немцы приблизились к райцентру, К.А. Атрашкевичу с товарищами пришлось покинуть райвоенкомат и направиться в штаб Белорусского военного округа. В конце августа 1941 г. после расформирования штаба округа Константин Андреевич был направлен в учебный батальон командного состава под Можайском. 1 октября 1941 г. учебный батальон вошел в состав 32-й, а с февраля 1942 г. – 29-й гвардейской стрелковой дивизии 5-й армии Западного фронта. Из воспоминаний К.А. Атрашкевича: «...в конце сентября 1941 г. обстановка на фронте резко изменилась, немецко-фашистские войска под Вязьмой прорвали оборону советских войск и повели наступление на Москву. Первого октября 1941 г. с самого утра погода была пасмурной, а потом пошел мелкий дождь. Мы готовились к занятиям, как вдруг была объявлена боевая тревога. Мы получили винтовки «СВ» с оптическим прицелом, пулеметы, патроны и гранаты. Стало понятно, что настала и наша очередь выступить на фронт, сразиться с фашистской нечестью. К вечеру дождь усилился. Ночью мы покинули лагерь и обжитые землянки. На вторые сутки, к вечеру батальон прибыл на Бородинское поле... Нашими соседями справа и слева были стрелковые полки. Батальону был придан взвод 76 мм пушек. Фашисты были совершенно уверены, что мощным ударом прорвут нашу оборону и беспрепятственно двинутся дальше. Так было не раз. Немцы даже разведку не удосужились произвести. Особенно много танков появилось на автостраде... Рано утром нас предупредили, чтобы мы из окопов не высовы-

вались. Оказалось, что на позициях наших пушек стояли две машины, укрытые брезентом. Это были “Катюши”. Когда они дали залп, быстро умчались в лес. Через несколько минут немецкие самолеты начали бомбить нашу оборону... Шесть суток гремели бои на поле русской славы... Немецкие войска лезли напролом, неоднократные их атаки мы отбивали. В один из таких дней авиация нанесла сильные бомбовые удары по нашей обороне, но батальон не дрогнул, без приказа не отступил. В этой бомбежке меня контузило, были раненые, но никто не ушел с поле боя» [8, л. 3–10].

Так, Константин Андреевич вместе со своим батальоном попал в окружение. Из окружения их группа вышла с документами, в полной форме и с оружием. После полной проверки Атрашкевич был направлен в г. Новосибирск на курсы «Выстрел». По окончании курсов в марте 1942 г. его назначили на должность старшего адъютанта 1-го стрелкового батальона в 847-й стрелковый полк 303-й стрелковой дивизии.

Когда К.А. Атрашкевич работал над своей книгой, он вспомнил случай, который произошел в середине октября 1941 г. на Бородинском поле: «Однажды вечером командир батальона сообщил, что ночью в расположение обороны батальона прибудет какое-то особое подразделение... И вот среди ночи появилось человек двенадцать-пятнадцать бойцов во главе с лейтенантом. Каждый боец вел на поводке собаку, а лейтенант две... Это были истребители танков. На каждой собаке, наподобие седла на лошади, по бокам, в сумках находились толовые мины, а сверху торчал штырь около 20–25 см длины, от взрывателя... На следующий день, утром, в направлении нашего участка обороны появилось около 20 немецких танков и до батальона пехоты. Артиллерии у нас почти не было. Когда до немецких танков было до 500 метров, командир взвода истребителей танков подал команду пустить собак. Сначала собаки ползли, прижимаясь к земле, а когда расстояние сократилось до 100 метров, они поднялись на ноги и с большой быстротой помчались навстречу танкам. Послышались взрывы, несколько танков остановилось с разорванными гусеницами. Фашистские танкисты стали выпрыгивать из люков, наши бойцы их тут же уничтожали пулемет-

ным огнем. Три танка, под которые не попали собаки, двигались на наши окопы. Тогда лейтенант пустил своих собак. Два танка были подорваны, а третий продолжал двигаться. Когда до танка оставалось метров тридцать, лейтенант взял две противотанковые гранаты и быстро пополз навстречу танку... Минуты через две раздался взрыв... Фашистская пехота и оставшиеся несколько танков повернули обратно» [5, л. 9–11].

В 1942 г. после присвоения звания старшего лейтенанта Константин Андреевич был направлен под Воронеж. Там же 8 августа 1942 г. К.А. Атрашкевича контузило во второй раз. После лечения, в сентябре 1942 г. его направили в 61-ю механизированную бригаду 13-го танкового корпуса начальником штаба 2-го отдельного механизированного батальона. «В середине октября 1942 г. бригада была поднята по тревоге и своим ходом направилась в Саратов. Там погрузились в вагоны... Ровно через сутки, ночью эшелоны стали прибывать на станцию Камышин Сталинградской области... Со станции разгрузки бригада проследовала в лес недалеко от Камышина, где и разместилась» [6, л. 17].

Затем поступил приказ о передислокации бригады. И к вечеру 4 ноября 1942 г. она была сосредоточена в южном районе Сталинграда – Красноармейском.

«Ровно в 7 часов 30 минут 19 ноября 1942 г. в тишину туманного утра ураганом ворвался гром артиллерийской канонады. Начали наступление войска Юго-Западного и Донского фронтов. Сталинградский фронт начал наступление 20 ноября... В первый день наступления бригада заняла села Ивановку и Цибенко, а к вечеру и Гавриловку. На второй день наступления. Недалеко от Варваровки произошел танковый бой. Советские танкисты не только расстреливали немецкие танки из пушек, но и таранили их... К вечеру второго дня наступления была освобождена Варваровка... Дальнейшее продвижение бригады было остановлено сильным пулеметно-минометным огнем противника... Бригада заняла оборону» [6, л. 22–25].

Затем был приказ о передислокации бригады в район с. Карповки. Там во время сильного минометного огня, открытого противником, Константин Андреевич был ранен в ноги.

После лечения К.А. Атрашкевича направили старшим адъютантом 46-го запасного стрелкового полка в воинскую часть № 10808 Приволжского военного округа. В 1943 г. Константин Андреевич получил звание капитана. Тогда же в Сталинграде он познакомился со своей будущей женой.

В октябре 1945 г. его полк был расформирован и К.А. Атрашкевич получил назначение в 602-й стрелковый полк 309-й стрелковой дивизии на должность старшего адъютанта стрелкового батальона. За боевые заслуги Атрашкевич был награжден орденом «Красной звезды» и орденом «Отечественной войны I степени», а также восемью медалями, в том числе «За оборону Сталинграда». В марте 1946 г. после расформирования 309-й стрелковой дивизии он был назначен на должность начальника III части Сталинского райвоенкомата г. Астрахани. В декабре 1947 г. переведен во Владимирский райвоенкомат Астраханской области.

10 мая 1948 г. Константин Андреевич был уволен в запас и переехал жить в Сталинград. В 1954 г. он повторно закончил седьмой класс и поступил на заочное обучение в техникум Советской торговли. В 1958 г. по окончании техникума Атрашкевич получил специальность бухгалтера и до выхода на пенсию в марте 1973 г. работал в управлении торговли. В 1981 г., после перенесенного тяжелого инфаркта К.А. Атрашкевич был признан инвалидом II группы Великой Отечественной войны.

С 1980 г. Константин Андреевич состоял членом Военно-научного общества при Волгоградском Доме офицеров. С этого времени он начал собирать документы и сведения очевидцев о воинах-матросовцах. Вел переписку с родственниками погибших. Умер Константин Андреевич 18 апреля 1995 г. в городе Волгограде. Долгую и славную жизнь он прожил. Хоть и выпали на его долю, как и на долю всего советского народа, страдания, но он не сломался, не сдался. С честью выдержал все испытания. Его статьи были опубликованы в газетах «Вечерний Волгоград» и «Знамя коммунизма». Атрашкевич рассказывал о подвигах простых солдат, политруков, командиров Красной Армии, о боевых действиях народного ополчения (статья «Москва-Сталинград» от 01 декабря 1984 г., газета «Знамя коммунизма») и партизан.

Их подвиг интернационален. Среди героев есть и белорусы, и грузины, и ингуши, и казахи, и калмыки, и русские, и татары, и украинцы, и многие другие национальности. Этот подвиг нельзя разделить ни по национальной принадлежности, ни по религиозным убеждениям.

В статье «Воспоминания Марии», опубликованной 30 мая 1985 г. в газете «Вечерний Волгоград», содержатся воспоминания участницы Сталинградской битвы, санинструктора 2-го танкового батальона 32-й гвардейской краснознаменной танковой бригады М. Долгополовой о воинах-танкистах: «На этом участке фронта танкист из бригады, в которой служила Мария, Головченко остался в горящем танке и, на полном ходу пройдя около 600 метров, подавил несколько немецких огневых точек, но и сам сгорел в танке. Таких случаев было несколько...» [3, л. 6].

В этой же статье говорится о великой силе слова. Как можно было побеждать и без оружия. «Под сильным натиском фашистов начала отступать пехота. Комбриг Гринкевич встал под градом огня. Поднял руки над головой, сжатые в кулаки, и громовым голосом крикнул: «Русские богатыри, куда же вы отступаете!» Все остановились и повернули назад. В это время его тяжело ранило осколком снаряда. Часа через два он скончался...» [3, л. 8].

О тяжелом положении того времени на Сталинградском фронте и героях, которые не сдавались и вели за собой других, написано в статье К.А. Атрашкевича «Он был из Белоруссии», опубликованной 10 июня 1984 г. в газете «Знамя коммунизма»: «В конце августа шли упорные жестокие бои, подразделения дивизии несли большие потери. Рота, в которой служил Рывкин, потеряла убитыми и ранеными половину личного состава, а фашисты все наседали. Создалось критическое положение. Тогда политрук С.М. Рывкин с возгласом “За Родину, за Сталина!” поднимает оставшихся в живых бойцов, и рота в рукопашной схватке отбивает атаку противника. В этом бою политрук Рывкин погиб смертью храбрых. Похоронили Самуила Михайловича в братской могиле поселка Кузьмичи» [9, л. 9].

Ряд воспоминаний у Константина Андреевича посвящен Сталинградской битве: «Бойко В.С.», «В те ноябрьские дни

1942 г.», «Грозная «Катюша», «За высоту 139,7», «Клятва» и многие другие.

В своей рукописи «Клятва» он рассказывает о защитнике-герое Сталинграда Д.С. Яковлеве, уроженце Курганской области: «Порою в секунды вложена вся жизнь человека. Подобное произошло 3 сентября 1942 г. у высоты 147,5, что в районе Опытной станции под Сталинградом. Все видели, как перед головным танком противника на бруствер окопа взметнулась фигура невысокого роста, худощавого воина с окровавленной повязкой на голове и двумя противотанковыми гранатами в руках. То был помощник комиссара полка политрук Дмитрий Яковлев... Мгновение – и он на бруствере. А стальная глыба наползала на окоп. Замерли бойцы, еще не осознав происходящего. Но сквозь гул боя прорезался знакомый голос комсомольского вожака: «За Родину!» В тот же миг... метнулся под танк. Взрыв. Перебитая гусеница змеей распласталась по земле, из-под днища вырвались клубы черного дыма...Так, Яковлев выполнил свою клятву, данную им при вступлении в партию» [5, л. 7–8].

Среди защищавших Сталинград были и чекисты. В январе 1942 г. в Сталинграде формируется 10-я дивизия оперативных работников НКВД. Они героически сражались и погибали, не щадя свои жизни. Среди них был и Алексей Егорович Ващенко – рядовой-автоматчик, совершивший подвиг: он своим телом закрыл амбразуру вражеского дзота. Его именем названа одна из улиц Советского района города Волгограда. А в зале Воинской славы на Мамаевом кургане навечно вписано его имя. В Центральном районе Волгограда на площади имени В.И. Ленина есть братская могила воинов 13-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизии и 10-й дивизии войск НКВД. В Ворошиловском районе города Волгограда установлен памятник воинам-чекистам, погибшим на поле боя.

Однако солдаты Красной Армии не только самоотверженно жертвовали собой, но и при малейшей возможности находили способы сражаться и оставаться в живых. Так, в рукописи Константина Андреевича «За высоту 139,7» приведен такой случай: «Шла подготовка к штурму высоты. Кто-то предложил использовать подбитые танки. Танк разрезали и вынимали “начинку”.

Оставалась массивная коробка, которую ставили на деревянные полозья и цепляли к исправному танку. Такие “танкопоезда” использовали для укрытия пехоты в ходе наступления» [4, л. 1].

К.А. Атрашкевич встречался с ветеранами Великой Отечественной войны и с родственниками погибших. С их слов вел записи о тех страшных днях. Особый интерес для него представляли случаи, где человек, проявив отвагу и мужество, совершил подвиг. Константин Андреевич собрал огромное количество воспоминаний очевидцев: и о событиях первых дней войны, и об обороне Брестской крепости, и о боевых буднях, и о Хатынской трагедии, и об ожесточенных боях за Сталинград, и о бессмертном подвиге Михаила Паникахи, и многое-многое другое.

Но судя по всему, неизгладимое впечатление на К.А. Атрашкевича произвел подвиг А. Матросова. Да и как могло быть иначе. Ведь эти люди сознательно шли на смерть, ради спасения жизни своих товарищей. Только человек сильный духом может так жертвовать собой и делать последний шаг в бессмертие, зная, что его ждет неминуемая гибель.

За все то время, что Константин Андреевич состоял членом Военно-научного общества при Волгоградском Доме офицеров, он собрал около 400 свидетельств о подвигах советских воинах-матросовцах. Вел активную переписку с краеведческими музеями, с городскими архивами, с областными и районными военкоматами городов и союзных республик, на территории которых был совершен подвиг или родился и проживал до войны сам герой.

Вот как сам К.А. Атрашкевич отвечает на вопрос заведующего Верхнеуфалейским городским государственным архивом Валентины Григорьевны Москвиной, зачем ему это надо: «Кто такие матросовцы и сколько их? Взяться за эту тему меня заставил долг и совесть перед погибшими товарищами, которые не дожили до дня Победы и отдали свою жизнь, чтобы мы остались живыми» [10, л. 232]. Но А. Матросов проявил героизм только в феврале 1943 г.

Первым, кто совершил такой подвиг, был Бежан Бесиашвили. Это случилось в первые дни войны – 24 июня 1941 г. на Украине. При выходе из окружения 406-й стрелковый полк 124-й

дивизии попал под шквальный огонь немецкого дзота. Командир стрелковой роты Б. Бесиашвили бросился в сторону вражеской огневой точки и закрыл своим телом амбразуру. Бойцы Красной Армии смогли прорвать оборону фашистских захватчиков и уйти в лес к партизанам. «Нет сомнения, что в той трагической обстановке, в какую попали войска в ходе приграничного сражения, таких жертвенных подвигов было совершено немало, но имена героев мы вряд ли когда узнаем. Насмерть сражались и погибали гарнизоны дотов, укрепленных районов, а также части полевого заполнения, прорвавшиеся к ним, совершались воздушные тараны; пикировали наши летчики в горящих самолетах на выдвигающиеся колонны врага и переправы; бросались со связками гранат под танки отважные бойцы и командиры. Многие из героев попадут в плен и там сгинут навсегда. Не останется от них даже имени, так как документы штабов были уничтожены, зарыты или попали к немцам...» [1, с. 79].

Следующим, кто проявил героизм и первым, кому за совершенный подвиг было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно), стал Александр Константинович Панкратов. Из рукописи «В сорок первом на Новгородской земле»: «Первый подвиг был совершен 24 августа 1941 г. младшим политруком танковой роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии Панкратовым Александром Константиновичем... При штурме Кирилловского монастыря противник открыл сильный огонь. Левофланговый пулемет противника не давал возможности группе танкистов во главе с Панкратовым войти в расположение монастыря. Тогда Панкратов рванулся к вражескому пулемету, бросил гранату, ранил пулеметчика. Пулемет на время замолчал, но затем снова открыл ураганный огонь. Политрук Панкратов с возгласом “Вперед за Родину!” бросился к пулемету врага и своим телом закрыл его» [2, л. 2–6].

Например, только на территории Украины было совершено тридцать таких подвигов. На территории Белоруссии – двадцать пять. При обороне Ленинграда – двадцать четыре. За время Сталинградской битвы – двадцать три. При обороне Москвы и в Германии – по двадцать два. На Дальнем Востоке – четырнадцать. На Курской дуге – двенадцать. Среди них были и наши земляки:

Павел Григорьевич Панкратов, Григорий Иванович Пеньков, Павел Григорьевич Пудовкин, Николай Сердюков. Была даже женщина, совершившая подвиг воинов-матросовцев – партизанка Римма Шершнева. Она в ноябре 1942 г. своим телом закрыла амбразуру немецкого дзота. Но были и выжившие. Получив тяжелые ранения, в живых осталось одиннадцать человек: В.И. Кияшко, С.И Козлов, С.И. Кочнев, К.П. Кривенко, С.У. Куликов, В.П. Майборский, Г.В. Майсурадзе, С. Оразалинов, А.Я. Очкин, Т.Х. Райз и А.А. Удолов.

Но не только о боевых буднях писал в своих рукописях Константин Андреевич. Есть у него и воспоминания узниц концентрационного лагеря Равенсбрюк, располагавшегося на северо-востоке Германии в девяноста километрах от Берлина. И о роли женщины на войне, о ее мужестве, с которым она смогла вынести все тяготы войны на своих хрупких плечах. При этом подвиг мужчин ни в коей мере не умаляется. Мужчина изначально воин и защитник своего Отечества, а женщина берется за оружие только по жестокой необходимости. Так было и в Отечественную войну 1812 г., так было и в Великую Отечественную войну. Женщины вынуждены были становиться зенитчицами, снайперами, подрывниками, летчицами. Они смогли победить и даже выстоять в нечеловеческих условиях концлагерей и там находить способы наносить вред врагу. Из воспоминаний узницы концлагеря Равенсбрюк г. Григорьевой: «Помню, когда в мастерские поступил большой заказ на пошив обмундирования, ежедневно стали ломаться машины. Я понимала, что это дело рук наших девушек. Однажды и я, улучив минуту, бросила в мотор носовой платок. Мотор загорелся. Прибежал Биндер. Кричит, бьет хлыстом по спинам согнувшихся над машинами узниц... Я посмотрела на девушек и подумала, что, если не сознаюсь, всех изобьют. Встав из-за машины, громко сказала: “Это сделала я”. Биндер схватил со стола китель, скрутил в жгут и начал хлестать по лицу. Я не плакала, лицо мое пылало, в голове шумело, уши заложило, словно ватой, а я все-таки с презрением смотрела на палача» [11, л. 6].

Оставшиеся в живых женщины, прошедшие за время плена не один лагерь, вспоминают, что концлагерь Равенсбрюк был са-

мым тяжелым. Он был настоящим адом для пленных. Там были самые изощренные истязания, невыносимые условия жизни и самый жестокий режим. Тех, кто обессилел от голода, мучений и холода, безжалостно убивали. Но это все равно не сломило волю, силу духа и веру в скорую победу советского народа. Они выстояли, выжили и смогли поведать всему миру о том, что творилось в застенках концлагерей.

Огромный труд проделал Константин Андреевич Атрашкевич по сбору сведений о героизме советских людей. Одновременно с этим он вел активную работу по патриотическому воспитанию молодежи: поддерживал тесную связь с поисковой группой «Сильные духом» школы-интерната № 9 г. Волгограда; делился своими воспоминаниями со школьниками на уроках мужества; встречался в Доме пионеров и школьников Ворошиловского района г. Волгограда с учениками школ и курсантами военного училища.

Все меньше и меньше с каждым годом остается тех, кто мог бы нам рассказать из первых уст о той войне. А благодаря Константину Андреевичу мы узнали о событиях того времени, о героизме советских людей. И К.А. Атрашкевич делал это не ради своей славы, а ради памяти тех, кто уже не вернется из боя, не поведает всем, как это было. Необходимо всегда помнить об этом, для того чтобы нам и нашим детям снова не пришлось пережить все ужасы военных лихолетий.

Список использованной литературы

1. Самопожертвование на Великой Отечественной войне, 1941–1945: описание подвигов воинов, закрывших своим телом амбразуры вражеских огневых точек / Сост.: К.А. Атрашкевич, Н.Н. Смирнов. – Волгоград: Издатель, 2005. – 847 с.
2. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 4. Д. 13.
3. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 4. Д. 20.
4. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 4. Д. 22.
5. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 4. Д. 27.
6. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 4. Д. 30.
7. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 4. Д. 42.
8. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 4. Д. 43.

9. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 4. Д. 57.
10. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 4. Д. 83.
11. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 4. Д. 306.
12. Рождественский Р. Реквием (вечная героям слава...) [Электрон. документ] // Русская поэзия. URL.http://rupoem.ru/rozhdestvenskij/vechnaya-slava-geroyam.aspx (Дата обращения: 10.05.2016).

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА Б.С. АБАЛИХИНА

И.С. Петрова

Изучение проблемных аспектов истории Сталинградской битвы является актуальным направлением для исследователей. Фонды личного происхождения представляют для ученых достаточно широкое поле деятельности, так как в настоящее время документы этой группы еще недостаточно исследованы. В Государственном архиве Волгоградской области хранится три личных фонда профессиональных историков, докторов исторических наук и профессоров волгоградских вузов – Б.С. Абалихина, В.И. Томарева, И.С. Шепелева, которые внесли значительный вклад в изучение истории нашей страны и родного края. В предлагаемой статье мы остановимся на документах личного фонда историка Бориса Сергеевича Абалихина, ответственного редактора «Историко-краеведческих записок».

Борис Сергеевич Абалихин родился 19 августа 1930 г. в г. Саратове. В 1931 г. отец Бориса окончил ветеринарный институт, и семья перебралась в Сталинград. В 1938 г. Борис поступил учиться в среднюю школу № 14 Сталинграда. В 1939 г. Бориса Абалихина Сергея Андреевича, призвали в армию. В 1941 г. С.А. Абалихин получил назначение в г. Брест, где и был призван на фронт, а жена и сын оказалась в оккупации. С августа 1941 г. по сентябрь 1944 г. Борис работал пастухом и разнорабочим по найму [7, л. 1]. После освобождения Белоруссии в 1944 г. Сергей Андреевич Абалихин нашел свою семью. В октябре 1945 г. он демобилизовался и вместе с семьей вернулся в Сталинград. В 1948–1949 гг.

Его сын Борис обучался в Сталинградском техникуме железнодорожного транспорта. В 1950–1953 гг. он служил в армии в Приморском крае, одновременно являясь внештатным корреспондентом газеты «Защитник Отечества» [5, л. 1]. После возвращения из армии Б.С. Абалихин работал внештатным корреспондентом газеты «Молодой ленинец». В 1954 г. он поступил в Сталинградский педагогический институт (в настоящее время – Волгоградский государственный социально-педагогический университет), закончив его с отличием в 1959 г. После окончания института Борис Сергеевич пять лет возглавлял редакцию газеты «Учитель». С 1964 г. по 1994 г. работал в Волгоградском педагогическом институте. Б.С. Абалихин знал немецкий, польский, украинский и французский языки, имел дар оратора и доступно излагал свои мысли. В 1964 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Боевое содружество украинского и русского народов в Отечественной войн 1812 года», а в 1980 г. – докторскую диссертацию «Борьба с наполеоновской армией на Юго-Западе России в период Отечественной войны 1812 г.». В 1982 г. ему присвоено звание профессора, а в 1991 г. – «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». Ученый-историк подготовил более 200 научных трудов. Свою работу в вузе совмещал с работой ответственного редактора «Историко-краеведческих записок», являлся членом областного общества «Знание», научного совета областного краеведческого музея. Б.С. Абалихин награжден медалью «За доблестный труд, в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» – знаком «Отличник народного просвещения РСФСР». 30 мая 1994 г. Борис Сергеевич Абалихин скончался в результате длительной болезни.

История Отечественной войны 1812 г. была главной темой в исследовательской деятельности Б.С. Абалихина. Вместе с тем большое внимание Борис Сергеевич уделял краеведению, особенно проблемам, связанным с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. Любовь к родному городу и знания по военной истории определили его особый интерес к теме Сталинградской битвы. Одними из первых по этой проблеме им были подготовлены статьи «Беспримерный образец мужества и стойкости: хроника Сталинградской битвы, как ее изложили газеты мира»

и «Сталинградская битва в оценках иностранцев» (1972) [4, л. 5]. Эта тема неоднократно затрагивалась и в ряде других его работ, таких как «Мир, признательный Сталинграду» (1973), «Сталинградская битва и антифашистское движение Сопротивления в Германии» (1974), «От Сталинграда до Берлина» (1975), «Утро Победы» (1986), «Трудовой подвиг Сталинградцев в годы Великой Отечественной войны» (1989).

В 1997 г. документы личного архива Бориса Сергеевича были переданы родственниками на хранение в Государственный архив Волгоградской области. В настоящее время архивный фонд Б.С. Абалихина (Ф. Р – 2808) представлен 192 единицами хранения за 1939–1995 гг. Большую научную ценность имеют документы, связанные с его профессиональной деятельностью и научными интересами. В фонде историка можно ознакомиться с рукописями, машинописными и печатными экземплярами работ «Боевой печатный орган 62-й армии», «М.И. Кутузов и Украина», «Полвека педагогического института» и др. Исследователю будут интересны доклады, статьи, рецензии, аннотации, лекции, брошюры, работы студентов, планы-проспекты сборников, очерки и другие материалы, касающиеся проблем изучения истории СССР, Сталинградской битвы и Волгоградского пединститута. Немаловажная информация по проблемам военной истории может быть обнаружена в переписке с участниками Сталинградской битвы, начальниками музеев зарубежных стран (Болгария, Польша, Югославия). Изучая личные документы историка – автобиографию, личный листок по учету кадров, характеристики, удостоверения можно проследить как формировалась личность ученого. Изобразительные материалы, хранящиеся в фонде, дают возможность наглядного восприятия исторической ретроспективы.

Значительность научно-просветительской деятельности ученого Б.С. Абалихина отражена в коллективной работе «Волгоград: четыре века истории» (1989), а также в посвящении его личности «Абалихинских чтений», которые с 1995 г. проводятся в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете ежегодно. Документальное наследие педагога-историка может стать ценным историческим источником в изучении проблем истории Великой Отечественной войны

1941–1945 гг., в частности касающихся аспектов, связанных с восприятием событий Сталинградской битвы.

Список использованной литературы

1. Головкин Г.М. Академик АИП Абалихин Борис Сергеевич (1930–1994) // Рос. ист. журн. – 1995. – № 4. – С. 31, 32.

2. Назарова О.В. Профессор Борис Сергеевич Абалихин – ответственный редактор «Историко-краеведческих записок» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 9–10. – С. 208–212.

3. Тинина З.П. Великая Отечественная война в лицах по материалам личных фондов ГКУВО «ГАВО» // «Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в документах и памяти народа»: Материалы науч.-практ. конф., посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, Волгоград, 9 октября 2015 г. – Волгоград, 2015. [Электрон. ресурс] // Государственный архив Волгоградской области. URL: http://volga.rusarchives.ru/info/material_konferenciy.pdf (Дата обращения: 07.02.2017).

4. ГАВО. Ф. Р – 2808. Оп. 1. Д. 43.

5. ГАВО. Ф. Р – 2808. Оп. 1. Д. 44.

6. ГАВО. Ф. Р – 2808. Оп. 1. Д. 118.

7. ГАВО. Ф. Р – 2808. Оп. 1. Д. 168.

Борис Абалихин
Ростислав Ковалевский

ПРОЗРЕНИЕ

Документальный очерк
(отрывок)

Текст напечатан на печатной машинке, на листах формата А4, с правками авторов, имеются автографы, объем рукописи 12 листов, дата не указана.

...Проходят годы. Из руин возрождаются города и страны, на пепелищах войны вырастают сады, и мы ищем следы минувшего в музеях и памяти очевидцев, на полках архивов и в письмах современников. Мы хотим знать правду.

...Сталинград. Зима сорок третьего года. Мороз сковал искореженный металл и изувеченные трупы. Агония тела и духа фашистской армии. Бессилие и муки, обреченность и смерть и лишь немного надежды...

Последние записи в дневниках, последние письма родным и знакомым. Письма неотправленные и ушедшие с последним самолетом, но не попавшие к адресатам [2]. В них больше правды, чем во всех мемуарах недобитых гитлеровских генералов и в трудах историков, оправдывающих исторической необходимостью (фраза зачеркнута авторами) бессмысленную гибель сотен тысяч солдат. Это была исповедь людей, которые стояли на грани между жизнью и смертью и которых уже не пугало гестапо:

«...Я пишу так откровенно потому, что мне нечего бояться: нигде не может быть хуже, чем здесь, в Сталинграде...»

В то время, как пропагандистская свора Геббельса лезла из кожи вон, чтобы вдолбить каждому немцу, что нет ничего прекраснее, чем смерть за фюрера и великую Германию, немецкий солдат, у которого отняли имя, писал из Сталинграда:

---

[2] 21 января 1943 г. в Новочеркасске приземлился последний самолет, доставивший из сталинградского котла раненых и почту. Самолет сразу же окружили гестаповцы. Их интересовали не люди, а их мысли. 7 почтовых мешков, битком набитые письмами солдат и офицеров окруженной группировки, были конфискованы и доставлены в Берлин. Правителей Германии интересовало настроение солдат (слово дописано чернилами авторами) в «крепости», как тогда называли они Сталинград. Отдел военной информации скрупулезно изучил все письма и систематизировал их по пяти группам:

1) Позитивное отношение к ведению войны – 2,1 %
2) Сомнительное – 4,4 %
3) Неверие и отрицание – 57,1 %
4) Оппозиционное – 3,4 %
5) Не выражена точка зрения, индифферентность – 33,0 %

Не таких результатов ожидало фашистское руководство! По приказу Гитлера фамилии авторов и получателей были уничтожены, а сами письма и другие документы о Сталинградской битве общим весом около 500 кг были замурованы в одном из фортов крепости Шпандау. И только недавно они стали достоянием истории.

Кроме писем, в очерке использованы разнообразные опубликованные и архивные материалы (предложение дописано чернилами авторами).

«Смерть, казалось бы, должна быть героической, вдохновляющей на большие дела. А что происходит здесь в действительности? Мы дохнем с голоду, замерзаем. Это такой же биологический факт, как еда и питье. Солдаты мрут как мухи, и никто об этом не беспокоится и не хоронит их. Без рук, без ног, без глаз, с разорванными животами они лежат везде. Об этом нужно снять фильм, чтобы сделать впредь невозможной эту "прекраснейшую смерть"[3]».

8 января 1943 г. советское командование предложило войскам Паулюса капитулировать. Настало время выбора не только для Гитлера и генералов, но и для каждого солдата. Время выбора между жизнью и смертью. Гитлер выбрал смерть для сотен тысяч солдат. Армия получила приказ «удерживать крепость» и много пустых обещаний, намеков на чудо, которыми фюрер от Сталинграда 43 года и до последних дней своих в осажденном Берлине сорок пятого обманывал немецкий народ. Солдат остался один на один со своей судьбой.

«...С 21 ноября мы окружены. Положение безнадежно, только наши командиры не хотят в этом сознаваться. Кроме пары ложек похлебки из конины, мы ничего не получаем... Если бы я знал, что в плену со мной будут обращаться хотя бы так, как с отцом в 1914 году, я сейчас же перебежал бы».

«...Я прочел ультиматум, и жгучая злоба на наших генералов вскипела во мне. Они, по-видимому, решили окончательно угробить нас в этом чертовом месте. Пусть генералы и офицеры сами воюют. С меня довольно. Я сыт войной по горло...»

«...Я нашел бы путь, чтобы выскользнуть из этой мышеловки, но отсюда есть только два пути: на небо или в Сибирь...»

Во многих последних письмах из Сталинграда можно прочесть слово "Сибирь". Им пугали немецкого солдата с детства, ему даже не сулили "жизненного пространства" за Уралом. Не призрак ли сибирской каторги должен был вселить мужество в обреченных людей?

24 января Паулюс докладывает начальнику Генерального штаба:

---

[3] Так назвал Геринг в своем выступлении гибель 6-й армии.

«...Оснований для выполнения боевой задачи и удержания Сталинграда больше нет...» 30 января Паулюс получает радиограмму Гитлера: «Уже теперь весь немецкий народ в глубоком волнении смотрит на этот город. Как всегда, в мировой истории, и эта жертва будет не напрасной». А не позднее 21 января немецкие солдаты и офицеры, имена которых никогда не войдут в историю, писали из Сталинграда:

«Нам говорят, что наша борьба нужна Германии, но мало кто из нас верит, что родине могут быть полезны бессмысленные жертвы...»

«Сталинград не является военной необходимостью, это только политический риск...»

«Сталинград – это авантюра».

Из Сталинграда писал не сверхчеловек, решающий судьбу Германии в занесенных снегами степях чужой страны. Это писал человек, пожинающий плоды того, что посеяно им, и начинающий осознавать свою вину:

«...Ты должна знать правду. Правда – это тяжелейшая борьба в безвыходном положении, несчастье, голод, отрешение от всего, сомнение, разочарование и ужасная смерть... Мою личную вину нельзя отрицать, хотя она находится в отношении 1 к 70 миллионам. Соотношение невелико, но оно есть...»

Это писал человек, предвидевший, что его гибель будет воспета в песнях, чтобы обмануть других:

«Вам в газетах и по радио рассказывают всякие небылицы, а в действительности все выглядит совсем иначе...»

ГАВО. Ф. Р – 2808. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–5.

В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ О ВОЙНЕ

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ТРУДАХ Е.В. РУССКОВА

М.Ю. Жадаев

Ефим Васильевич Русcков – один из наиболее известных партийных и хозяйственных деятелей, которых дала миру волгоградская земля. Его вклад в дело становления советской власти, а также восстановления народного хозяйства весьма велики. Но только этим заслуги Е.В. Русскова не исчерпываются. Литературное наследие, вышедшее из-под его пера, показывает нам глубокий внутренний мир автора, а также его личный взгляд на русскую смуту 1917–1920 гг.

Е.В. Русcков родился 18 (31) марта 1894 г. в селе Верхне-Погромном Астраханской губернии. Его биография складывалась весьма сложно, так как уже с малых лет он стал работать батраком сначала на шерстомойной фабрике, а затем в зажиточном хозяйстве односельчанина [1, с. 53]. 3 февраля 1913 г., будучи в 18-летнем возрасте, он женился на своей ровеснице – Елене Осиповне Дуденковой – троюродной прапрабабушке автора данной статьи [2]. Однако их семейная жизнь продлилась чуть более года – 30 мая 1914 г. его жена скончалась от послеродового перитонита [2]. Повторно Е.В. Русcков женился через четыре года – 11 июня 1918 г. Его супругой стала царицынская мещанка Ольга Филипповна Кузнецова [3].

С наступлением эпохи потрясений на территории нашей Родины Е.В. Русcков принял сторону большевиков и вступил в ряды партии. А уже в 1918 г. он возглавил красный отряд. После окончания Гражданской войны он работал сначала в Царицынской ГубЧК, затем директором совхоза «Прогресс» [1, с. 53–55].

Творческой деятельностью Е.В. Русков занялся уже, будучи на пенсии. В своих главных трудах, посвященных годам Гражданской войны – повести «Борьба» и романе «К новой жизни» под именем Михаила Рыжова он изобразил самого себя и свою жизнь.

Относительно Первой мировой войны в книгах Е.В. Русскова можно встретить лишь обрывочные сведения. Во многом это объясняется тем, что он акцентировал внимание на событиях войны гражданской. Тем не менее отдельные факты и тенденции, относящиеся к периоду 1917 г., прослеживаются весьма четко. С первых строк чувствуется превалирующее влияние марксистско-ленинской идеологии, господствующей в то время в исторической и мемуарной литературе. Ее невидимая направляющая рука красной нитью проходит через все труды Е.В. Русскова, не позволяя ни на йоту уклониться от генеральной линии партии, изложенной в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Автор начал повествование с событий 1917 г., описывая прибытие в г. Царицын солдат-фронтовиков. Свое презрительное отношение к войне Е.В. Русков выразил лишь одной, но весьма емкой фразой своего главного героя М. Рыжова: «Голосуем ногами с фронта» [4, л. 3]. И.К. Донсков, автор одного из отзывов на книгу, так комментирует данный эпизод: «Читатель уже с этой страницы видит, что Рыжов может немало сделать для революции...» [7, л. 26]. Тот факт, что эти солдаты, по сути, являются дезертирами, не находит совершенно никакого выражения, за исключением одного момента. На это намекнул поручик, зашедший в вагон [4, л. 16]. Однако, сразу следует сказать, что бдительность офицера отнюдь не встретила одобрения со стороны автора. Наоборот, его отношение к поручику негативное: «В щегольском обмундировании... запыхавшегося, потного поручика» [5, л. 3]. Опять же, Е.В. Русков выражает свое мнение о нем через презрительное равнодушие к нему со стороны солдат: «Они сидели... и с усмешкой посмотрели на... поручика» [4, л. 15]. Кроме того, поручик изображен как человек, брезгливо относящийся к простым солдатам, что еще больше подчеркивает отрицательное отношение к нему со стороны автора [5, л. 3]. Впрочем, это относится и ко всем остальным офицерам русской

армии. Автор небрежно отзывается о них как о «царских вояках» [5, л. 24]. В противовес этому, действия и поступки солдат-большевиков всегда излагаются в положительном свете [4, л. 15–19].

В основном же Е.В. Русков описывает события гражданской войны, происходившие на территории Царевского уезда Астраханской губернии. С неприкрытой ярой неприязнью он описывает старый строй, тем самым плавно подводя читателя к абсолютной и не терпящей никаких возражений справедливости октябрьского переворота: «Кругом веселились обыватели, бешено кружились карусели, ревели трубы, орали охрипшие скоморохи, дебоширили в трактире кулацкие сынки, в цирковом балагане хохотали их матери. Отцы, степенно прохаживаясь по базару, следили за приказчиками, продававшими их товар, присматривали рабочую силу подешевле и думали о том, что вечером и они погуляют вволю. Лишь толпа батраков – голодная, молчаливая и угрюмая – в ожидании найма недвижно стояла на площади» [5, л. 16]. «Не жизнь это была, а хуже смерти» [5, л. 29]. В таком же негативном свете он пишет и о зажиточных крестьянах, называя их «кулаки-мироеды» [5, л. 14]. Их домашние хозяйства, организованные собственным трудом практически с нуля, Е.В. Русков небрежно описывает как «кулацкие хутора, созданные столыпинской реформой» [4, л. 59]. «В селе, Яша, все по-старому, богачи власть крепко держат, нашего брата жмут пуще прежнего, без землицы мается беднота» [4, л. 7]. А вот портрет одного из таких зажиточных крестьян: «Наконец, к ним подошел богач Богодуха – краснорожий, в жилете поверх длинной цветастой рубахи, в лаковых сапогах... Богодуха осматривал отца как продажную лошадь – щупал мускулы, осматривал зубы, прикидывал рост» [5, л. 16]. В этом описании сразу угадывается классическое изображение «кулака» на советских плакатах 1930-х гг. На это, в частности, указывает и один из рецензентов Е.В. Русскова А. Шмаков, который в своей статье критикует автора за такой поверхностный образ: «Изображая кулаков тупыми, ограниченными людьми, автор тем самым ослабляет в своей повести остроту классовой борьбы тех дней» [6, л. 1]. Кроме того, одной из специфических деталей в этом портрете является жестокость по отношению к работникам: «Я, Савка Лагун, в батраках живу вот у этого, – он

показал на Богодуху. – Он меня бьет каждый день. И Пашку Бондарчука, сироту, бьет. Того и гляди, убьет» [5, л. 7].

Такое однобокое изложение сцен быта царской России, а также резонирующий диссонанс между портретами двух слоев общества – «кулаков» и «батраков», должны были вызвать у читателя однозначное и четко выраженное неприятие к старому строю. Труды Е.В. Русскова отвечают этим требованиям советской пропагандистской машины в полной мере.

По такому же принципу идет все дальнейшее повествование. Говоря о становлении советской власти в уезде, автор намеренно подводит читателя к выводу о том, что против большевиков выступали только «буржуи» и «кулаки», а все остальное население поддерживало красных. Читая труды Е.В. Русскова, поневоле создается устойчивое впечатление, будто бы абсолютное большинство жителей Российской империи находилось за чертой бедности, получая копейки за тяжелый труд в хозяйстве у кулаков. Именно поэтому, согласно авторской концепции, бедняки, ничуть не сомневаясь, становились на сторону большевиков.

А вот как автор описывает установление советской власти в слободе Николаевской. Он пишет, что красногвардейский отряд действовал не силой, а убеждением: «...мы придем к ним без винтовок, большевистским словом зажигать их сердца» [5, л. 31]. Е.В. Русков, таким образом, подчеркивает, что, по его мнению, красные применяли силу только против кулаков и офицеров: «...черные дула красноармейских карабинов уже смотрели в глаза офицеров» [4, л. 98]. Крестьяне в изображении автора представлены не совсем сознательными людьми, которых очень легко сбить с толку. В его изложении, если бедняк не поддерживает советскую власть, значит, его подбили на это кулаки: «Среди этих мятежников были не только кулаки, но и середняки и даже кое-кто из бедноты. Кто они по-твоему? ...Это обманутые» [5, л. 99]. Таким образом, наличие собственного мнения, отличного от позиции большевиков, полностью отрицалось. Этот факт находит подтверждение в рецензии Е. Чудасова, который пишет: «Автор убедительно изображает подкупающую простоту и человечность трудового народа» [6, л. 2].

Такой же кулацкой инициативой представлено образование многочисленных миниатюрных «государств» на примере «Воловьей мужицкой республики» [5, л. 42]. Такие образования жили по собственным законам. Но если изначально создается впечатление, что они представлены ярыми противниками советской власти, готовыми воевать с кем угодно, но против большевиков: «Нам господин Зенкин только советских да комиссаров не велели пущать», то впоследствии все встает на свои места. Население «республики» составляли «одурманенные» мужики, сбитые с толку кулаком Зенкиным [4, л. 108–110].

В трудах Е.В. Русскова также находит отражение одна из самых трагичных страниц Гражданской войны – красный террор. В полном соответствии с советской концепцией истории, автор стремится показать данное явление как аналогичный ответ на белый террор, развязанный противниками советской власти: «Чалый! Всех, у кого было найдено оружие, – к бараку за селом, понятно? Немедленно расстрелять, сейчас же! Террор на террор!» [5, л. 44]. На самом же деле картина выглядит полностью соответствующей исторической действительности – красный террор был развязан для подавления отдельных антисоветских выступлений. В книге Е.В. Русскова этот факт показан как расстрел трех «кулаков» в ответ на ранение красного командира Субботина [5, л. 43].

Общая концепция гражданской войны изображена в полном соответствии с «Кратким курсом истории ВКП(б)». Автор пишет об «огненном кольце фронтов», объединении сил «внутренней и внешней контрреволюции» [5, л. 45]. Отдельного внимания заслуживает фраза о том, что белогвардейцы снабжались вооружением и амуницией из-за рубежа: «Белые были в новеньком обмундировании. На черном сукне френчей горело золото пуговиц и шнуров. Впереди, лихо закусив папиросу и колесом выпятив увешанную орденами грудь, шел седой полковник» [5, л. 110]. Эта цитата целиком и полностью напоминает сцену психической атаки белогвардейцев в фильме братьев Васильевых «Чапаев». Вот еще один фрагмент: «12 конных и 8 пехотных дивизий белоказаков, прекрасно вооруженных иностранными государствами» [5, л. 125]. Е.В. Русков, таким образом, стремился

показать картину бесперебойных поставок оружия белым при дефиците вооружения у красных – тоже практически дословно срисованную из «Краткого курса».

Восстания против советской власти в описании автора имеют четко выраженный оттенок. Все они выглядят как «кулацкие мятежи», ничем не отличающиеся от банального бандитизма. По его словам, выходит, что во время одного из таких восстаний в с. Погромном происходили повальные грабежи и пьянки: «Мятежники дорвались до водки. Погромное превратилось в сплошной кабак... В бедняцких домах звенели стекла, из окон на улицу летели одежда, посуда и другие домашние вещи. Пьяные мятежники тащили все, что под руку попадалось» [4, л. 185]. При этом, говоря о пребывании в Цареве, Николаевской или Рахинке красных, автор пишет, что там все всегда было спокойно, явно подталкивая читателя к той мысли, что именно в советской власти было спасение и решение всех проблем [5, л. 30, 93].

Этой же цели было подчинено и красочное описание зверств, которые якобы устраивали «кулаки». Автор подробно в деталях рисует ужасную картину, которая должна вызывать у читателей ненависть ко всем противникам большевиков: «Перед толпой лежали два продармейца с пробитыми черепами. На груди у них бандиты вырезали звезды. Продармейцы лежали обнявшись. Наверно, так и умерли – никакая сила не могла их разъединить» [4, л. 197]. Параллельно с этим, сцены расстрелов, которые устраивали красные, Е.В. Руссков показывает в совершенно другом свете, абсолютно оправдывая действия большевиков. Вот, что он говорит об этом словами персонажа своей книги М. Рыжова: «Врагов... надо уничтожать без пощады, без сострадания, чтобы дать жить трудящемуся народу... И еще запомни навсегда, что делаешь это для Родины, для счастливого будущего ее народа» [5, л. 108]. Таким образом, автор подчеркивает, что для того, чтобы обеспечить счастье одним людям, надо расстрелять много других, заочно приписанных к категории «врагов».

В целом же события гражданской войны в одной книге Е.В. Русскова доведены до осени 1918 г. [5], а во второй – до самого ее конца [4]. Боевые действия, отраженные в трудах автора, в основном касаются наступления на г. Царицын армии генера-

ла П.Н. Краснова. Е.В. Руссков практически постоянно пишет о мужестве и храбрости красных, которые в его понимании постоянно одерживали победы, проводили умелые боевые операции и маневры [5, л. 121–123]. Далее автор в том же самом ключе рассказывает о боях на р. Дон [4, л. 237–238]. Вот описание одного из боев: «Закаленные бойцы этой дивизии дрались как львы, но противник... бросил своим частям свежее подкрепление, и красная пехота отступила... Напрягая последние силы, с криком “!ура”, отходящие роты навалились снова на противника... Дружным натиском противника погнали к Дону» [4, л. 256]. Кроме того, весьма примечателен момент, что в книге Е.В. Русскова никак не рассказывается о пребывании белых в г. Царицыне [4, л. 289]. Но затем, говоря о последствиях этого, он пишет: «Тихо стало в городе, и казался он печальным, замерзшим. Не дымили... заводские трубы... Железнодорожные мосты взорваны, целые составы вагонов сброшены с них во время боев. Водопровод разрушен, машины и оборудование увезены белыми» [4, л. 300]. Таким образом, автор стремится показать, что разруха в г. Царицыне связана именно с белогвардейским периодом истории города, что именно белые причинили максимум ущерба городу. Кроме того, Е.В. Руссков приписывает белогвардейцам массовый террор: «В начале февраля хоронили снятых с виселиц и расстрелянных белыми» [4, л. 301]. Далее, говоря об укреплении советской власти после окончания активного периода гражданской войны (1920–1923), автор пишет об отдельных сражениях с разрозненными отрядами повстанцев, которые никак не хотели мириться с создавшимся положением. Е.В. Руссков уничижительно говорит о них как о «бандах», которые заслуживали лишь уничтожения [4, л. 312–313]. Вторая книга автора заканчивается после разгрома отряда К. Вакулина очередными пропагандистскими словами большевика Субботина: «Мы, коммунисты, вместе с народом были и всегда будем, и в дни тяжелых испытаний, и в дни радости» [4, л. 326].

Таким образом, проанализировав труды Е.В. Русскова, можно сделать вывод, что автор, не акцентируя внимания на детальном описании боевых действий, тем не менее, отразил основные тенденции и явления гражданской войны. Однако, как

старый большевик, член партии, он не отличался объективностью и исторической точностью, полностью повторяя основные тезисы марксистско-ленинской концепции изложения и понимания исторических событий.

Список использованной литературы

1. Тинина З.П. Ефим Васильевич Русков. 120 лет со дня рождения // Календарь знаменательных и памятных дат. Волгоградская область. 2014 / Ред.-сост. О.В. Назарова; О.А. Лященко; Отв. за вып. Н.В. Шашко. – Волгоград: ООО «Принт», 2014. – 92 с.: ил.
2. ГАВО. Ф. 340. Оп. 17. Д. 31.
3. ГАВО. Ф. 340. Оп. 17. Д. 34.
4. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 24. Д. 1.
5. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 24. Д. 6.
6. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 24. Д. 16.
7. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 24. Д. 17.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.П. МАЛЫГИНОЙ

А.Р. Михеева

В последнее время в связи с прошедшей 70-летней годовщиной Победы над Германией возрастает интерес к творчеству местных писателей, в том числе и к произведениям Надежды Петровны Малыгиной. И это не может не радовать. В ее произведениях главным героем практически всегда является влюбленная и верная своему слову молодая женщина или девушка. Во всех ее произведениях война неотступно следует за главными героями, будь то военные или гражданские. В ГКУВО «ГАВО» находится на хранении архивный фонд Ф. Р – 6534 «Коллекция материалов деятелей литературы и искусства», одна из описей которого посвящена Малыгиной Надежде Петровне, волгоградскому писателю-прозаику, участнице Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В данном фонде собрана уникальная коллекция ее материалов: переписка с друзьями, бывшими фронтовиками,

благодарственные письма и почетные грамоты, рукописи литературных произведений и многое другое.

Надежда Петровна родилась 30 сентября 1924 г. в с. Мало-Еланке Иркутской губернии, училась в школе № 1 г. Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края. В 1942 г. добровольцем ушла на фронт. Ю.А. Левин в своей книге «Солдаты Победы» так писал про нее: «...Сибирь ее родина, а точнее иркутский колхоз “Красный пахарь”. Может, не рассталась бы со своей деревней, но война порушила все мечты девушки-трактористки. И она подалась на фронт. Не просто было: семнадцатилетнюю Надю никто и слушать не хотел, когда она просила зачислить ее в действующую армию. И только, когда приехала в Иркутск и пробилась к секретарю обкома партии, тогда дела и уладились. Надю определили в кавалерийскую бригаду. Служила в кавалерии, а мечтала о танках. Не с руки, мол, трактористке с лошадьми дело иметь, танк ведь родня трактору. И мечта сбылась. В феврале 1944 г. оказалась в 10-м добровольческом танковом корпусе, в 62-й бригаде. Санинструктором батальона. Вот тогда-то и побраталась с уральцами Надя Малыгина. Поле боя породнило сестру Малыгину с уральскими танкистами. Более двухсот человек она вырвала из лап смерти. Даже трудно поверить, что такая хрупкая девушка, какой была Надя, бесстрашно лезла в горящий танк или пробивалась в простреливаемую траншею – и все для того, чтобы вытащить оттуда раненого воина. Так было. И ее не миновали пули да осколки. Вышла из войны и взялась за перо» [2, с. 40].

На фронте она сначала выполняла обязанности писаря батальона, с началом боев служила санитаркой танковой роты (была пять раз ранена и контужена), в составе 10-го гвардейского Уральско-Львовского добровольческого корпуса прошла путь до Европы. Награждена орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», «За взятие Берлина».

Интересны обрывочные воспоминания ее сослуживцев о ее боевом пути: «Когда она спасла жизнь девятнадцати парням из танковой бригады, на ее груди засверкала медаль “За боевые заслуги”. За 30 спасенных жизней ее наградили орденом Красной Звезды. Всего из горящих танков Надя вытащила 168 наших парней».

Из воспоминаний самой Н.П. Малыгиной: «Командир нашего батальона и слышать не хотел, чтобы я была водителем. Тогда я стала проситься санитаркой. В ответ он усмехнулся и позвал трех механиков-водителей. Когда они пришли, он спросил у меня: “Как же ты, такая маленькая и хрупкая, будешь таких богатырей из горящего танка вытаскивать?” Когда я на них глянула, то руки у меня опустились: не парни, а медведи какие-то! Но после первого боя комбат больше во мне не сомневался. Так и стала я “сестренкой батальона”. «Из всей войны больше всего запомнился мне один день. Вернее, ночь. В долине недалеко от Праги. Я проснулась в третьем часу ночи от дикой стрельбы. Палили из всех видов оружия. Ничего не понимая, перепуганная, я бросилась к одному из бойцов, который палил из автомата: “Ты чего патроны переводишь?!” А в ответ он схватил меня в свои объятья и прокричал: “Победа! Конец войне!”» [1, с. 85].

После войны Н.П. Малыгина работала на заводе в г. Иркутске и одновременно училась. В 1951 г. окончила Московский юридический институт и приехала на работу в Сталинград, где временно устроилась на работу корреспондентом в областных газетах. В составе выездной редакции газеты «Молодой ленинец» активно работала на целинных землях Заволжья, за что была награждена медалью «За освоение целинных земель». В 1945 г. Надежда Петровна вступила в КПСС. С 1954 г. Н.П. Малыгина работала на радио, участвовала в создании студии телевидения, занимала должность зав. отделом молодежных литературных и музыкально-драматических передач. Фронтовое прошлое и опыт работы корреспондента определили дальнейший жизненный путь Н.П. Малыгиной – она стала писателем, а военная тематика всегда присутствовала в ее произведениях.

В 1957 г. она написала небольшую повесть о комсомольцах гражданской войны «Закаленные в пламени». В 1957 г., 1961 г. была опубликована повесть «Сестренка батальона» (была переиздана в «Военном издательстве»), в 1962 г. – книга рассказов «Вторая любовь». Через год, в 1963 г. ее приняли в Союз писателей СССР. Еще через год, в 1964 г. выходит книга рассказов «Ливни умывают землю», в 1967 г. – повесть «Четверо суток и вся жизнь», в 1971 г. – повесть «Двое и война». В том же году

Надежде Петровне за документальную повесть «Встреча» ЦК ВЛКСМ и Союзом писателей СССР было присуждено звание лауреата литературного конкурса им. А. Фадеева.

Писатель Николай Иванович Мизин, в сценарии телепередачи «Волга», от 3 марта 1970 г., так отозвался о новой повести Н.П. Малыгиной «Двое и война»: «Повесть необычна не только и не столько своей архитектурой, жанровой новизной – монолога памяти, а прежде всего – содержанием. Это – восторженная песнь любви романтической, чистой и самоотверженной. Но эта проникновенная песнь никогда не возникала, не обретала свою плоть и кровь в оглушающем грохоте непрерывных сражений, в жестокостях войны, в вихре смерти, как это происходит в этой повести» [3].

Как говорила сама Н.П. Малыгина: «Я хотела написать предельно честную книгу о войне, показать трагизм, который она несет отдельным людям. Война не оставляет нетронутыми и живых, она и в них убивает очень многое» [1, с. 92].

До последних своих дней она прожила в Волгограде, в доме Солдатской Славы, который известен как Дом Павлова, в квартире № 1, которая больше напоминала музей.

Ю.А. Левин так вспоминает посещение ее квартиры: «Мы воочию убедились, что в Доме Павлова действительно есть уголок Урала. На стенах множество фотографий, на которых запечатлены друзья Надежды Петровны. В этой же комнате и камни Урала, и много других даров, посланных писательнице благодарными читателями из Свердловска, Перми, Челябинска... Мы покидали квартиру № 1 с чувством глубокой признательности ее хозяйке за все, что она совершила во время войны, и за ее писательский труд» [2, с. 56].

Надежда Петровна умерла 15 февраля 1987 г. в Волгограде.

Документы Н.П. Малыгиной поступили на хранение в архив в 1989 г. из Волгоградского отделения Союза писателей РСФСР. Они сформированы в 348 дел за 1928–1986 гг. Материалы фонда подразделяются на следующие группы: рукописи; переписка; личные документы (награды, материалы личной и служебной деятельности); фотографии Н.П. Малыгиной, ее мужа, знакомых и однополчан. Большую ценность представ-

ляет первая группа документов, в которую входят рукописи романов «Дорога на фронт», «Заповедь холостяку», «Целина»; пьесы «Люди из города», «Человеку нужна операция»; рассказы «Встреча», «Последнее собрание», «Три фотографии». Многие рукописи ее произведений представлены с авторской правкой, что во многом повышает их ценность. Также интересны для исследователя письма Надежды Петровны, например переписка с академиком П.В. Давыдовским о своем отце, с мужем Я.А. Мозенсоном, с ее бывшими однополчанами. Много писем от издательств и редакций газет и журналов («Известия», «Новый мир», «Молодая гвардия», «Советский Красный крест»), в которых печатались ее произведения. Об отношении Н.П. Малыгиной могут свидетельствовать письма и поздравительные открытки от учащихся школ, училищ, техникумов, сотрудников музеев, охватывающие период с 1960-х по 1980-е гг. В личных документах Надежды Петровны можно найти телеграмму о ее зачислении в Московский юридический институт, автобиографию, сведения о поощрениях и награждениях, копию диплома с приложением к нему Московского юридического института, списки людей, спасенных ею и спасших ее, во время войны. Почетная грамота в связи с 50-летием, грамоты за активную героико-патриотическую работу с учащимися, благодарственные письма, которыми награждена Н.П. Малыгина за защиту нашей Родины в годы Великой Отечественной войны свидетельствуют о ее боевом и трудовом подвиге. В фонде сохранилось огромное количество фотографий Н.П. Малыгиной в разные периоды жизни, с мужем, родственниками, однополчанами и знакомыми, учащимися различных учебных заведений [3].

Если говорить о ее произведениях, то, конечно, нельзя не упомянуть произведение, сделавшее Надежду Петровну такой известной, «Сестренка батальона». Вместе с Наташей Крамовой, санинструктором гвардейского танкового корпуса, читатель идет по дорогам войны с лета 1944 г. до майских боев в г. Праге 1945 г. Эта книга не о войне, не о медике и фронте; эта книга – о юной женщине, потерявшей на войне мужа и нерожденного ребенка, о ее чувствах, о людях, которые ее окружали, любили и поддерживали. Главный вопрос, который задан в повести – это,

как излечить душу от кровавых ран, как научиться жить, утратив еще в 18–19 лет (столько исполнилось героине) все лучшее, что придавало жизни смысл? Автор рисует полноценный и вызывающий симпатию образ юной героини, тщательно передает все ее душевные движения. Такое пристальное внимание к внутренней жизни находится в традиции русской классической литературы и одновременно обусловлено самопознанием, свойственным молодежи возраста «сестренки батальона». Открытая нараспашку душа «сестренки батальона», ее мысли и переживания на фоне боевых будней близки и понятны ее ровесникам.

В заключение хотелось бы отметить, что для нынешнего молодого поколения, которое постепенно начало забывать, какой ценой досталась Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., произведения Надежды Петровны должны стать настольными книгами.

Список использованной литературы

1. Воспоминания Н.П. Малыгиной. – Волгоград, 1990. – 230 с.
2. Левин Ю.А. Солдаты Победы. – М., 1980. – 100 с.
3. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 21.

ВОИН С КАРАНДАШОМ ПИСАТЕЛЯ – В.Е. ЛЕНЧЕВСКИЙ

Н.С. Лобчук

«Воин с карандашом писателя» – так была озаглавлена статья, посвященная Владимиру Евгеньевичу Ленчевскому. Ее герой – участник двух войн, гражданской и Великой Отечественной, автор книг и статей, посвященных Сталинградской битве и трудовой жизни города на Волге, учитель мужества, стойкости, патриотизма для подрастающих поколений волгоградцев.

В.Е. Ленчевский родился в 1904 г. в г. Астрахани в семье бондаря. В 1918 г., приписав себе три года, он добровольцем ушел в 1-й Казанский красногвардейский отряд, участвовал в установлении Советской власти на Дальнем Востоке, в Сибири,

на Урале сначала в Чапаевской дивизии, а потом в партизанском отряде П.Е. Щетинкина. Это время, проведенное на фронтах гражданской войны, практически не отразилось в творчестве Владимира Евгеньевича. В статьях, рассказах, стихах, теле- и радиопередачах, которые также имеются в его личном фонде, писатель отразил другие важные военные баталии XX в. Только в тексте выступления, подготовленного для Владивостокского телевидения, он вспоминает свою службу в дивизии легендарного героя Василия Ивановича Чапаева: «Наш казанский красногвардейский отряд передали Чапаеву. И вот здесь (его части продвигались тогда к Уралу) я впервые увидел Василия Ивановича. Особенно мне запомнились его глаза. Иссиня-голубые. С такими мирными, добрыми глазами, мне казалось, только бы стихи писать. Тогда я был убежден, что у героя глаза должны быть напряженно-черные, взгляд пронзительный, брови хмурые, сдвинутые, а сам герой должен непрерывно стрелять или, на худой конец, рубить клинком налево и направо. А тут я очутился перед самым, что ни на есть, обыкновенного роста и далеко не богатырского сложения человеком. Оказалось, что он даже шутить любит. Нет, никак это не вязалось с моим воображением о герое... И еще мне запомнился на всю жизнь Чапаев своим голосом. У нас обычно так: хвалят тихо, ругают громко. Чапаев же и ругал, и хвалил одинаково громко» [4, л. 8].

Уже в эти первые годы службы Владимир Ленчевский выбрал военную профессию – разведчик. И сами эти понятия «разведка» и «разведчик», по прошествии лет, определял так: «Разведка... дело интересное, увлекательное, заманчивое, даже... романтичное. Но разведка связана с самыми неожиданными сюрпризами и чаще всего с определенным риском. Разведчик, – я имею в виду настоящего разведчика, – это артист, умеющий мгновенно перевоплощаться в соответствии с требованиями обстановки; и педагог, знающий, что и как сказать людям, с которыми его сталкивают обстоятельства; и охотник-следопыт; и в какой-то мере исследователь» [2, л. 304].

Самый значительный след в судьбе Владимира Евгеньевича оставила Сталинградская битва. К ней он подошел в звании капитана и с хорошим знанием немецкого языка, как выпускник

института иностранных языков. Именно героям великой битвы на Волге посвящены три его книги, вышедшие в послевоенные годы: «80 дней в огне», «На главном рубеже», «Огнем проверено». В личном фонде В.Е. Ленчевского сохранились: черновой вариант книги «80 дней в огне», рукопись неизданной работы «Отблески грозы (были о разведчиках)», варианты рассказов, пьесы. В основу всех произведений положены личные воспоминания и сведения, полученные от сослуживцев, героев рассказов.

Наиболее автобиографичная книга – «80 дней в огне». В ней описан период с 28 сентября по 5 ноября 1942 г., когда В.Е. Ленчевский являлся начальником разведки 308-й стрелковой дивизии под командованием, в то время полковника, Леонтия Николаевича Гуртьева. Несмотря на то, что подполковник В.Е. Ленчевский закончил войну в г. Вене, он всегда говорил о себе «я – гуртьевец» и именно дни, проведенные в сибирской дивизии, считал наиболее значимыми. Фигура полковника Л.Н. Гуртьева, командира дивизии, является одной из центральных фигур в книге «80 дней в огне», как бы соединяя собой все рассказы о защитниках Сталинграда в единое целое. Многие эпизоды жизни дивизии, характеризуют его замечательной души человеком, но, в то же время, требовательным начальником, беспредельно преданным Родине.

Вот как описывает Владимир Евгеньевич их первую встречу в глубокой штольне, штабе Л.Н. Гуртьева: «За столом стройный, как на параде подтянутый, в хорошо отутюженном кителе полковник. Его безукоризненно выбритое лицо серьезно, а глаза смотрят собеседнику в зрачки. Взгляд твердый, вначале чудится – перед тобой суховатый, а может, и педантичный человек. Однако так только чудится. В глазах заметны теплые огоньки, а концы губ чуть-чуть согнуты в рождающуюся улыбку...» [3, л. 3]. Один из эпизодов показывает, как хорошо изучил Л.Н. Гуртьев тактику противника и мог безошибочно определять его дальнейшие планы. «Однажды, докладывая генералу по телефону обстановку на своем участке, командир полка Чамов высказал предположение:

– Противник отбомбился. Жду атаки...

– Напрасно ждете, – отвечал генерал, – следите за соседом слева.

Немцы и в самом деле атаковали в этот раз не полк Чамова, а его левого соседа. Позднее мы узнали, что генерал всю бомбежку был на наблюдательном пункте, заметил, как фашистские самолеты сбрасывали на позиции полка Чамова много мелких бомб, а правый фланг его соседа бомбили меньше, но крупными» [1, л. 1].

Очень хорошо характеризует Л.Н. Гуртьева и его беседа с писателем Василием Гроссманом, побывавшим в конце осени 1942 г. в сибирской дивизии. Командир с увлечением рассказывал о боевых действиях соединения, в которых главную роль сыграли командиры полков, другие офицеры и солдаты, все остальные кроме него Л.Н. Гуртьева. На вопрос писателя: а о себе вы не могли бы рассказать, – он пожал плечами: вряд ли, такая тема меня мало волнует [3, л. 187].

Гвардии генерал-майор Л.Н. Гуртьев был смертельно ранен в битве под г. Орлом в августе 1943 г. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В послевоенное время Владимир Евгеньевич Ленчевский работал преподавателем и также активно занимался воспитанием подрастающего поколения, поэтому многие его рассказы, статьи, выступления посвящены юным героям Сталинградской битвы. С безграничной любовью пишет он о них в своих воспоминаниях: «...мальчики, порой даже против воли начальников, просачивались в боевые подразделения. Впрочем, как отказать детям, потерявшим близких, бездомным, изголодавшимся. Их и принимали, и подкармливали, а затем под благовидным предлогом отправляли в тыл. Причем не всегда удачно. Сплошь и рядом ребята при первой возможности давали стрекача, возвращались назад, солдаты с неделю их прятали от начальника, и затем и сам начальник, давно полюбивший мальчонка, смотрел на его «дезертирство из тыла» сквозь пальцы» [3, л. 100]. Видя их желание помочь своей родине, командиры поручали им сложные и опасные задания. С одним из таких юных ветеранов Владимир Евгеньевич познакомился уже после войны. К началу Сталинградской битвы Виктору Перфильеву едва исполнилось 13 лет, все родные погибли во время бомбежек и мальчик прибился к минометчикам 92-й бригады. В их лице он обрел новую

семью. «Лютая ненависть к врагам не давала покоя мальчику. Ненависть к тем, кто отнял у него солнечное детство. К тем, кто незваным пришел на его, Витькин, курган, кто лишил его крова, родных...». Солдаты говорили, что придет его час, надо только «подрасти». А пока он не чурался никакой работы: приносил воду из родника, подтаскивал мины. Однажды Виктор вернулся без воды. Около родника он увидел двух недавно убитых солдат и гитлеровца, который набирал воду. С этого дня мальчик стал учиться стрелять из карабина. «Солдаты не торопили своего любимца. А он потихоньку от них вел наблюдение за старым родником. Тем временем гитлеровец... окончательно обнахалился. Ежедневно дважды в один и тот же час он приходил к роднику. Сначала с оглядкой, настороженно, а потом уже по-хозяйски, как дома... И вот Виктор впервые выдвигается на огневую позицию... напрягает все свои силенки, чтобы не выстрелить раньше времени. Он выжидает, когда гитлеровец склонится над родником. Время. Виктор тщательно прицеливается. Затаивает дыхание. Выстрел. Гитлеровец клюет носом землю. Ведро со звоном катится вниз». С этого дня Виктора назначали заряжающим, а потом дали и обмундирование и зачислили на все виды довольствия, стал не просто сиротой, мальчонкой пригретым из сочувствия, а настоящим солдатом, защитником своей Родины. После Сталинградской битвы он ушел с минометной ротой, участвовал в освобождении двенадцати крупных городов. Гвардии старшина Виктор Степанович Перфильев был награжден медалями, в том числе и иностранными [2, л. 157–166].

Свое законное место на страницах воспоминаний подполковника В.Е. Ленчевского занимают и «скромные героини»: девушки-связистки, санитарки, разведчицы, которые, не раз проявляя смелость, стойкость духа, решимость наравне с мужчинами встречались с врагом. Именно такими были героини рассказа «Комсомольский дуэт» Нина Кулиничева и Дора Павлова. Благодаря хорошему знанию немецкого языка девушки проникли в тыл противника, работали в офицерском полевом буфете и передавали ценные сведения командованию. Через некоторое время они, воспользовавшись умело разбуженной ими жадностью немецкого офицера, заманили его в ловушку советских разведчи-

ков. Его показания позволили артиллерии нанести значительный урон врагу [2, л. 167–190].

После войны В.Е. Ленчевский большое внимание уделял воспитанию подрастающего поколения, используя для этого опыт, полученный им на войне. Сам и с помощью красных следопытов он разыскивал героев своих произведений. Не случайно, что именно подполковник В.Е. Ленчевский в 1966 г. стал первым начальником городского штаба пионерско-комсомольского Почетного караула Поста № 1 у Вечного огня города-героя Волгограда. Владимир Евгеньевич лично разработал всю документацию, такую как: положение об организации караула, права и обязанности начальника караула, разводящего, часового, регулировщика, проект мемориальной книги, образцы рапортов и др. В статье в газете «Сталинградская правда» за 1967 г. В.Е. Ленчевский так говорит о ребятах, стоявших на посту: «Это те, с кем я готов пойти в разведку, в бой, на выполнение любого самого трудного задания Родины. С ними мне ничего не страшно. В них я уверен. За них я ручаюсь головой. Это – мои однополчане» [1, л. 31]. Владимир Евгеньевич Ленчевский умер 10 ноября 1977 г. в Волгограде, но его неординарная жизнь и жизнь его однополчан сохранены для нас в его книгах и документах, которые позволят более полно оценить значение Великой Отечественной войны для нашей Родины.

Список использованной литературы

1. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 2. Д. 2.
2. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 2. Д. 4.
3. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 2. Д. 12.
4. ГАВО. Ф. Р – 3296. Оп. 2. Д. 18.

УРОКИ МУЖЕСТВА В РАССКАЗАХ П.С. СЕРГЕЕВА

Н.Ю. Новикова

Великая Отечественная война вызвала глубокий патриотический порыв всего советского народа. Он проявился не только

в геройстве на полях сражений, но и в духовном облике народа, в творческом самовыражении деятелей культуры и искусства. Свою особую роль сыграли писатели и поэты, которые боролись с врагом не только силой оружия, но и силой слова. Был среди них и наш земляк Павел Сергеевич Сергеев.

Родился Павел Сергеев в далеком 1909 г. в с. Саломатино Камышинского уезда Саратовской губернии (Волгоградская область) в бедной крестьянской семье. В январе 1925 г. он вступил в ряды РЛКСМ (Российский ленинский коммунистический союз молодежи, в 1926 г. был переименован во Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи). В 1926 г. Павел Сергеевич переехал из родного села в г. Камышин (Волгоградская область). Там он сначала работал на лесопильном заводе, затем перешел в бригаду по ремонту дорог и мостов. Одновременно с этим Павел Сергеев получал образование в средней школе для взрослых. Окончив в 1928 г. учебу в школе г. Камышина, П.С. Сергеев пошел работать заведующим избой-читальней в сл. Николаевской (Волгоградская область). Одновременно с этим он принимал активное участие в проведении сплошной коллективизации, которая проходила в то время в селах и хуторах Заволжья. Осенью Павел Сергеевич успешно сдал вступительные экзамены и поступил учиться в Северо-Кавказский государственный университет (Ростов-на-Дону) на литературный факультет. Окончив его в 1933 г., работал преподавателем рабфака (рабочий факультет). Затем перешел работать в среднюю школу, сначала преподавателем, а после директором. В 1939 г. П.С. Сергеев вступил в члены КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза). В 1941 г. в самом начале Великой Отечественной войны Сергей Павлович был призван в ряды Красной Армии. Воевал в должности командира и политработника. Павел Сергеев участвовал в боевых сражениях с немецкими захватчиками. Позднее, когда он писал рассказы о войне, его воспоминания нашли свое отражение на страницах литературных произведений. Например, в рукописи рассказа «Автоматчик ведет танк» Павел Сергеевич так описывает бой танкистов: «На полном ходу ворвались советские танки в немецкую оборону. Лахута бил из пушки по огневым точкам, Красников, немного приспособив-

шись, сшибал выскакивавших из укрытий немцев... Красников не рассмотрел, а скорее почувствовал, как танк приподнялся на что-то жесткое, прыгнул и еще раз сделал такой же скачек (так в документе), утюжа узорами стальной ленты окопы противника. В прорыв, образованный танком младшего лейтенанта Жукова, хлынули другие машины и пошли вперед» [1, л. 73]. А вот как в рукописи рассказа «Флаг фельдмаршала» П.С. Сергеев описывает бои в Сталинграде в конце января 1943 г.: «К рассвету до сорока крупнокалиберных миномета заняли огневые позиции и направили стволы на укрепленные пункты врага. Скоро мины начали долбить по перекрытиям, рушились стены, верхние части зданий обваливались, давили немцев, загоняя вниз. С каждым минометным залпом слабее становился огонь из тех зданий, которые выпятились над Царицей... Бой не прекращался ни на минуту, в отбитых у врага домах закрепились теперь не только штурмовые группы. Здесь засели целые подразделения противотанковых ружей. Им было дано особое задание: ослеплять врага. Противник имел очень выгодную позицию, занятую в остатках зданий Краснознаменской улицы. В каждом подвале, за метровыми стенами сидели крупные гарнизоны отборных немецких солдат и офицеров по 100–200 человек. Краснознаменская улица, которая шла параллельно Царице, стояла теперь новым рубежом перед бурмаковцами... Обгорелые коробки зданий были превращены в крепости. Из окон верхних этажей строчили автоматчики, пулеметы, из-за стен летели мины. Казалось, что преодолеть сплошную стену огня невозможно, но брать укрепления надо, какими бы они ни были» [1, л. 101].

Еще будучи студентом, а затем став педагогом, Павел Сергеев выступал в газетах и журналах со статьями и рассказами. Не прекратил он свое любимое дело и во время Великой Отечественной войны. Из письма его товарища А.И. Коблина от 12 июня 1944 г.: «Очень рад за тебя, что ты доволен работой... Хотелось бы прослушать твой доклад, ведь мне фактически не пришлось слышать твои большие выступления» [3, л. 2]. В 1945 г. Павел Сергеевич был комиссован из армии по инвалидности. После демобилизации он работал педагогом, а в 1947 г. его утвердили на должность редактора газеты Ольховского (Волгоградская об-

ласть) РК КПСС (районный комитет Коммунистической партии Советского Союза). Павел Сергеев писал не только о Великой Отечественной войне. Ему была очень интересна жизнь детей, их интересы, взаимоотношения между ними, в школе и семье, их дружба. Он писал о детях и для детей. Но не только детям было интересно его творчество. Из письма к Павлу Сергеевичу: «Благодарю за книгу. Прочли с сыном. Особенно – (трижды) заставлял перечитывать “У старого дерева”. Мне же больше понравилась “Гроза в степи” – это интересно и для взрослых» [3, л. 4]. С 1951 г. по 1956 г. П.С. Сергеев работал собственным корреспондентом в «Учительской газете». В 1955 г. вышла его первая книга о детях послевоенного Советского Союза – сборник рассказов «Гроза в степи». В 1956 г. – книга для детей и о детях «Смелые ребята». В 1958 г. был издан сборник рассказов о героях Сталинграда «Последнее донесение». В апреле 1985 г. к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне Павел Сергеевич был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Список использованной литературы

1. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 3. Д. 7.
2. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 3. Д. 9.
3. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 3. Д. 21.

П.С. Сергеев

ТРУДНАЯ ЦЕЛЬ

Устрем не мог сидеть на месте. Как только наступал вечер, он собирался и уходил, а к утру заявлялся в подразделение.

– Бросай, Устрем, свою разведку, – говорили ему товарищи, – переходи к нам в огневой взвод. Будем вместе немцев громить.

Тюлебаев качал головой, не соглашался. Ему были хорошо знакомы развалины цехов завода.

Бывало в разведке Устрем ходил чуть ли не во весь рост, а здесь шагнуть нельзя.

– Если бы в горах или степи, я бы там шел, как по своему двору. А тут шагнуть нельзя! – говорил он заместителю коман-

дира отдельного артиллерийского дивизиона по политчасти товарищу Поляк.

– Правильно, товарищ Тюлебаев, – соглашался капитан. – Тут не разгуляешься: половина цеха у нас, половина у врага. Обстановка сложная, однако завод мы не собираемся уступать врагу ни при каких обстоятельствах. Эти цеха будут могилой для врага. Посмотрите, что скоро будет!

– Я знаю одну цель, товарищ капитан, только опасно ее брать: рядом наши. Я еще не разведал хорошо, сегодня все уточню, а завтра доложу подробнее.

– Что же это у вас, Устрем, за цель? – поинтересовался Поляк.

– О-о-о-о-о! – многозначительно протянул Тюлебаев, прищурив глаза. – Казах тогда добычей хвалится, когда с охоты идет.

Вечером разведчик сидел перед коптилкой и нашивал на локтях толстые ватные подушечки.

– Для чего это ты, Устрем? – спросил связист.

Казах хитро посмотрел на бойца и сказал:

– Ты тигра видал?

– В зверинце видал.

– За лапу с ним здоровался?

– Что ты...

– Лапа у тигра мягкая, когда крадется за добычей, ничуть не слышно.

– А причем тут твои нашивки?

– Чудак! Ведь это только говорится, что в разведку пошел. А я не хожу в разведку, а ползаю. Ползешь-то не по земле, а по бетону. Под локоть камешек, осколок попадает, шуршит, в шишечку давит.

– Хитер! – одобрил его выдумку связист.

Несколько раз Устрем Тюлебаев пытался пробраться как можно ближе, к заводской кочегарке, и ни разу ему не удавалось.

Говорили, что к кочегарке нечего лазить: стоит она на нейтральной зоне, и ни один дурак там сидеть не будет. А вот Тюлебаев был другого мнения. Ему казалось, что немцы за последнее время стали лучше просматривать перед собой местность и больше приносить вреда нашим подразделениям потому, что

где-то устроили новый наблюдательный пункт и с него управляют огнем. По мнению разведчиков, этим пунктом была труба кочегарки.

– Одного не пущу! – заявил командир взвода разведки Устрему, – опасно! Пойдете вдвоем с Мироновым.

– Ой, товарищ командир, это же не казахстанские степи, где гуляй, ходи, куда хочешь.

Тут вдвоем идти тесно: слева камень, справа железо, сверху пули, сбоку мина, над головой горит ракета. Разрешите одному идти.

– Ни в коем случае. Пойдете вместе, дойдете до стены, Миронов останется, при надобности будет на себя врага отвлекать, тебя защищать.

Тюлебаев и Миронов отправились в разведку. Добрались до стены, стоявшей поперек дороги. Здесь уже несколько раз бывал каждый разведчик, а дальше ход знал один Тюлебаев. Оставив товарища, Устрем один полез между сваленных балок, согнутых рельс, придавленных свалившимся набок краном.

Миронов лежал в надежном месте, забравшись под станину. При вспышке ракеты он хорошо видел амбразуры врага и выставленные в них стволы пулеметов. Иногда, барабаня по железу, летели вражеские пули над его головой.

«И чего полез этот неугомонный Устрем? Все равно туда не доберешься», – мысленно укорял товарища разведчик. А Тюлебаев лежит, притаившись. Только на секунду погаснет ослепительный свет ракеты, он снова «шагает» на своих «лапах», как крот в темноте, отыскивая ощупью удобное местечко.

– Кажется, заметили, – прошептал Миронов, – говорил, не ходить дальше. Отрежут огнем, и выручить нельзя будет.

Немцы открыли огонь из автоматов и пулеметов. Но бесстрашный разведчик не отходил назад. Спрятавшись за каменную глыбу, лежит и послушивает, как пули над самым ухом посвистывают. Ждет Миронов, вот-вот вернется его друг, а его нет и нет. Ночь к концу подходит, скоро заря заниматься начнет, а Тюлебаева нет!

«Может, убит, – думает он, – или ранен. Как узнать. Ползти опасно. Буду ждать. Время много уже. Большая Медведица опустила совсем низко свой хвост».

Тюлебаев посматривал на звезды. Пора бы и возвращаться, да результаты разведки еще неясны. Недалеко труба. При сиянии ракеты хорошо видны очертания одинокого великана. Все глаза просмотрел Устрем, не пойдет ли туда откуда-нибудь фриц. Нет! Все мертво. Он решил еще продвинуться вперед, и если ничего не удастся узнать, придется возвращаться назад. Тюлебаев, укрываясь за толстыми железными балками, пополз вперед. Но вот они кончились, впереди не то бетонированная площадка цеха, не то пол разрушенного помещения. Здесь валялись разбитые тачки-одноколески. Чуть вправо от разведчиков куча железа.

Когда сверху глянула вниз лучистая ракета, Устрему показалось, что прутья железа, куски жести, бетонные обломки будто специально стащены сюда кем-то.

– Но для чего оно стащено? – задавал он вопрос, разглядывая перед собой загадочную кучу. Ползти туда было опасно, но теперь разведчик не мог возвратиться назад, пока не узнает все подробно.

Устрем не обращал внимания на стрельбу. У него было одно в голове: как приблизиться к загадочной площадке? Наконец он сообразил. Можно было подобраться с другой стороны. Устрем быстро отполз назад, отыскал новый ход и опять пополз среди развалин.

Наконец он добрался до нужного места, затаил дыхание, прижался плотнее к цементному полу и прислушался. Так он пролежал здесь несколько минут, нигде ни единого подозрительного звука, ни шороха. Надежды рушились. Неужели ошибся? Однажды днем он видел, как что-то мелькнуло в отверстии трубы. – «Немцы», – подумал он тогда. А теперь никаких подтверждений.

Вдруг он услышал чей-то голос, немецкую речь. – Не может быть! Это мне кажется от усталости и напряжения слуха.

Тюлебаев положил руки перед собой, опустил на них голову и немного отдохнул. В это время он отчетливо услышал картавую немецкую речь. Где-то далеко под землей слышались мужские голоса и смех.

«Значит, не ошибся! – обрадовался он. – Здесь у них блиндаж, а на трубе наблюдательный пункт. Ясно, теперь назад!»

Устрем заторопился и тут выдал себя неосторожным движением. Открылся сильный огонь, ярко вспыхнули в небе ракеты. Миронов понял, в чем дело, открыл огонь из автомата, потом бросил гранату, переполз в другое место, бросил еще гранату в амбразуру. Он укрылся от фашистских пуль в надежном месте и продолжал отвлекать врага от Тюлебаева.

Разведчик воспользовался замешательством врага и поспешно уполз от опасного места, задевая то за камень, то за железку. Наконец он за стеной. Здесь можно немного передохнуть, оглядеться. «Где же Миронов? Как бы его не застукали?»

Через несколько минут к нему подполз товарищ, и они поползли к своим. Миронов заметил, что Тюлебаев в правой руке держит автомат и опирается ею, а левая тащится по земле. Через минуту они опустились под обрывистый берег Волги и побежали к блиндажу командира батареи. Храбров уже не спал; наступило утро.

– Товарищ комбат, – докладывал Тюлебаев, – в трубе кочегарки наблюдательный пункт противника, а под трубой целый гарнизон фашистов. Надо всех до одного уничтожить!

– Это точно?

– Как часы, товарищ капитан! Своими ушами слышал их разговор! Только не знаю, о чем говорили, не на казахском языке, – улыбался он, щуря небольшие глаза.

– А откуда кровь? – заметив на полу красные пятна, спросил капитан.

– Рука немножко поцарапана, – спокойно ответил Тюлебаев.

Комбат взял его левую руку, в рукавице было полно крови.

– Да как же поцарапана? – воскликнул он. – Пробита! Быстрее в медпункт! Миронов, немедленно доставьте раненого на перевязку! – приказал командир батареи.

Разведчики ушли, а комбат взволнованный долго еще ходил по землянке, обдумывая данные смелого разведчика.

Днем Тюлебаева вызвал к себе командир дивизиона капитан Качалин. Разведчик стоял перед ним с перевязанной рукой, поддерживаемой ремнем, перекинутым через голову.

– Говорите, в кочегарке немцы, товарищ Тюлебаев?

– Немцы. Там их порядком.

Через дыру, заложенную железом, слышал их разговор.

О том, что кочегарка имеет большое подземное помещение, неоднократно говорили бойцы. Верил данным разведчика командир дивизиона, но сомневался в другом:

– Рядом-то наши, товарищ Тюлебаев? Как же стрелять по врагу?

– Снайперы найдутся и среди артиллеристов.

– Я со своей батареей беру на себя выполнение этой задачи, – заявил Храбров. – Дайте только приказ, и кочегарки сегодня же не будет?

– Далеко, не попадете, надо без промаха стрелять-то?

– Будьте уверены, товарищ командир, первыми снарядами трубу снесем! – с гордостью за своих артиллеристов сказал комбат.

Качалин подумал, глянул на замполита и спросил:

– Борис Семенович, каково ваше мнение?

– Я верю Устрему. Он разведчик надежный, – ответил он. По лицу молодого казаха пробежала сдержанная улыбка. Ему больше ничего не надо было, кроме веры в его честную службу разведчика.

Пушкари у нас народ бывалый: не промахнутся.

– Так и быть! – воскликнул командир дивизиона. – Приготовьте данные, товарищ Храбров, потом зайдите ко мне, посмотрим!

Хотя расчет артиллерийского огня был подготовлен командиром батареи быстро, но в этот день стрелять не разрешили. Качалин приказал командиру батареи вместе с огневиками как следует изучить цель и тогда только решиться на сложное дело.

Несколько раз комбат Храбров выходил с Тюлебаевым из землянки. И взгляд их был направлен в сторону трубы со сбитым верхом.

Иногда командиру батареи самому казалось, что непосильную задачу взял на себя.

Наконец наступил долгожданный час. Солнце ярко освещало красный столб трубы. Сотни глаз наблюдали за целью. И вдруг как-то неожиданно раздался взрыв. На командном пункте раздался звонок телефона. Храбров схватил трубку.

– Верх трубы сбили, кирпичи летят. Своих чуть не задело.

Выпустили еще три крупных снаряда по трубе. Тюлебаев услышал тревожный разговор, забеспокоился, но когда рассеялся дым, он увидел, что трубы кочегарки не было. Он легко вздохнул.

Многим казалось, что никаких немцев не было в этой трубе. Разведчик, мол, выдумал, а артиллеристы «ахнули» и чуть не снесли головы своим.

Обиднее всего было слышать об этом Устрему. Много раз он ходил в разведку, приносил данные и никогда не сомневался в них. И вдруг такой разговор.

Но вскоре пришла к Устрему радость: немцев окружили и били со всех сторон. Били их и бойцы 92-й отдельной бригады, в которой служил бесстрашный разведчик Тюлебаев. Скоро вся территория завода «Красный Октябрь» была очищена от немецких захватчиков. Вот тогда-то и побывали артиллеристы, разведчики и пехотинцы в кочегарке. Тюлебаев неторопливо шагал впереди. Вот перевернутая тачка, куски угля, цементный пол. Но нет уже кучи железа. Все провалилось вместе с крышей убежища, рухнула и труба, придавив тяжестью засевших в кочегарке фашистов.

– Твоя правда! – говорили Тюлебаеву бойцы. – И артиллеристы, молодцы, стреляли точно!..

Замполит дивизиона вместе с командирами и бойцами заглянули вниз. Под развалинами трубы они насчитали погребенными более шестидесяти немецких трупов.

– Молодец, Устрем! – сказал замполит, хлопая казаха по плечу. – Недаром твою грудь украшает орден Красной Звезды!

Опубликовано: Сергеев П.С. Последнее донесение: Рассказы об участниках Сталинградской битвы. – Сталинград: Сталинградское книжное издательство, 1958. – С. 62–68.

М.А. ЛОБАЧЕВ. ЗОЛОТАЯ РОССЫПЬ

Е.Ю. Моисеева

Михаил Андреевич Лобачев родился 4 (16) ноября 1899 г. в с. Смышляевка Кузоватовского района Ульяновской области в крестьянской семье. В 1911 г. он оканчивает сельскую земскую школу с отличием. После, проработав три года в наемных работниках, в 1914 г. поступает в Карлинскую второклассную учительскую школу и, окончив ее в 1917 г., получает звание учителя школы грамоты. Осенью 1917 г. М. Лобачев поступает в Пензенскую учительскую семинарию во 2-й класс. В 1919 г., после 3-го класса семинарии, он призывается в ряды Красной Армии, где его принимают в члены РКП(б).

После службы в армии М. Лобачев участвует в боях под населенными пунктами: Боксары, Зайцево, Ишим, Курган, Лебяжье, Мало-Кривинское, Монастырское, Петухово, Решетово, а также в предгорьях Алтая (разгром вооруженной банды Плотникова в составе 26-го кавалерийского полка). Осенью 1922 г., после демобилизации, он возвращается в г. Пензу и поступает на работу руководителем в школу-коммуну. Затем Михаил Андреевич работает в г. Мокшане Пензенской губернии в уездном комитете РКП(б) в должности заместителя заведующего агитпропом. В начале 1924 г. он назначается заведующим уездным отделом народного образования, в апреле 1928 г. избирается секретарем, а затем председателем Уездного исполкома. В начале августа его перебрасывают в г. Пензу, где он работает в качестве заведующего гороно и заместителя заведующего окроно. Летом 1929 г. М. Лобачев поступает в Московскую академию коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской и в 1931 г., окончив организационно-инспекторский факультет, направляется решением Секретариата ЦК ВКП(б) на работу в издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия» заместителем заведующего. Через год он направляется на заведывание сектором культуры и просвещения во вновь созданное издательство «Партиздат». В марте 1934 г., после ликвидации партийных издательств, М. Лобачев направлен в Сталинград, где его вскоре назначают заведующим школьным

отделом краевого отдела народного образования. Здесь Михаил Андреевич, попав под обвинение в том, что он «мало уволил из школы подозрительных учителей» [1, л. 6], чуть было не стал жертвой политических репрессий, активно проходящих на тот момент в советском государстве. По прошествии этих событий его посылают работать в Сталинградское областное книгоиздательство редактором художественной и детской литературы, где скоро он становится главным редактором и через несколько месяцев – директором. В этой должности он проработал 5 лет.

Михаил Андреевич является непосредственным участником Сталинградской битвы. Во время обороны Сталинграда, по поручению партии, он служит политруком на строительстве оборонительного рубежа (Шишкино – Иловля – Качалино). Там же организовывает и редактирует газету «Строитель». В самом Сталинграде пишет тексты листовок, выпускает военные плакаты, брошюры на тему обороны. Позже за участие в Великой Отечественной войне Михаил Андреевич будет награжден медалями «За оборону Сталинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Осенью 1943 г. Михаил Андреевич просит обком партии отпустить его на творческую работу, во время которой он создает роман «Дорогой отцов». При этом до мая 1948 г. он оставался инструктором-консультантом кабинета печати, а затем окончательно был отпущен. К этому времени у него выходит уже три книги: повесть «Ольга Викторова» (1939), сборник рассказов «Моя страна» (1943), сборник очерков и рассказов «Простые люди» (1948). В эти же годы он работает над романом «Дорогой отцов», который издается в 1954 г. и где Михаил Андреевич отражает события Сталинградской битвы, участником которой являлся сам. Вот как пишет сам автор об этом труде: «Труд, вложенный в этот роман, ничем не измерить. Такое можно поднять только раз в жизни. События – всемирно-исторического значения; материал – безграничен; накал чувств, мыслей, страстей и волнений – неисчерпаем; усилия партии, народа – беспредельны; мужество, стойкость, героизм и вера в свою победу наших воинов беспримерны. Уже с первого замысла я сказал себе, что на большое полотно у меня не хватит сил, “бери частную задачу”. Но любая частная задача не снимает

и не отменяет величайшего размаха событий, разыгравшихся под стенами Сталинграда. Куда уйдешь от них? Показывай творца этих событий – коммуниста, бойца, офицера, генерала, партийного работника, рабочего человека. Давай картину битвы во всех ее сложнейших обстоятельствах, со всеми атрибутами, в самой жесткой кровавой форме, а на переднем плане – человек! Наш советский простой человек!» [1, л. 9, 10]. Этот роман занял особое место в сердце автора. В августе 1949 г. М.А. Лобачев был избран ответственным секретарем Сталинградского отделения Союза Советских писателей и работал там до сентября 1954 г., после чего стал заниматься только литературным трудом.

Михаил Андреевич был женат, имел троих детей: двоих сыновей и дочку. Несмотря на короткую, по его словам, творческую биографию, «к искусству тянулся всей душой. С детства читал любую книгу... До самозабвения любил природу... Первые стихи и первые рассказы написал в возрасте 25 лет» [1, л. 9]. Как повествует о себе Михаил Андреевич, он всегда вел активную общественную жизнь, партийную и пропагандистскую работу, помогая устанавливать советскую власть в новом государстве. В своих воспоминаниях он одновременно сожалеет и гордится: «Начал писать поздно, так сложилась моя общественная судьба, на которую нисколько не жалуюсь, напротив, доволен, что зеленым необученным юнцом с оружием в руках довелось бороться за Советскую власть» [1, л. 9].

Рассказы «Агроном-новатор», «Лесовод», «Молодой конструктор», «Подарок», пьесы «Горе и гнев» и «Золотая россыпь», романы «В Сталинграде» и «Дорогой отцов», повести «Ленька» и «Ольга Викторова», – во всех своих произведениях Михаил Андреевич Лобачев описывал историю Царицына – Сталинграда – Волгограда на примерах судеб людей, живших и работавших в этом городе. Читателю, интересующемуся историей Царицына, будет особо интересна «Повесть о прошлом» о событиях гражданской войны и главном герое повести – Якове Ермане, построенная на воспоминаниях его соратника и очевидца событий тех лет. Тема Сталинградской битвы ярко отображена в романах «В Сталинграде» и «Дорогой отцов», пьесе «Горе и гнев». Михаил Андреевич Лобачев ушел из жизни 14 октября 1981 г.

Он остался в памяти людей как писатель, активный и деятельный защитник идей советской идеологии, истинный патриот. Михаил Андреевич был широко известен в кругах начинающих литераторов, когда редактировал для альманаха «Литературный Сталинград» произведения В. Балабина, В. Дроботова, М. Луконина, Ю. Окунева, Н. Отрады и многих других молодых поэтов и прозаиков.

«Золотая россыпь» – это не только название одного из его произведений. Это сокровище повествований о людских судьбах, которое оставил после себя Михаил Андреевич Лобачев. Документы М.А. Лобачева, прозаика, члена Союза писателей СССР, впервые были описаны Волгоградским областным Государственным архивом в 1963 г. В настоящее время его фонд насчитывает 30 единиц хранения за 1935–1962 гг. и представлен романом «Дорогой отцов», повестью «Ольга Викторова», пьесой «Золотая россыпь», рассказом «Колхозный вожак», очерками «Металлурги», материалами о Волго-Донском канале, рецензиями и отзывами на произведения других авторов, стенограммой обсуждения романа «В Сталинграде», перепиской с рецензентами, писателями, читателями, автобиографией, удостоверениями, поздравительными и пригласительными телеграммами, фотографиями М.А. Лобачева и другими материалами.

Список использованной литературы

1. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 4. Д. 29.

ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОЗАИКА И.Я. ЕГОРОВА

И.С. Петрова

Волгоградские читатели 1950–1960-х гг. хорошо знали книги, статьи и фельетоны писателя Ивана Егорова. Он был одним из старейших прозаиков нашего города. Читателей его произведений привлекало в них умение автора проникать в суть общественных явлений, отбирать наиболее типичные из них, и расска-

зывать о них просто и доходчиво. У И. Чилима (таков псевдоним писателя) богатый язык, точные характеристики и портреты героев. Произведениям прозаика свойственен юмор – по-крестьянски с лукавинкой и хитринкой. К числу работ Ивана Яковлевича относятся повести «Море Сарматское» (1946), «Именная земля» (1947), Ярлычок» (1958), «Левадинцы» (1961), «Крутая громадка» (1965), романы «Третий эшелон» (1949), «Узорчатая рама» (1955) и др.

Иван Яковлевич Егоров родился 12 (25) мая 1900 г. в с. Быковы хутора Быковской волости Царевского уезда Астраханской губернии в семье крестьянина. В 1918 г. он окончил с отличием курс наук в Астраханской школе садоводства, виноградарства и огородничества [6, л. 3]. Сначала Иван Яковлевич работал агрономом. Затем, в 1920–1950-е гг. трудился журналистом в периодических изданиях: в 1922–1927 гг. в газете «Борьба» (Царицын), в 1927–1930 гг. в газете «Уральский рабочий» (Свердловск), в 1930–1932 гг. в газете «Поволжская правда» (Саратов), в 1932–1935 гг. в газете «Молот» (Ростов-на-Дону), в 1935–1936 гг. в газете «Большевистская правда» (Пятигорск), в 1937–1950-е гг. в газете «Ставропольская правда» (Ставрополь) и «Сталинградская правда» (Сталинград), в 1954–1959 гг. в издании «Литературная газета» (Москва) [1]. Его первый роман «Буйные травы» был издан в 1938 г. в журнале «Красная новь» и выдержал восемь изданий. 21 октября 1942 г. Иван Яковлевич вступил в члены Союза писателей СССР – одним из первых из ставропольских писателей [7, л. 32]. В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. он работал в редакции газеты «Ставропольская правда». В послевоенные годы продолжал писать. И.Я. Егоров был награжден медалью «За освоение целинных земель» [6, л. 3]. Умер писатель 3 апреля 1971 г. в Волгограде. Тема Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. также нашла отражение в творчестве писателя, который продолжал свою журналистскую работу в эти годы. Особенно значительными произведениями Ивана Яковлевича Егорова, посвященными войне, являются повесть «Роза – дочь Алана» и роман «Третий эшелон», которые были написаны им уже в мирное время и отражали события, происходящие в Ставропольском крае в первой

половине 1940-х гг. В 1940-е гг. И.Я. Егоровым было написано и опубликовано огромное количество фельетонов. В одном из них 26 апреля 1944 г. «Киреич и его актив» И. Чилим писал: «...Киреич угонял от немцев 130 голов крупного рогатого скота. Люди удивлялись:

– Куда ты, старый? Немцы уже на сто километров вперед прошли.

– Прошли, тем же ладом их назад пропрут, а я им не попадусь.

Враг хозяйничал в крае уже месяцами. А Киреич гнал колхозный скот, гнал так осторожно и хитро, что в самом деле не видел ни одного немца...», а 2 августа 1944 г. в фельетоне «О коне» он повествовал: «...На фронтах Великой Отечественной войны с огромной теплотой отзываются о конях, выращенных колхозами нашего края. Кони эти несут всадников к окончательной победе над врагом. Нельзя допустить, чтобы в тылу у нас произошла столь некрасивая заминка с конем...» [2, л. 1, 24].

В 1946 г. И.Я. Егоров принял участие в конкурсе детской книги в Москве с повестью «Роза – дочь Алана», получившей поощрительную премию. Она повествует о кратковременной оккупации Ставропольского края фашистскими захватчиками. Немецкий танк догнал толпу эвакуирующихся мирных людей и начал расстреливать их из пулемета и давить гусеницами. Спасшаяся чудом женщина-еврейка Роза с дочерью Лией находят приют в доме осетинца Алана в совхозе «Советский виноградарь», где бесчинствуют немцы. Прежде всего, эта книга о дружбе и братстве народов, показывающая жизнь и людей такими, какие они есть [5, л. 13].

После окончания войны им был также написан роман «Третий эшелон», который рассказывает о событиях в 1942–1944 гг. в Ставрополье, где делается акцент на «кормильцев и поильцев фронта», «невоенных людей», которые не покладая рук трудились на полях, фабриках, заводах. Именно их автор и называл «третьим эшелоном». В центре внимания романа группа колхозников из колхоза «Партизан», а также жителей города, командированных на полевые работы в колхоз и граждан, эвакуированных на Северный Кавказ из Ленинграда и Украины. Сюжет

романа условно разделен на три части: первая часть посвящена уборке урожая и продвижению немцев на Кавказ, воспоминаниям председателя колхоза Лобачева о Гражданской войне, вторая часть повествует о партизанской борьбе колхозников и эвакуации колхоза, в третьей части писатель останавливается восстановлении разрушенного немцами колхозного хозяйства. В романе «Третий эшелон» И.Я. Егоров писал: «...Конники не повели врага в дальнюю степную глушь, напротив, сами они врезались в живое мясо немецких скоплений и пролагали свои извилистые пути внутри “Листовского кулака”, как хвастливо именовали немцы свою кавказскую группировку. Кулак разжался у Моздока, обрубаемые, окровавленные пальцы его падали один за другим. Конники били “африканцев”, били сброшенных с гор альпийских стрелков, растерявших свое замысловатое, много лет приготовлявшееся имущество, били пугливых и говорливых итальянцев, били румын, мадьяр, били унылых финских инструкторов, которые так и не успели обучить своих хозяев лыжной езде...» [2, л. 20]. В 1948 г. писатель Аркадий Первенцев так отзывался о романе: «...Вы тронули интересную тему – крестьянский тыл в дни войны. Это то самое, казалось бы, что вожделело врага. Силы колхозного крестьянства в годину испытаний раскрыты хорошо. По-моему, это первый широкий роман на этом материале...» [4, л. 5]. А в одном из писем автору читатели написали: «...Ваши романы “Буйные травы” и “Третий эшелон” дают яркие и правдивые картины жизни советского колхозного крестьянства в мирные годы и годы Великой Отечественной войны... Ваши замечательные фельетоны метко разили бюрократов, чинуш и других типов, отошедших и бесславно уходящих в прошлое. Ваши повести “Именная земля”, “Роза – дочь Алана”, “Море Сарматское” и волнующие циклы рассказов “Узорчатая рама”, “Ярлычок” и другие хорошо приняты читателями, покорили их сердца своей гуманностью и оптимизмом. Книги Ваши не лежат на полках магазинов и библиотек мертвым грузом, а постоянно читаются...» [5, л. 11–12].

В Государственном архиве Волгоградской области сохранились документы писателя за 1929–1964 гг. в количестве 12 дел. Они представлены автобиографией, почетными грамота-

ми, членскими и пригласительными билетами, удостоверениями, мандатами, вырезками из газет с публикациями И.Я. Егорова, рецензиями на его произведения, договорами на издание романа «Третий эшелон» и повести «Море Сарматское», постановлением жюри за книгу «Роза – дочь Алана», перепиской с читателями, редакциями журналов и газет, отделением Союза писателей и фото писателя. Наиболее информативными являются документы о периоде Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: вырезки из газет; рецензии; переписка. Эти документы отразили художественное представление писателя послевоенных лет о военном прошлом нашей страны.

Список использованной литературы

1. Петрова И.С. Судьба прозаика Ивана Яковлевича Егорова (к 115-летнему юбилею со дня рождения) // Грани культуры. – 2015. – Май.
2. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 14. Д. 1.
3. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 14. Д. 4.
4. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 14. Д. 5.
5. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 14. Д. 7.
6. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 14. Д. 8.
7. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 14. Д. 9.
8. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 14. Д. 12.

И.Я. Егоров

ГВАРДЕЙЦЫ

Под кустами лесозащитной полосы, вблизи заснеженной дороги завтракают два путника – отец, старый солдат, и его пятнадцатилетний сын. Долго едят не переговариваясь. Потом сын вскидывает на отца веселые глаза и ударяет себя ладонью по колену.

– А здорово все-таки получилось. Никак мы тебя не ждали до конца войны, а ты – бац и пришел!

– Порядок. Мне после второго ранения отпуск полагался, а куда пойдешь, коли тут у вас – немцы? Выписался раньше срока в свою часть. Там говорят: Ладно, Павлыч, иди в нестроевые по ремонтной части, а как твою Ставропольщину освободят, мы

тебя на побывку пустим. И пустили бы. Да делов по горло. Часть наша – гвардейская. Как пошли наступать, какой тут отпуск?.. Значит, еще два года повоевал. Прошли всю Румынию, уже и Венгрию дорабатываем. Тут старшина и надоумил: Чего ж ты, Гладышев, домой-то не съездишь? Думал, шутит, ан и вправду отпустили. Еду, а у самого на душе не больно хорошо, нагляделся на Румынию, думаю, может, и у нас дома теперь так же вот вша на блохе катается, масляну справляет...

– Ты уж скажешь. Писал же я тебе, как живем.

– Ты-то мне писал, а все думалось: оно, дите, хоть и пишет, а само-то и не разумеет, чего пишет... Да ты не обижайся, это я тебя оттуда, с фронта, детенышем считал. А как побывал дома, вижу, какой ты у меня гвардеец – на четыреста двенадцать трудодней. У меня у самого до войны столько не было.

Они поднялись, завязывают тяжелые мешки с харчами.

– Хватит до Будапешта, только изомнется в дороге, особенно что посдобнее.

Боец взваливает оба мешка на себя.

– А ты, Митя, я так думаю, иди домой, чтобы засветло в Спасовку попасть. Там ночуй, дальше не ходи, утром иди не рано, попутчиков ищи, а то, вишь, больно нынче много волчьих следов до степи.

– Ну и что? – нахмурив брови, спросил паренек.

– Знаю, что ты у меня не трус, как есть гвардеец. А опасностью не пренебрегай. Гвардеец обязан учитывать опасность и ничего не делать зря... Да. Вот и побывал в отпуску. Семь ден, как одна минута: Стало-быть, кланяйся матери, сынок, отрапортуй что доставил солдата почти до самого Благодарного, а на поезд он, мол, и сам сядет. Поклон всем!

Они расстались тепло и по-мужски строго, без нежностей.

Солдат идет заканчивать войну. Обмундирование на нем старое, кое-где чиненое. Но сидит оно ладно на этом рослом степенном человеке.

Он подсаживается в наши сани и высчитывает.

– За одиннадцать ден надо доехать в Венгрию. Придется не зевать.

– А если опоздаешь – строгое будет взыскание?

– Не опоздаю. Да и речь не о взыскании. Работы там у нас много, – ремонтники мы под передовой, по кузнечной части, и по слесарной, и по сварке. Война крушит и свое и трофейное, а мы сейчас же все чиним, куем, варим и опять в дело пускаем. День и ночь, день и ночь...

Не торопясь, со всеми подробностями он рассказывал, какое на войне огромное ремонтное хозяйство. Кузнец-гвардеец знал его досконально и гордился им. Какие там подобрались замечательные мастера! И порядок замечательный. При любом движении у каждого свое место, свое дело.

В поезде он продолжал неторопливый рассказ о своей гвардейской части. Верилось, он возвращается туда с радостью, – больно уж ребята там подобрались хорошие.

Он вжился, втянулся в войну. Он лежал в окопах, отступал, был в окружении, дрался врукопашную. Теперь чинит тягачи, пушки, бронетранспортеры.

– Что же ты, Павлыч, все про фронт рассказываешь, а про дом молчишь? В отпуску ведь был. Или плохо встретили в Новосельцах?

Он заулыбался, раскуривая самокрутку.

– Встретили, брат, меня, дома по-генеральски. Не говоря уж про пищевое довольствие и что к нему полагается. А в общем масштабе скажу – наша страна это тебе не другая какая-нибудь. Порядок!

– Какой же порядок? Ты вон больше тридцати километров пешком прошел – не на чем подъехать...

– Это для нас – семечки. Случилось – подвезли, не случилось – и так пройду. Я и по тысяче километров хаживал, не слинял. Порядок, говорю, у нас непорушенный, советский колхозный порядок. В колхозе не хуже, как в нашей гвардейской ремчасти. Материальная-то часть, конечно, слабее, чем у нас, тут и говорить не приходится. А работа – гвардейская. Ты, может, встретил на дороге парнишку в заячьей шапке? Это мой парень. Так вот, – имеет он больше четырехсот трудодней. И полное политическое развитие. У нас, говорит, папаня, тут тоже фронт, идем, говорит, в наступление. А в уборочную штурм был, с нас мыло, говорит, хлопьями падает, а мы штурмуем... Вот какой народ! У жены побольше трехсот трудодней, а у всей семьи – ты-

сяча сто тридцать два трудодня. И хлебушко есть, и курочки, и кабанчика премиального кормят. Семья солдатская – не сиротская, ни от кого ей нет притеснения. Порядок... По старому времени взять, так сын мой теперь где-нибудь в чужих людях подпаском, либо погонычем горевался бы. А он у меня, гляди, на красной доске перед всем селом красуется. И написано: «Гвардейцы тыла». И там от второй бригады – Дмитрий Гладышев. Вся наша вторая бригада – настоящая гвардия. Я так и сказал на собрании: считаю вторую бригаду гвардейской!

Поезд замедлил ход. Из окна виднелись большие склады, заполненные зерном. Зерно лежало и на открытых площадках под брезентами. Вороха кукурузы. Фронтовик посмотрел в окно и закивал головой с видимым удовлетворением.

– Есть хлебушко. Можно воевать. Порядок...

Хозяйский глаз фронтовика смотрел широко и без мелочной придирчивости видел то, что делает тыл прочным, надежным, успокаивающим. Домашнее, семейное, общественное, государственное стоит перед его глазами в одном неразрывном ряду, как нечто единое, цельное, определяемое одним коротким к значительным словом: порядок! Он-то, старый колхозник, знает, как достается хлеб в условиях войны, когда материальная часть колхозов, конечно, послабее, чем ремонтная часть в гвардейском подразделении. Знает он, что с его семьи осенью «мыло хлопьями падало», не в каком-либо переносном, а в буквальном смысле. А все-таки, по 13 центнеров взяли с гектара вкруговую.

– Тринадцать, товарищ Гладышев, это по прошлому году немного. Вон, в «Первом Октябре» – за Расшеваткой неподалеку, по девятнадцать с половиной центнеров озимки взяли с гектара. Там работали покрепче, чем в Новосельцах. Некоторые бригады почти у самой Кубани работали. Летом – зной, искупаться хочется, а на реку сбегать минуты нет, из ведра около бочки брызгались. Там средняя выработка по колхозам – триста тридцать трудодней на человека.

– Вот-вот! – обрадованно подтвердил Гладышев. – И хочешь искупаться, да не искупаешься. А у нас в наступлении – не хочешь купаться, а раз водный рубеж, – купайся! Война не спрашивает,

чего хочешь, чего не хочешь, а делай, чего надо, и все, и никто тебя с копытков не собьет. Был у нас случай под Яссами...

За дорогу боец Гладышев рассказал много случаев из фронтовой жизни, из жизни ремонтников, в которой нет романтических подвигов, зато бывает много неимоверно трудных положений, много тяжкой и упорной круглосуточной работы, требующей напряжения всех физических сил. Гладышев едет, чтобы продолжать эту работу. Едет с полным спокойствием в душе, потому что дома, в тылу, тоже работают, не щадя сил. И дело идет. Хлебушко есть. Можно воевать. Дорабатываем Венгрию. Доработаем Германию. Много еще работы. Но идет она хорошо. Порядок!

Опубликовано: Чилим И. Гвардейцы // Ставропольская правда [1945. Февраль]. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 14. Д. 1. Л. 23.

ВОЙНА СТАЛА ЧАСТЬЮ МОЕЙ БИОГРАФИИ: СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ П.И. СЕЛЕЗНЕВА

И.С. Петрова

В одном из своих интервью на вопрос: «Какое событие или случай из детства вы особенно запомнили?» – Петр Иванович ответил: «Войну. Но это не событие и не случай. Это трагедия моего поколения. Война стала неотделимой частью биографии миллионов людей и моей – тоже... Как писатель я, если можно так выразиться, вышел из войны. Взяться за перо заставил меня невыносимо тяжкий груз пережитых военных лет. Никому не пожелаю вот такой “исходной позиции”. Видите, как долго отвечаю на первый вопрос. Потому что он в моей жизни – главный. Из-за непроходящей вины перед павшими солдатами, перед моими сверстниками – воевали они или нет, но которые ушли из жизни, не познав ее...» [3, л. 12].

А судьба Петра Ивановича Селезнева началась 6 сентября 1925 г. в старокупеческом посаде Дубовке. Новорожденным его увезли в с. Новоникольское Сталинградской губернии. Именно

поэтому своим уроженцем его считают жители и г. Дубовки, и с. Новоникольского. В раннем детстве Петр вместе с родителями переехал в Сталинград. В эти годы Петр Иванович пристрастился к чтению: читал «Мальчиша-Кибальчиша», сказки А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, Майна Рида и Фенимора Купера. В школьные годы упивался приключенческой литературой. В учебе легко давалась словесность, а тяжело – математика и физика. Увлекался он и рисованием, посещал школьную изостудию, пробовал писать маслом. Работы будущего писателя выставлялись, он прошел отбор в художественное училище Сталинграда, но по совету отца поступил в фельдшерскую школу. Свидетельство об ее окончании Петр получил за месяц до подхода немцев к Сталинграду. Потом оказалось, что эта медицинская специальность не дала ему погибнуть в военное лихолетье. Первый день войны, по воспоминаниям Петра Ивановича, «...выдался ветреным, жарким, на Волге тревожно гудели пароходы. Радио гремело военными маршами, голоса дикторов звучали взволнованно. Левитан говорил угрожающе, а в подъезде стоял женский плач: всеобщая мобилизация...» [4, с. 584]. Петр Иванович прошел лагеря, но вернулся с войны живым. После войны Петр Селезнев некоторое время жил в Сталинграде, а к зиме перебрался в х. Хлебный (территория Иловлинского района Волгоградской области, в настоящее время не существует). Свои первые книги он написал в г. Дубовке, в которой прожил с 1948 г. по 1968 г. Там П.И. Селезнев работал в санэпидемстанции помощником врача-эпидемиолога. В этот период он много писал в районную газету. Печататься П.И. Селезнев начал с 1951 г. в «Литературном альманахе», публикуя свои рассказы, а в 1955 г. появилась его первая повесть «Начало пути», которая в 1957 г. вышла отдельной книгой. Свои книги он писал на материале, который видел, бродя по улицам, записывая рассказы современников, уточняя сведения в архивах. Он считал, что для написания книги в ее материале надо «жить», собрать материал для литературного произведения, даже исторического, невозможно. В 1968 г. Петр Иванович переехал в Волгоград, продолжая заниматься литературным трудом. В эти годы были изданы его самые известные произведения «Крах» (1969),

«Южный крест» (1974), «Гололед» (1983), «Боль» (1993) и др. П.И. Селезнев являлся лауреатом Всероссийской литературной премии «Сталинград» в 1997 г. и награжден знаком «Отличник здравоохранения СССР». Умер писатель 23 мая 2003 г.

Личный фонд писателя хранится в Государственном архиве Волгоградской области, представленный ретроспективной документной информацией за 1954–2003 гг. Это рукописи и изданные экземпляры романов, повестей, рассказов и других произведений П.И. Селезнева, рецензии, договоры с издательствами, протоколы читательских конференций, тексты интервью, статьи о творчестве, переписка и фото писателя. Наиболее значительные произведения писателя о Великой Отечественной войне представлены романами «Боль», «За колючей проволокой», «Южный крест», очерком-эссе «Запоздалые откровения», Гражданская война отражена на страницах романа «Крах», которые сохранились и в рукописях, и в печатных вариантах, подробно рассматривались в рецензиях, статьях и переписке, сохранившейся в архиве. Произведения писателя П.И. Селезнева интересны не только своим художественным словом, но и описываемыми историческими событиями, фактами, деталями, эмоциональными настроениями героев, характеристиками людей периода войн.

Список использованной литературы

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в документах личного происхождения (по материалам держателей личных фондов ГКУВО «ГАВО»): виртуальная выставка архивных документов [Электрон. ресурс] // Государственный архив Волгоградской области. URL: http://volga.rusarchives.ru/arh/seleznev.htm (Дата обращения: 03.06.2016).

2. Петрова И.С. Я устал от войны...: К 90-летию со дня рождения П.И. Селезнева // Грани культуры. – 2015. – Сентябрь.

3. Селезнев П.И. Сочинения: В 4 т. – Волгоград: Государственное учреждение «Издатель», 2002. Т. 4. – 704 с.

4. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 20. Д. 23.

5. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 20. Д. 29.

П. Селезнев

МАКЕЕВА ВЫСОТА

Федор тяжело шагал по горячей пыльной дороге. Солнце, раскаленное добела, висело над самой головой, а кругом в дрожащем текучем мареве застыла опаленная зноем степь. Изредка проносились грузовики. После них над изъезженной дорогой долго висела желтая пыль.

Точно также было тогда...

Части отступали за Северный Донец вот по этой дороге. В клубах пыли двигались машины, тягачи, пушки. Изнуренная беспрерывными боями, шла пехота. Шел и Федор. Он, как и другие, перестал обращать внимание на предостерегающий крик «воздух!», не бежал в сторону от дороги даже тогда, когда немецкие штурмовики поливали колонну свинцом из пулеметов; его уже не пугали крики раненых и умирающих, потому что сам он жил, как в бреду, короткими опустошенными минутами и ждал – если не сейчас, то очень скоро упадет замертво. Но жизни не было жалко. Страх пропал. Осталась лютая ненависть.

Вдали показалась белесоватая ленточка реки. Кажется, в этом месте пулеметную роту остановили и отвели на длинный плоский курган, изрытый мелкими окопчиками. Вот он... Сердце застучало тяжело и часто. Неужто – он? И Федор свернул с дороги.

Помнил Федор... Людей напоили теплой водой, выдали пшенные концентраты. Бойцы жадно пили, некоторые жевали сухое пшено, многие втыкались в землю и тут же засыпали. Молоденький лейтенант, который принял роту три дня назад, прошел но окопам, хрипло повторяя: «Приказано стоять... Назад – ни шагу. Приказано стоять...». Федор удивился, что кто-то кому-то приказывает, удивился сам себе, когда, превозмогая страшную усталость и апатию, стал бросать лопаткой землю, углубляя окоп.

Часа через полтора завязался бой. Он длился всю ночь, весь следующий день и опять ночь. Огромный мир сузился, сделался маленьким и жутким: грохотали взрывы, в хриплом говоре торопились пулеметы, в яростных атаках накатывались,

валились и опять приближались немцы. Красноармейцы молча дрались и молча умирали. Никто не приказывал, никто не командовал. Собственно, командовать было некому: командир роты был убит в самом начале боя, не осталось в живых ни одного взводного. Пулеметная рота истекала кровью, дралась с молчаливым ожесточением.

Потом все провалилось в бездонную черную пропасть. Когда Федор пришел в себя, было тихо. Бой гремел в стороне, у реки. Ползком пролез всю позицию. Живых не было. Волоча раненые ноги, Федор пополз по направлению Северного Донца.

Много утекло воды с тех пор, много было пройдено дорог. Многое забылось... Но бой на безымянной высоте врезался в намята намертво, на всю жизнь. И вот сейчас восемнадцать лет спустя, Федор шел знакомыми местами... Вот она, высота, небольшая, горбоватая, поросшая бурьянами.

Федор снял рюкзак, тылом ладони вытер потный лоб. Скажи пожалуйста, окопы – целы. Вон пулеметное гнездо, а вон еще... Валяются изъеденные ржавчиной каски, обломки противотанкового ружья... А метрах в пятидесяти – груда железа, останки немецкого танка.

Федор глядел и не верил собственным глазам: уцелело...

С трех сторон, почти вплотную подступала рожь, и было ясно, что пахари совсем не случайно оставляют нетронутым этот клочок земли, усеянный ржавыми обломками.

Федор вдруг почувствовал, как тяжело ему стоять. Присел на пологий край затравевшего окопа и уткнулся головой в колени. Сидел долго. Словно живых, видел он боевых товарищей, которых растерял за четыре года войны. Были люди и – нет их. По городам и селам, в степи, при дорогах стоят каменные памятники погибшим солдатам... А сколько людей погибло безвестными, в безвестных боях, как на этой высоте!

Сердце Федора больно сжалось.

В одном из окопов увидел окурки, порожнюю водочную бутылку... С сердцем подумал: «Нашли место...»

Перед вечером, когда солнце свалилось, в степи повеяло прохладой, а старые окопы ясно обозначились густой синеватой тенью, Федор увидел четверых парней. Они шли не спеша, здо-

ровенные, празднично одетые. «Вот они, выпивохи», – с раздражением подумал Федор.

Парни подошли сторонкой. Как показалось Федору, неприветливо поглядели в его сторону и уселись на краю окопчика. Все четверо были острижены наголо и странно похожи один на другого. Закурили, о чем-то поговорили. Потом поднялись и направились к Федору. Поздоровались.

– Не здешний? – спросил один. – Так... Заметно. Вот что, дядя... у нас в этом месте шапку полагается снимать. Потому что земля эта пополам с кровью. Пахать не смеем, – и строго спросил: – Ясно?

Федор стащил с головы фуражку. Непослушной дрожащей рукой никак не мог вынуть из кармана портсигар. Наконец сунул в рот папироску, жадно глотнул табачного дыма.

Парни присели рядом.

– Издалека? — спросил другой.

– Из-под Курска. Приехал вот на этот бугор... А вы что же, прогуливаетесь?

– Да как сказать... Мы завтра на службу уходим. Посидим вот, поговорим... Так уж ведется у нас в Заречном. Возвращаются ребята домой и в первую очередь сюда, на Макееву высоту.

В груди у Федора захолонуло. Медленно поворачивая голову, поочередно оглядел своих собеседников, спросил тихо:

– Это почему же Макеева?

– По фамилии сержанта... Он один остался жив на этой высоте.

– Значит, Макеев?.. – хлебнув жесткого воздуха, осипло спросил Федор.

– Ну да, Макеев, – пояснил парень. – В селе знали, что один остался в живых... После войны куда только не писали!.. И место боя, и точное время, и разные там приметы указывали... Два года разыскивали. Наконец выяснили. Вот... и назвали. Конечно, постановления никакого не было. Так просто: Макеева да Макеева высота.

– Это я, Макеев... – выговорил Федор. – Я...

– Парни уставились на него с изумлением. Один сказал:

– Врешь ты, дядя.

Федор вздохнул. И – улыбнулся.

– Ну, ведите в село, что ли... – сказал он. – Не в степи же мне ночевать.

Впятером они шли полным бездорожьем и молчали. В душе Федора, рядом с большой горделивой радостью притаились недоумение и горечь. Мысленно отыскивал причину этого чувства, и наконец нашел: товарищи. Погибшие товарищи... Значит, никто не знает их, высоту назвали именем живого...

И то, что радовало минуту назад, сейчас сделалось неприятным, даже мучительным.

Вошли в село. Один из парней указал на большой, крытый железом дом, сказал:

– Вот они, твои товарищи. Федор, думая о своем, проследил за рукой парня... Увидел схваченный закатным полымем окна... Но что это? Шагнул к дому. Остановился... Неужели?.. Спотыкаясь, подошел... В лучах заката белый мрамор был розовым. И по нем – золотые буквы...

«Третьего июня 1942 г. у села Заречного, защищая переправу через Северный Донец, насмерть стояла пулеметная рота...».

Воздух сделался густым и тяжелым. Дышать стало нечем.

«Лейтенант Абросимов Иван Степанович. Старшина Крутой... Рядовой Ломидзе... Степаненко, Сергеев, Булавин...».

Перед глазами Федора стояли живые люди.

Розовый в закате мрамор и золотые буквы... Золотые имена. Боевые товарищи и друзья, чистые и твердые, как этот мрамор...

Оказывается, люди помнят!.. Каждого.

Федор опустился на колени. По загрубелым щекам медленно ползли скупые мужские слезы.

Подходили люди, молча снимали шапки. Четверо дюжих парней, которые наутро уходили в армию, стояли прямо, руки по швам, безмолвные и суровые. Они поименно знали героев Макеевой высоты и были готовы повторить их подвиг, если получат боевой приказ.

Опубликовано в газете «Путь к коммунизму» [1961. Февраль.] // ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 20. Д. 23. Л. 23.

ЖИЗНЬ КАК АВАНТЮРНЫЙ РОМАН. М.М. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

Н.Ю. Новикова

В Государственном архиве Волгоградской области в коллекции документов деятелей литературы и искусства находятся на хранении документальные материалы писателя и журналиста Михаила Михайловича Туган-Барановского. В одном из своих дневников в самом начале Великой Отечественной войны Михаил Михайлович написал: «Самое тяжелое для человека – сознание, что вся жизнь прожита впустую. Что все напрасно, что тебя не уважают и тебе плюют в душу» [3]. Свою жизнь М.М. Туган-Барановский прожил не напрасно. Читатель его знает как автора ряда произведений: романов «Предрассветные сумерки» и «Огни не гаснут», повести «Ветры в степи», пьесы «Бравый солдат Швейк», фронтовых рассказов и других. Впрочем, обо всем по порядку.

08 (21) ноября 1902 г. в Киеве (Украина) в семье, происходившей из древнего дворянского рода литовских татар, Туган-Барановских родился мальчик. Назвали его Михаилом. Его отец Михаил Иванович был выдающимся российским ученым-экономистом, профессором Санкт-Петербургского университета. За участие в политической демонстрации в 1886 г. он был выслан из Петербурга. Поэтому свое детство маленький Миша провел в Полтавской губернии (Полтавская область, Украина) в имении матери. В 1913 г. семья Туган-Барановских вернулась в Санкт-Петербург. Как вспоминает сам Михаил Михайлович: «Рос я типичным профессорским сынком из либеральной среды, а потому с восторгом встретил февральскую революцию и испугался Октября» [4, 6]. А вот как он описывает в своих воспоминаниях события 25 октября (7 ноября) 1917 г.: «На Дворцовой площади войска. Войск все больше и больше. Безукоризненно печатая шаг, подходят юнкера. Шинели с иголочки, выправка образцовая... Юнкера не готовились к атаке, наоборот они входили во дворец, они собирались обороняться. Они как бы объявляли Зимний, причем объявляли заранее, осажденной крепос-

тью...Часа два я разгуливал по Дворцу и наблюдал. Наблюдения были неутешительными. Защитники дворца то митинговали, то переговаривались. Чувствовалось, они не уверены в своих силах. Правда, перед дворцом была создана своего рода баррикада из дров, но и солдаты, стоящие за баррикадой, чувствовали себя неуверенно... Утром город уже целиком принадлежал советской власти. По улицам ходили патрули, ходила толпа, торжествующая, рабочая. И толпа и патрули были не “наши”, не мои. Толпа и патрули враждебно смотрели на таких, как я» [1, л. 67–70].

В 1917 г. его отец Михаил Иванович стал министром финансов Центральной Рады в Киеве, преподавал в Киевском университете. Он был одним из основателей Украинской академии наук. В январе 1919 г. его направили во главе финансовой миссии Украинской директории в Париж, но по дороге в Одессу 9 января 1919 г. М.И. Туган-Барановский скоропостижно скончался. Его жена и дети эмигрировали за границу.

Первое время семья Туган-Барановских жила в Белграде (Сербия). Сначала Михаил Михайлович устроился на работу в пароходное общество контролером. А осенью поступил в 8-й класс русско-сербской гимназии. В 1921 г., окончив гимназию, М.М. Туган-Барановский поступил в Белградский университет. Будучи студентом, Михаил вел активную революционную деятельность. Он вступил в ряды революционно-демократического молодежного объединения и стал редактором нелегального журнала «Предрассветные сумерки». Вот как об этом в своей рукописи «Встречи» вспоминает сам Михаил Михайлович: «Журнал перепечатывался на пишущей машинке в нескольких экземплярах и был сброшюрован в виде общей тетрадки. Статей в нем было семь или восемь резко антимонархических, заканчивающихся призывом к объединению всех демократически настроенных студентов. В статьях говорилось о подвигах декабристов и народовольцев, а также о том, что сейчас мы должны изгнать черносотенцев из студенческого союза. Было в журнале и окно сатиры» [1, л. 143].

Осенью 1922 г. Михаил Михайлович получив приглашение на обучение из института сельскохозяйственной кооперации, переехал жить в Прагу (Чехия), где и продолжил работу в сту-

денческих организациях и учебу в университете. Но ему «не везло с учебой» [1, л. 172]. Вначале он поступил в кооперативный институт, затем перевелся в русский юридический факультет, а после поступил на Чешский юридический факультет Карловского университета. Одновременно с этим Михаил участвовал в создании ОСЭОВЕ (Объединение студенческих эмигрантских организаций востока Европы), он стал одним из его руководителей и редактором журнала «Свободный Восток». Закончив обучение и получив диплом юриста, М.М. Туган-Барановский снова переезжает. На этот раз в Париж (Франция). Там он сначала вступил во французскую комсомольскую организацию, а затем в нелегальную русскую секцию Французской коммунистической партии. Для подпольной работы среди русских эмигрантов ими был создан Союз русских рабочих. Однако летом 1926 г. французская полиция узнала о революционной деятельности Михаила и 27 июля 1926 г. он был выслан парижским префектом из Франции.

Получив пропуск от полномочного представительства СССР, М.М. Туган-Барановский с почетом вернулся на Родину. Поначалу Михаил Михайлович жил в Харькове и работал корреспондентом в Украинском радиокомитете. Тогда же, в 1927 г. он написал и опубликовал свои две первые книги: повесть «За чертой» и сборник «Рассказы без названия». В 1928 г. Михаил Туган-Барановский начал работу над сборником очерков «2001 день от Одессы до Риги», однако дело с изданием очерков затянулось, и он перешел на журналистику, бросив заниматься литературой.

В 1929 г. М.М. Туган-Барановский переехал жить в Москву. Там он по 1935 г. работал корреспондентом в таких изданиях, как: «Общество Потребителей» и «Социалистическое земледелие».

В 1936 г. Михаил Михайлович переехал в Ленинград и по 1937 г. работал корреспондентом в «Красной газете». В 1938–1939 гг. он сменил место работы: перешел в «Белгоскино» начальником сценарного отдела.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Михаила Туган-Барановского застала в Ташкенте (Узбекистан). Там он работал на Узбекской киностудии начальником сценарного отдела.

В 1942 г. Михаил Михайлович был призван в ряды Красной Армии. Во время Сталинградской битвы М.М. Туган-Барановский был переводчиком в полковой разведке, а затем до конца войны военным корреспондентом. В своем рассказе «От Волги к Донцу» он писал: «Сейчас, когда полтора десятка лет отделяют нас от великой Сталинградской битвы, когда история уже сделала свои выводы об этом великом, незабываемом событии, решившем не только судьбу войны, но и судьбу германского фашизма, особенно много хочется рассказать о рядовых участниках сражения. Когда я вспоминаю свой первый бой с немцами, невольно перед моими глазами возникают образы этих самоотверженных патриотов, этих настоящих народных героев... Не случайно политработники говорили: “Где-где, а под Сталинградом легко агитировать”. Святая правда. Волжская твердыня не случайно остановила немцев, ее защитники были воодушевлены одним порывом, отбить, уничтожить врага... Было бы наивно предполагать, что 62-я армия генерала Чуйкова, несмотря на героизм своих солдат, могла бы сдержать напор немцев, если бы ей активно не помогали соседи. И мы помогали, каждую атаку на Чуйкова мы старались предотвратить своими контратаками. Так прошел месяц, но прошел в непрерывных сражениях, не знающих себе равных, были и потом горячие битвы, даже более мощные, по своей огневой силе, как это, например, имело место на Курской дуге, но таких длительных, и по своему времени продолжительно напряженных, я за всю войну не упомню» [2, л. 27–48].

После взятия Берлина по 1946 г. он работал спецкором (специальный корреспондент) в газете «Теглихе Рундшау» (Германия). Затем с 1946 г. и по 1947 г. его перевели на должность спецкора в Информбюро СВАГа (Советская военная администрация в Германии). За время двухлетней работы в Германии Михаил Михайлович собирал материалы для своей новой книги о первых днях послевоенной Германии «Начало дружбы». Она была издана в 1956 г. С 1947 г. и по 1949 г. М.М. Туган-Барановский жил и работал в Вильнюсе (Литва) начальником управления по производству фильмов в Министерстве кинематографии Литовской ССР. В 1950 г. он переехал жить в Сталинград и по 1956 г. работал корреспондентом в «Сталинградской правде». В 1957 г.

были опубликованы воспоминания разведчика Владимира Линчевского «80 дней в огне», литературно записанные Михаилом Михайловичем. А в 1959 г. был издан роман М. Туган-Барановского «Предрассветные сумерки» о событиях последних дней самодержавия в России и февральской революции. В 1962 г. вышел в свет сборник рассказов Михаила Михайловича «Счастье», а в 1964 г. роман «Огни не гаснут». До конца своей жизни он продолжал писать статьи и фельетоны в газеты. В 1985 г. к 40-летию Победы М.М. Туган-Барановский был награжден Орденом Отечественной войны II степени.

В 1986 г. Михаил Михайлович Туган-Барановский закончил свой жизненный путь. Он прожил долгую и насыщенную переломными событиями жизнь. Порой она напоминает авантюрный, полный приключений роман. Однако все события находят свое документальное подтверждение, в том числе и в хранящейся в Государственном архиве Волгоградской области ретроспективной документной информации.

Список использованной литературы

1. ГАВО. Ф.Р – 6534. Оп. 5. Д. 22.
2. ГАВО. Ф.Р – 6534. Оп. 5. Д. 29.
3. ГАВО. Ф.Р – 6534. Оп. 5. Д. 54.
4. ГАВО. Ф.Р – 6534. Оп. 5. Д. 71.

М.М. Туган-Барановский

ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ

Петру Горкину, или Пете, как звали его в роте связи за детский рост и наивно удивленные глаза, не везло. Не в любви, конечно. В задонской вьюжной степи не до романов. Не везло в ложках: он их то и дело терял.

Впрочем, первая утрата особых бед не причинила: ротный повар одолжил запасную. Когда же и эта куда-то исчезла, дело приняло неприятный оборот. На передовой посудных магазинов нет, а одалживать ложки у товарищей – горе. Попробуй, похлебай во вторую очередь: то замерзнет суп, то раздастся команда «стройся». Зима свирепствовала, полк наступал. Но счастье

улыбается даже невезучим, и во время ночлега бабушка подарила солдату ложку.

Отнесясь к делу серьезно и основательно, поразмыслив, Горкин пришил к голенищу правого сапога карманчик, в котором хранил свою драгоценность. И... снова хоть плачь. Петина обувь, героически выдержавшая тысячекилометровый путь по фронтовым дорогам, в основном представляла теперь лишь историческую ценность. Начальник вещевого довольствия полка, учтя это, выдал Пете новенькие, яркие до самоварного блеска сапоги. Забыв о ложке, солдат переобулся, когда же он вспомнил о ней, начальник вещевого довольствия, нагрузив машину старьем, уже укатил на восток.

Петя никому не проговорился: лучше по-китайски палочками есть кашу и по-собачьи лакать суп, чем стать посмешищем. Парень измытарился, по ночам ему снились одни ложки, притом всякие: из нержавеющей и ржавеющей стали, деревянные и оловянные.

Вскоре тайну узнали товарищи. Удачный бой – и они завоевали ему ложку, притом удивительную, с неведомо зачем прикрепленной к ней цепочкой.

– Бери. Прикуй ее к поясу, авось не потеряешь, – поучали друзья.

Петя рассыпался в благодарностях и цепочку использовал по назначению. Увы, в бою под Карповкой рядом разорвалась мина, один из ее осколков продырявил ложку.

– Залепи хлебом, – порекомендовали друзья. Петя последовал совету. Не помогло. В борще хлеб расползался, и выходило почти как в сказке: по губам текло, в рот не попадало.

После боя у Городища Петя меня окликнул. Глаза его светились.

– Достал, – заговорщически сообщил он.

– Что?

– Ясно, ложку. Эсесовца застрелил, в его ранце и обнаружил.

– Что еще было в ранце?

– Чепуха всякая. Серебряный кофейник, брошки и медальоны какие-то. Хочешь – посмотри. Ранец валяется в кустах.

Смотреть я не пошел, а Пете позавидовал. Говоря по секрету, вчера куда-то запропастилась и моя ложка.

Опубликовано: Туган-Барановский М.М. Счастье: Сб. рассказов. – Волгоград: Волгоградское книжное издательство, 1962. – С. 48–49.

ПИСАТЕЛЬ И ДРАМАТУРГ В.Г. ЧЕХОВ О ПАТРИОТИЗМЕ [4]

З.П. Тинина

Виктор Григорьевич Чехов (20.11.1901 – 29.07.1988) как писатель был известен стране с 40-х гг. прошлого столетия. С 1950–1960-х гг. его знали в Сталинграде – Волгограде как драматурга, произведения которого воплощались на сценах театров города последние тридцать шесть лет его жизни (1952–1988).

Участник Великой Отечественной войны Виктор Григорьевич Чехов оставил нам в наследство не только романы и повести, но многие архивные материалы, отразившие его работу агитатора, журналиста, воспитателя послевоенного поколения. Его миссия воспитателя прослеживается и в письмах адресантов, и в его статьях из газет, и в очерках, и в литературно-художественной композиции, и в докладе, составленном для прочтения перед депутатами Сталинградского городского совета и гостями Ковентри, а также в отрывках второго тома романа «На правом фланге» «Разведчики» [23].

Родился будущий писатель в слободе Кантемировка Воронежской губернии в семье учителя музыки. Семья Чеховых жила скромно. Виктор уже подростком еще до начала Великой Отечественной войны был и рабочим, и счетоводом, и рентгенотехником [2, 4]. По ночам, после работы он создавал первые свои прозаические вирши. Публиковаться Виктор начал с 22 лет. В 1937 г. его приняли в члены Союза писателей СССР [11, 16, 17, 19].

[4] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект «Социокультурный аспект жанровых особенностей народного фольклора Сталинградской битвы» № 16-11-34002.

Среди писем читателей романа «На правом фланге» в архиве хранится письмо 1943 г. участника войны Н.К. Бабича (г. Киев). Оно является красноречивым свидетельством высокой оценки произведения писателя в деле патриотического воспитания молодежи. Адресант пишет: «Твое творение – важное вложение в сокровищницу, в дело воспитания молодого поколения в духе советского патриотизма и преданности русской земле» [28, л. 6].

В этой цитате следует обратить внимание на разделяющий союз «и» между «советским патриотизмом» и «преданностью русской земле». Вероятно, автор не считал, как и было принято в советское время нашей страны, эти два словосочетания идентичными. Действительно, страна представляла собой союз многих народов, земель и автономных республик. Объединяющей силой Союза была бескорыстная преданность каждого советского человека независимо от национальности, общей Родине под названием СССР и единственной партии. Первое словосочетание определяет безоговорочную преданность всему Советскому Союзу и всем народам, населявшим его, а второе – принадлежность автора данного эпистолярного источника к русскому народу.

В архиве немало писем, высоко оценивающих творчество Виктора Чехова в сфере патриотизма. Приведем в качестве примера еще несколько из них. В письме киевлянина В.Г. Мартынова от 29 декабря 1949 г., написано: «Книга мне очень понравилась, ну а к недостаткам можно отнести то, что почти у всех персонажей родители отсутствуют» [28, л. 8–9]. В письме участника войны И.Д. Зуева (г. Куйбышев) от 11 января 1950 г. прозвучала следующая оценка книги: «Книга написана просто, доходчиво, и мне кажется, это одна из первых книг, в которой так хорошо отражены пограничники и партизаны Севера» [28, л. 10]. В отзыве на книгу одной из вдов участника Великой Отечественной войны, датированном 19 февраля 1949 г., написано: «У меня муж, будучи командиром, погиб во время Отечественной войны... Осталась дочь 10 лет... Читая строки Вашего романа, представляю его в бою со своими бойцами, и уверена в том, что он с честью отдал свою жизнь, ибо он писал: “Если погибну, то воспитай дочь, преданную Родине и партии”» [24, л. 16]. В.И. Мартынов, видимо однофамилец (г. Ижевск) в письме от

28 октября 1949 г., при чтении романа вспомнил свои суровые дни 1941 г.: «В то время даже лето мне запомнилось каким-то суровым и осенне-хмурым... мы подростки бегали на вокзал и провожали эшелоны воинских поездов, уходивших на фронт» [24, л. 2]. Комсомолец (г. Петрозаводск) Николай Воробьев в отзыве от 14 января 1950 г. выразил восторг от романа: «Когда я прочитал эту книгу, то во мне поднялся дух. Если надо мстить, то буду мстить врагу, как мстили за свою родину Марин, Петр Шохин, Зубинов... др. товарищи» [24, л. 11]. Студентка Воронежского государственного университета Лидия Леденкова в письме от 16 сентября 1950 г. написала: «Читая книгу, меня охватывает гордость за наших храбрых пограничников» [24, л. 21]. Ученик седьмого класса Володя Алешин дал свою оценку книге: «Мне она очень понравилась... Эту книгу я посоветовал прочитать моим родителям и друзьям. Все ее прочли, и у них осталось хорошее впечатление» [24, л. 37].

По датировке и авторской принадлежности писем адресантов можно их условно разделить на две группы. Первую группу составили письма непосредственных защитников от фашизма общей Родины. Они были отправлены раньше или в год издания романа. Вторую группу писем составили отзывы не воевавших на передовой советских граждан. Они были отправлены в год выпуска романа или позже. Список эпистолярного жанра первой группы больше напоминает рецензии повидавших виды участников войны на рукопись романа. Они носят оценочный характер. Вторая группа писем адресована благодарными юными читателями и вдовами участников войны уже опубликованной книги. Эти письма также носят оценочный характер, но в отличие от предыдущей группы их авторы считают себя преемниками и наследниками боевой славы старшего поколения защитников Родины. Иначе говоря, письма второй группы адресантов отразили непосредственное, сильное влияние романа В.Г. Чехова в духе советского патриотизма, поскольку его суть воспринята читателями как руководство к действию.

В связи с компанией разоблачения культа личности и вопреки народному признанию книг В.Г. Чехова, его творчество подверглось серьезной ревизии в статье А. Хайлова [18, с. 16].

Союзное значение писателя несколько поблекло, но он остался верным своему творчеству и предназначению в патриотическом воспитании молодежи до конца жизни [10, 11, 16, 17, 19].

В документах В.Г. Чехова хранится архивное дело под названием: «Конспект лекции, прочитанной В. Чеховым на семинаре агитаторов отдельных частей войск НКВД Московского гарнизона» [5]. Уже в названии дела прослеживается синтез теоретической и практической формы обучения, допускаемый именно в агитационно-массовой, просветительской деятельности [1, 6, 15]. В деле находится всего один документ в машинописном исполнении в жанре литературно-художественной композиции с характерным названием: «Использование художественной литературы, очерков и корреспонденции писателей-фронтовиков в работе агитатора». Объем документа составляет 9 страниц текста с рукописными поправками [26, л. 2]. В структурном отношении текст разделен на три части: вступительную, основную, заключительную, что характеризует его как монологический текст лектора на заданную тему. Вступительная часть заняла половину первой страницы и начинается с обращения И.В. Сталина «к красноармейцам, командирам, политработникам, к партизанам и партизанкам». Цитата взята из приказа главы государства от 7 ноября 1942 г., где Верховный Главнокомандующий обращается к населению с просьбой своим упорством и стойкостью защитить родную землю от «гитлеровских захватчиков» [26, л. 2].

Любопытно, что цитата данного обращения зачеркнута простым графитным карандашом четырьмя косыми и двумя горизонтальными линиями, но вполне читабельна. Для сравнения, дальше по тексту композиции две другие однотипные цитаты из речей И.В. Сталина не зачеркнуты. О подобном феномене использования выдержек из выступлений первого лица в государстве того времени сегодня можно только догадываться. Вместе с тем без перечеркнутой цитаты нарушается логика структуры агитационного текста В.Г. Чехова.

За первой цитатой, как и за другими двумя выдержками от первого лица, следуют развернутые примеры автора композиции, подтверждающие необходимость проявления народом особого героизма в защите Родины от фашизма. После первого отрывка

из приказа генералиссимуса автор текста объяснил причины его выступления перед агитаторами: «Наша страна живет мыслью о фронте. Слушая сводки Совинформбюро, читая газеты», люди могут задаваться рядом вопросов, на которые агитатор должен уметь давать «ясный исчерпывающий ответ», насыщенный «живыми, интересными и понятными примерами... Многие агитаторы жалуются на отсутствие такого материала» [26, л. 2].

Иначе говоря, В.Г. Чехов намерен восполнить лакуну в работе агитаторов военного времени и «наглядно показать, как можно агитатору проводить беседы, иллюстрируя их художественными отрывками... о фронтовой борьбе, о стойкости, мужестве наших воинов, преодолевающих трудности... о ненависти к врагу и любви к Родине, рождающих героизм» [26, л. 2].

Со слов И.В. Сталина начинается и основная часть композиции: «Идет гигантская битва нашей Красной Армии против немецко-фашистских захватчиков. Битва, определяющая судьбу нашей Родины, определяющая <...> быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение?» [26, л. 2]. На слова вождя звучит как бы ответный глас народа в виде цитат из прозы и стихов военных корреспондентов Сталинградской битвы. Первым народным трибуном стал прозаик, поэт и публицист И.Г. Эренбург с отрывком из статьи «Свет в блиндаже»: «Мы знаем, сколько мы потеряли. Это знают и немцы. Они увидели наших бойцов, воодушевленных такой ненавистью, таким гневом, что перед ними отступают танки» [26, л. 3]. Вторым гласом народным стал военный корреспондент газеты 3-го Белорусского фронта «Красноармейская правда» Морис Слободской со стихотворным призывом «Зверье», написанным в канун Сталинградской битвы:

Раздается хриплый, злобный вой звериный,
По Европе тянется след кровавый, длинный...
Пусть же это будет их предсмертный вой,
Пусть зверье проклятое платит головой.
Вытравим заразу, истребим зверей, –
Бей фашистов насмерть!
Бей!

[25, л. 3].

Пролетарский писатель А. Исбах с очерком «Сын партизана» стал третьим глашатаем от народа с призывом «бить фашистов» [6, 12]. В очерке показано преступление нацистского лейтенанта, которого писатель лишил имени, но выделил на лице характерные холодные «фарфоровые глаза». Он сжигал избу с людьми: «Рухнули стропила горящей избы. Вдруг из огня выскочил мальчик. Одежда на нем горела. В руках он держал большой белый сверток». Нацист оценил поступок мальчика приказом облить его водой. Одновременно он отнял у него сверток с маленькой сестренкой и бросил его обратно в огонь. А. Исбах усилил это бесчеловечное зверство, описав радость фашиста по поводу своего преступления. Нацист радовался своему детоубийству как удавшейся шутке. Мальчика по имени Гриша переполнял священный гнев в его адрес. Он всадил нож в спину веселившегося фашиста. Тот замертво «упал на землю, уткнувшись головой в горящие головешки... Солдаты... открыли стрельбу, но женщины стали непроходимой стеной между солдатами и мальчиком. Когда немцы пробили себе дорогу, Гриша... уже подбегал к опушке большого леса» [12; 26, л. 4].

Отрывок из очерка писателя А. Исбаха взял В.Г. Чехов в свою композицию, как, впрочем, и все остальные примеры из военной литературы, намеренно. В данном случае в этом отрывке показан героизм не только сына партизана, уничтожившего фашиста, но и народа в лице безымянных женщин, которые, не задумываясь о собственной гибели, закрыли своими телами от расстрела Гришу.

Четвертым народным трибуном стал фронтовой корреспондент К.М. Симонов с двумя своими произведениями. Составитель композиции сначала поместил его стих-плакат «Убей его!», опубликованный на следующий день после начала Сталинградской битвы в газете «Красная звезда» [8; 13; 21, с. 327–330; 26, л. 4–5].

Затем В.Г. Чехов процитировал отрывок из очерка К.М. Симонова «Дни и ночи», написанного по свежим впечатлениям от боев за Сталинград и опубликованного 24 сентября 1942 г. [14]. В отрывке показан солдат Петр Болото в момент, когда он рассказывал о подбитых им немецких танках (15) под Сталинграда-

дом. К.М. Симонов описал простого солдата смущающимся, неловко вспоминающим, как он вначале испугался этих танков: «Когда на меня первый танк шел, я уже думал – конец света наступил, ей-Богу. А потом ближе танк подошел – и загорелся, и уже вышел не мне, а ему конец» [23, л. 5–6].

Пронзительные и образные эпизоды героических фронтовых будней были взяты автором композиции из очерка другого военного корреспондента В.С. Гроссмана «Направление главного удара» [2, 4]. В этих буднях все было героическим и «работа поваров, чистивших под сжигающим огнем термитных снарядов картошку, и работа девушек-санитарок», и машинистки штаба «краснощекой сибирячки Клавы Копыловой», написавшей боевой приказ в экстремальных боевых условиях [26, л. 6].

После нарастающего патриотического накала составитель композиции предложил пример антигероя из «Писем к товарищу. О жизни и смерти» писателя, сценариста Б.Л. Горбатова, опубликованных в газете «Правда» в 1942 г. [3]. В «Письмах» показана бесславная судьба презренного труса Антона Проклятого с «душой зайца и сердцем хорька», убитого и лежавшего одиноко в бурьяне, приняв вместо «собачьей жизни собачью смерть» [26, л. 7]. За бесславной кончиной Антона Проклятого следует рассказ о героической смерти Николая Большакова в одноименном очерке двух писателей и журналистов военных лет П.А. Павленко, Б.Р. Изакова [5]. Сравнивая поведение героя и антигероя перед лицом смерти, автор без комментариев оставил право выбора за своими слушателями, умереть смертью героя, или «собачьей смертью» труса.

Завершен текст композиции третьей цитатой из выступления И.В. Сталина на Красной площади 7 ноября 1941 г. и стихотворным призывом к защите Родины.

Запомни, товарищ, в бою и разведке,
На всех перепутьях священной войны –
С тобою, товарищ, великие предки,
Бессмертные люди, бессмертной страны...
И Невского клич, неумолчный и громкий,
Скликает на бой исполинскую рать:
«Умейте стоять за Россию, потомки,

Как мы за Россию умели стоять!»...
И наши заставы, пикеты, дозоры,
Полки, проходящие с боем вперед,
Обходит в ночи полководец Суворов,
И за сердце нас его слово берет
[12; 26, л. 9].

Таким образом, литературно-художественная композиция В.Г. Чехова, составленная из работ военных корреспондентов времен Сталинградской битвы, насыщена идеей патриотического воспитания, в данном случае военных агитаторов. Кроме того, она свидетельствует и о патриотизме самого автора в его подборе агитационного материала. Такая композиция не могла оставить равнодушными своих слушателей и была ярким примером высококачественной работы агитаторов среди солдат и мирного населения страны во время Великой Отечественной войны.

После войны В.Г. Чехов продолжал развивать героико-патриотическую тематику как в журналистике, так и в качестве общественного деятеля. Его статья «Наша молодежь» в газете «Молодой большевик» от 21 декабря 1950 г. является тому свидетельством. В ней проанализирован альбом школьного кружка железнодорожной школы № 11 г. Медвежьегорска (Республика Карелия СССР): «Это своеобразный альманах, в котором помещены очерки, стихи и даже пьеса... через все произведения юных авторов красной нитью проходит любовь к Родине» [25, л. 1].

Иначе говоря, В.Г. Чехов подчеркивает, что чувство любви к Родине является основой патриотического воспитания, что именно его надо воспитывать в молодом поколении. Без любви к своей Родине даже способный к самопожертвованию человек не станет жертвовать ради нее своей жизнью и благополучием.

В качестве общественного деятеля В.Г. Чехов внес весомую лепту в укрепление содружества городов-побратимов Сталинграда и Ковентри. Об этом свидетельствует доклад в объеме 3 листов в машинописном исполнении для делегатов XV сессии городского Совета депутатов трудящихся города Сталинграда и гостей из Ковентри в 1954 г. [27]. В этом году совещание городов-побратимов состоялось в Сталинграде не случайно. 1 марта 1954 г. США испытали водородную бомбу мощностью в 15 ме-

гатонн на атоллах Бикини и Эниветок (Маршалловы Острова) в Тихом океане. Бикини был разрушен, а территория островов подверглась радиоактивному заражению. Смертельно опасные забавы Гарри Трумэна и других политиков мира всколыхнули общественное международное движение против различных ядерных технологий. Отсюда и риторика докладчика созвучна с этой международной проблематикой. В докладе он вспоминает об атомных взрывах в Хиросиме и Нагасаки, бесчеловечных последствиях этих взрывов: «Уничтожены старики, женщины, дети – во имя чего? – задает риторический вопрос писатель и продолжает, – перед всем прогрессивным человечеством встала задача добиться, чтобы эти взрывы атомных бомб были первыми и последними» [27, л. 1]. Далее в доклад встроен текст заявления Советского правительства от 21 декабря 1953 г.: «...человечество должно и может быть избавлено от ужасов атомной войны. Особая ответственность в решении этой задачи ложится на те государства, которые уже обладают мощью атомного оружия. Что касается Советского Союза, то его позиция заключается в том, чтобы обратить великие открытия человеческого разума не против цивилизации, а на ее всесторонний прогресс» [27, л. 2]. В заключении В.Г. Чехов произнес обнадеживающие слова: «Наши враги, злобствуя, клевещут на нас... но правда о Советском Союзе, о его культурно-созидательной жизни все глубже проникает в народы капиталистических стран... у нас все больше и больше друзей. Как яркий пример этому дружба между городами Ковентри и Сталинградом, между народами Англии и Советского Союза» [27, л. 3].

Идея автора этого документа о заслоне развитию и распространению ядерного оружия путем укрепления содружества, мирного сотрудничества городов и государств между собой созвучна с современным очень не спокойным миром, отвечает традиционным задачам внешней политики Российской Федерации сегодня.

Итак, архив Виктора Григорьевича Чехова, доставшийся нам в наследство, интересен жанровым многообразием документов, разноплановыми и разнохарактерными источниками. Они отличаются эмоциональным накалом, составлены в жанре сти-

хов-плакатов военного времени. Эпистолярный жанр, журналистика военных корреспондентов, официальные государственные документы времен боев за Сталинград и за другие территории нашей страны в Великую Отечественную войну отразили отношение к этой войне самого В.Г. Чехова и советского народа в целом. Их патриотическая направленность и сегодня злободневна, не утратила актуальности в деле патриотического воспитания современной молодежи.

Список использованной литературы

1. Базанов В. Возмутители. Рецензия // Литературный современник. – 1940. – № 2.

2. Баландин Ю., Кухарь Н.В. Образ защитника Сталинграда в очерке В. Гроссмана «Направление главного удара» [Электрон. ресурс] // Sibac.info. URL: http://sibac.info/shcoolconf/science/xvi/ (Дата обращения: 09.04.2016).

3. Горбатов Б.Л. Письма к товарищу. О жизни и смерти [Электронный ресурс] // Центральная библиотека имени В.В. Верещагина. URL: http://www.cherkray.ru/7page=intresingname&record=730 (Дата обращения: 14.04.2016).

4. Гроссман В.С. Направление главного удара // Память Сталинграда: Антология художественных произведений о Сталинградской битве: В 3 т. Т. 2. – 2-е изд. с изм. – Волгоград: Управление печати и информации, 1993.

5. Изаков Борис [Электрон. ресурс] // Книжный портал «iHaveBook». URL: http://www.ihavebook.org/authors/90449/izakov-boris.html (Дата обращения: 14.04.2016).

6. Исбах А. Сын партизана. – Чкалов: Книжное издательство, 1942.

7. Лазутина Г.В. Технология и методика журналистского творчества. – М.: Изд-во МГУ, 1988.

8. Ортенберг Давид. Год 1942: Рассказ-хроника / Предисл. Л. Лазарева. – М.: Политиздат, 1988.

9. Пельт В.Д. Дифференциация жанров газетной публицистики. – М.: Изд-во МГУ, 1984.

10. Прокурова Н.С. К проблеме документа и факта в литературе о Сталинграде // Вестник ВолГУ. – Сер. 8. Вып. 3. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003–2004.

11. Прокурова Н.С. Подвиг Сталинграда в жизни и литературе. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2010.

12. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь: В 3 т. / Под ред. Н.Н. Скатова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Т. 3. П–Я.

13. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. – М.: Изд-во Агентства печати «Новости», 1988.

14. Симонов К.М. Очерк «Дни и ночи» [Электрон. ресурс] // Библиотекарь.Ру. URL: http://www.bibliotekar.ru/informburo/56.htm (Дата обращения: 07.04.2016).

15. Слово о газетных жанрах. – М.: Б. и., 1976.

16. Тинина З.П. Литературно-художественная композиция В.Г. Чехова как исторический источник по Сталинградской битве // Образование и наука в России и за рубежом. – 2016. – № 3. – С. 3–8.

17. Тинина З.П. Особенности патриотизма в «Народном архиве» писателя В.Г. Чехова // Научно-периодическое издание «CETERISPARIBUS». – 2016. – № 6. – С. 11–16.

18. Хайлов А. Удачи и просчеты // На рубеже. – 1956. – № 3.

19. Чехов В.Г. Возмутители. – Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1971.

20. Чехов В.Г. На правом фланге [Электрон. ресурс] // General-Ehttp://www.general-ebooks.com/books. URL: http://www.general-ehttp://www.general-ebooks.com/books.com/book/1838438-на-правом-фланге (Дата обращения: 31.03.2016).

21. Чехов Виктор Григорьевич [Электрон. ресурс] // Электронная библиотека RuLit. URL: http://www.rulit.me/authors/chehov-viktor-grigorevich (Дата обращения: 31.03.2016).

22. Шошин В.А. Симонов Константин (Кирилл) Михайлович // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Биобиблиографический словарь: В 3 т. / Под ред. Н.Н. Скатова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. Т. 3. П – Я.

23. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 7. Д. 3.

24. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 7. Д. 24.

25. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 7. Д. 36.

26. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 7. Д. 77.

27. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 7. Д. 82.

28. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 7. Д. 92.

Я ЖИЗНЬ ЛЮБЛЮ. М.К. АГАШИНА

Е.Ю. Моисеева

Четверть века назад
отгремели бои.
Отболели, отмаялись
раны твои.
Но, далекому мужеству
верность храня,
ты стоишь и молчишь
у святого огня.
Ты же выжил, солдат!
Хоть сто раз умирал.
Хоть друзей хоронил
и хоть насмерть стоял.
Почему же ты замер –
на сердце ладонь
и в глазах,
как в ручьях,
отразился огонь?
Говорят,
что не плачет солдат:
он – солдат.
И что старые раны
к ненастью болят.
Но вчера было солнце!
И солнце с утра...
Что ж ты плачешь, солдат,
у святого костра?
Оттого, что на солнце
сверкает река.
Оттого, что над Волгой
летят облака.
Просто больно смотреть –
золотятся поля!
Просто горько белеют
чубы ковыля.
Посмотри же, солдат, –

это юность твоя –
у солдатской могилы
стоят сыновья!
Так о чем же ты думаешь,
старый солдат?
Или сердце горит?
Или раны болят?
[1, с. 61, 62].

Кто не знает этой знаменитой песни Владимира Мигули, написанной на стихи Маргариты Агашиной «Солдату Сталинграда»? Или следующих проникновенных строк, написанных Маргаритой Константиновной в 1963 г., в 20-ю годовщину победы под Сталинградом:

Когда, чеканный шаг равняя,
идут солдаты на парад –
я замираю, вспоминая,
что был на свете мой солдат.
...Война. И враг под Сталинградом.
И нету писем от отца.
А я – стою себе с солдатом
у заснеженного крыльца.
Ни о любви, ни о разлуке
не говорю я ничего.
И только молча грею руки
в трехпалых варежках его.
Потом – прощаюсь целый вечер
и возвращаюсь к дому вновь.
И первый снег летит навстречу,
совсем как первая любовь.
Какой он был? Он был веселый.
В последний год перед войной
он только-только кончил школу
и только встретился со мной.
Он был веселый, темно-русый,
над чубом – красная звезда.
Он в бой пошел под Старой Руссой
и не вернется никогда.
Но все равно:

по переулкам
и возле дома моего
идут солдаты шагом гулким,
и все – похожи на него.
Идут, поют, равняя плечи.
Ушанки сдвинуты на бровь.
И первый снег летит навстречу –
и чья-то первая любовь.
[2, с. 74].

«Стихи о моем солдате». «О моем», – скажет она. Сказать так и написать может человек, который подтверждает, что он тоже причастен к общей боли, к общей для всей страны беде и в то же время имеет свое особое, острое переживание, непосредственно коснувшееся и его личной жизни. Великая Отечественная война началась, когда Рите было 17 лет. Она вспоминала: «Сначала мы проводили на фронт отца и учителей. Потом ребят-старшеклассников. Я окончила курсы сандружинниц и работала в госпитале. Училась в девятом классе в третью, вечернюю, смену. В Тейкове и окрестных лесах и селах стояли тогда, как и везде, воинские части. В каждом тейковском доме жили летчики и десантники. И, конечно, у каждой тейковской девчонки был свой десантник. Они приходили к нам на школьные вечера, а мы – к ним в землянки, в пригородный лес, с самодеятельными концертами. И я читала свои стихи:

Когда штурвал сожмет рука пилота,
окутав поле дымкой голубой,
вас унесут стальные самолеты
в далекий путь, в суровый трудный бой...

...ни одна аудитория не принимала меня так горячо» [1, с. 13].

Но первые стихи о войне – «Моя сестренка» – Рита написала, когда ее отец вернулся с финской войны. Оно было напечатано в ивановской областной пионерской газете «Всегда готов!» в 1940 г. Маргарита Константиновна станет известной на всю страну поэтессой. Многие композиторы напишут на ее стихи известные песни («Что было, то было», «Растет в Волгограде березка», «А где мне взять такую песню», «Подари мне платок»),

но тема войны навсегда останется одной из глубоко личных в ее жизни. В военные годы родятся «Бойцам, которым я отдавала свою кровь» (1941), «Операционным сестрам» (1941), «Десантникам» (1942), «Девушке» (1942), «Жду!» (1942), «Отвечу» (1942). Стихотворение «Жду!» Рита Агашина отправила в газету «Комсомольская правда» вместе с письмом поэту Константину Симонову, в ответ на опубликованное в этой газете его стихотворение «Жди меня»: «Дорогой товарищ Симонов! Я прочла в “Комсомольской правде” Ваше стихотворение “Жди меня”. Это стихотворение произвело на меня очень большое впечатление. Оно поразительно верно выражает чувства многих людей. Это так хорошо, так сильно! Я просто опомниться не могла до вечера – весь день перечитывала Ваши стихи и твердила наизусть волнующие слова. У меня на фронте товарищ – комсомолец-доброволец, он ушел на фронт, окончив только восьмой класс. Последнее письмо от него я получила в сентябре прошлого года. Страшно представить себе, что он погиб. И вот я стараюсь думать, что он жив, и боюсь утром опять не увидеть письма. Письмо не приходит, но я все-таки жду его. А Ваши стихи так поддержали эту надежду! Я очень много передумала, читая “Жди меня”. И я написала, как бы в ответ Вам, свои стихи “Жду!”. ...Напишите мне, правильно ли я жду, правильно ли я думаю. С горячим комсомольским приветом ученица 9-го класса Рита Агашина» [1, с. 292, 293].

Поэтесса родилась в Ярославле 29 февраля 1924 г. Ее детство прошло в селе Бор Некрасовского района Ярославской области. Отец учился в медицинском институте в Ленинграде, мама работала учительницей. Дома много читали Некрасова, очень его любили. Маргарита Константиновна позже напишет: «...если бы в детстве я вот так же сильно полюбила другого поэта, я писала бы потом совсем другие стихи. А, может быть, и совсем не писала...» [1, с. 10]. Отец, получив профессию хирурга, часто переезжал вместе с семьей с места на место. Рита вспоминала, что они жили на Средней Волге (позже – Пензенская область), в Подмосковье, в Сибири, в тайге, в Эвенкийском национальном округе. Среднюю школу Рита окончила в городе Тейкове Ивановской области. К этому времени она уже писала стихи и знала, что в

Москве есть литературный институт. Но так как из-за начавшейся войны вызов в Москву давали только технические вузы, она поступила в Институт цветных металлов и золота. Имея в своем сердце горящий дар слова, Маргарита, проучившись два года, все-таки ушла в 1945 г. в Литературный институт имени М. Горького. В 1950 г. она окончила его. Дипломная работа Маргариты Агашиной – поэма «Мое слово» – получила отличную оценку и в 1951 г. была напечатана в журнале «Октябрь». В 1952 г. эта поэма стала для нее «пропуском» в Союз писателей СССР.

С 1951 г. и до конца жизни Маргарита Константиновна живет в Сталинграде – Волгограде. «Его судьба, его люди, его матери и вдовы, его стройки, дороги, его необъятные, нелегкие поля – все это учило и учит меня жить, быть там, где все, горевать и радоваться вместе со всеми, не жалеть себя, оставаться самой собой. Благодарю судьбу за все годы, прожитые в этом городе, дорогом и любимом. За все выпавшие мне встречи. За все добрые слова, сказанные мне моими земляками. ...Если бы я жила в другом городе, я писала бы совсем другие стихи. А может быть, и совсем не писала. (1985)» [1, с. 16, 17]. М. Агашина – автор свыше 30 прижизненных изданий стихотворений и прозы, выходивших в Москве и Волгограде: «Мое слово» (1953), «Бабье лето» (1956), «Сорок трав» (1959), «Я люблю тебя, Корея!» (1961), «Стихи о моем солдате» (1963), «Огонешка» (1967), «Девичник» (1972), «Песня» (1974), «Платок» (1975), «В каждой песне – береза» (1984), «Избранное» (1986), «Стихотворения» (1993) и др. Ряд ее произведений переведен на корейский, болгарский, словацкий, финский и другие языки. Всенародную известность принесли ей лирические песни, написанные в соавторстве с композитором Григорием Пономаренко – «А где мне взять такую песню?..», «Подари мне платок», «Растет в Волгограде березка», «Что было, то было» и др. Она награждена орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», является Почетным гражданином Волгограда (1993). Маргарита Константиновна – первый лауреат Всероссийской литературной премии «Сталинград» (1996). Посмертно увидели свет ее шесть книг: «Что было, то было» (2000), «А где мне взять такую песню?..» (2009), «И о любви, и о судьбе» (2009), Собрание сочинений в 2 томах

(2009), Сочинения в 3 книгах (2010), «Бабья доля» (2014). На сайте «Старое радио» выложены песни на стихи М.К. Агашиной, стихотворения в ее авторском чтении, радиопрограммы о ней и с ее участием [3]. Коллективу Государственного архива Волгоградской области посчастливилось лично познакомиться с Маргаритой Константиновной: последняя публичная встреча поэтессы с читателями прошла в здании государственного архива осенью 1998 г. Тогда же Маргарита Константиновна впервые передала часть своего личного архива в Государственный архив Волгоградской области. В настоящее время ее фонд насчитывает 145 единиц хранения за 1950–1998 гг. и представлен следующим образом: рукописи поэм, стихотворений, книга «Наша Аленушка»; очерки, воспоминания, дневники, записные книжки, тексты радиопередач, тезисы, отзывы, рецензии, вырезки из газет и журналов, обращения, памятка для экскурсанта, журналы и газеты на болгарском, кабардино-балкарском, корейском, таджикском, украинском языках, черновые наброски, афиши, договоры, библиографические указатели, брошюры; переписка с родными, друзьями, знакомыми, по вопросам сотрудничества, удостоверения, приглашения, поздравления, благодарности, похвальные листы, почетные грамоты, дипломы, телеграммы, открытки, фотографии М.К. Агашиной, альбомы с фотографиями, подаренные кружковцами школы № 1 г. Калача-на-Дону, рисунки детей, гравюры, карты Восточной Сибири и Калмыцкой АССР, туристические схемы; дарственные надписи, пластинки с песнями, пионерский галстук и др. Маргарита Константиновна Агашина ушла из жизни 4 августа 1999 г. Она похоронена в Волгограде на Центральном (Димитриевском) кладбище. В центре города-героя, в парковой зоне под названием «Русский уголок», установлен памятник поэтессе, на доме, где она жила – мемориальная доска. В поселке Горная Поляна есть улица, названная именем Маргариты Агашиной. Жизнь Маргариты Константиновны была полна событий – радостных и горьких, была полна людей – разных, но в большинстве своем – интересных и признательных, была полна встреч – разнообразных и многочисленных. Она была очень любима, востребована, популярна, но все ж считала, что многого не успела. Что ж, каждый человек видит и

оценивает себя так, как не может сделать никто другой. В памяти людей, родных и близких, друзей и знакомых, читателей она осталась как человек, сильно любящий жизнь.

А я – как все: и плакала, и пела,
Стыдилась плакать и любила петь.
А я гораздо больше не успела,
Чем было мне доверено успеть.
Я жизнь люблю.
Я, и прощаясь с нею,
Ищу дорог и радуюсь весне!
А жить стараюсь проще и честнее,
чем после смерти скажут обо мне.
[1, с. 6].

Список использованной литературы

1. Агашина М.К. Сочинения: В 3 кн. – Волгоград: Издатель, 2010. Кн. 1: О себе; стихотворения [текст]. – 304 с.
2. Агашина М.К. Стихи о моем солдате // Дон. – 1964. – № 1. – С. 74.
3. Маргарита Агашина [Электрон. ресурс] // Лучшие русские поэты и стихи. URL: http://er3ed.qrz.ru/agashina.htm (Дата обращения: 28.11.2016).

О ВОЙНЕ В ЖУРНАЛИСТСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ ЖУРНАЛИСТА-КРАЕВЕДА Н.С. ПОПОВА

И.В. Котова

На хранении в ГАВО в коллекции документов краеведов находятся документальные материалы журналиста, члена Союза журналистов СССР и члена литературного объединения «Патриот» (при Доме офицеров Волгоградского гарнизона) Николая Сергеевича Попова. Они поступили на государственное хранение в архив впервые в 1984 г., а затем в 1991 г. В результате обработки и проведения экспертизы ценности, поступивших документов, сотрудниками архива было сформировано 73 единицы хранения за 1905–1989 гг.

Николай Сергеевич был человеком интереснейшей судьбы. Рожденный в 1899 г., он пережил Гражданскую и Великую Отечественную войну. Около 40 лет работал на строительных предприятиях нефтяной промышленности. С юношеских лет и на всю жизнь у Николая Сергеевича сохранилось увлечение коллекционированием книг, фотографий, почтовых марок, денежных знаков и значков. В его документах отложилась переписка со многими коллекционерами: П.П. Буториным, В.И. Каледой (г. Минск), А.И. Котовским, Я.И. Масталержем, Н.А. Никифоровым (г. Тамбов), А.И. Перекокиным, В.П. Пятаковым, Р.П. Ягуповой и другими. Переписывался Николай Сергеевич и с заслуженным деятелем искусств РСФСР, главным художником Монетного двора Н.А. Соколовым, и с челябинским книголю-

бом, собирателем экслибрисов М.А. Фришем, и с членом Союза писателей РСФСР, общественным корреспондентом газеты «Советская Россия» А.Ф. Пановым [1–4]. В фонде отложились собранные открытки, фотографии, зарисовки монет и памятных знаков. Письма людей разных взглядов, убеждений, различных социальных групп – все они «оседали» в архиве Николая Сергеевича Попова.

Уделяя большую роль нравственному воспитанию, Николай Сергеевич публиковал свои статьи в периодической печати о людях с интересными судьбами. Его статьи публиковались в газетах: «Алтайская правда», «Волгоградская правда», «Молодой ленинец», «Нефтяник», «Правда Севера», «Советская культура», «Строитель» (Д. 2–19). Он являлся автором очерка «Камера № 18», рассказа «Мишутка». В 1982 г. была опубликована книга-сборник «Считайте меня коммунистом» [5, 6]. В коллекции сконцентрированы подлинники и копии документальных материалов по истории русской авиации. Николай Сергеевич являлся собирателем материалов о жизни и деятельности русского авиатора, автомеханика и конструктора А.Ф. Даншина. Имеются вырезки статей из газет «Волга», «Комсомолец Каспия»; фотоальбом «Несколько страниц из жизни русского авиатора Даншина Александра Федоровича» с дарственной надписью, фотографии самолета, сконструированного А.Ф. Даншиным в 1910 г., автобиографические записи «Мысли конструктора», написанные в г. Астрахани в 1975 г. [8, л. 24–26] и фотографии М.С. Бабушкина – авиатора, Героя Советского Союза, принимавшего участие в спасении челюскинцев (Д. 58–73).

Николай Сергеевич Попов проводил поиск участников Сталинградской битвы, воинов-алтайцев бывшей 42-й отдельной стрелковой бригады, устанавливал судьбы фронтовиков. Им было установлено более 700 военных судеб, около сотни наград вручено тем, кто по каким-либо причинам не получил их своевременно. Писали и матери, разлученные войной со своими сыновьями, и вдовы, оставшиеся без мужей, и дети. Многие приезжали посетить могилы близких, и ото всех он слышал теплые слова благодарности [7, л. 562 об.].

Особое внимание заслуживает переписка Николая Сергеевича по вопросу поиска и установления судьбы погибших за-

щитников Сталинграда: «Много еще “белых пятен” в истории Сталинградской битвы... Каждое новое имя, каждый новый источник помогает приподнять завесу времени и вскрыть неизвестные подвиги, совершенные нашим героическим народом» [7, л. 4]. Тема поиска захоронений была близка Николаю Сергеевичу, потерявшему на фронте двоих сыновей. Так, в письме к Тихомировой Маргарите Алексеевне (г. Сургут) он писал: «Мне понятны Ваши желания преклонить свою голову у могилы сына. Или хоть познать, где же он нашел свой вечный покой. Понимаю и всю душевную тревогу от неизвестности, ибо и сам нахожусь в таком же положении...» [7, л. 562]. Николай Сергеевич устанавливал связь с районными военными комиссариатами, городскими и областными военкоматами, поддерживал отношения с «Красными следопытами», учащимися средних школ г. Волгограда. Откликался на заметки в местной прессе, на любое присланное ему письмо по поиску сведений о пропавших без вести во время Сталинградской битвы, давал советы, в какие архивы и учреждения следует обращаться. На хранение в архив были переданы документы по поиску 17 воинов, пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны (В.Я. Анадикта, В.И. Бондаренко, Г.И. Бугаевского, И.Н. Веснина, Т.В. Воронова, А.В. Ларина, Е.Г. Мозайло, П.А. Савина, М.П. Тихомирова, П.Т. Тридубенко, А.П. Фартышева, М.П. Филатова, В.П. Фирсова, К.Д. и Н.К. Чернобровкиных, И.Ф. Шеходанова, И.М. Шуместерова), устанавливал судьбы воинов 42-й Краснознаменной стрелковой бригады [7]. Весь поэтапный поиск представлен письмами, справками, извещениями. И за всеми этими материалами судьбы наших соотечественников, не только участников войны, но и их близких, которые не переставали ждать и надеяться. Интересна переписка Николая Сергеевича с ученицей одной из школ г. Барнаула, «красным следопытом» Гончаровой Татьяной в период 1975–1977 гг., которая по своей инициативе занималась поиском сведений об алтайцах, участниках Сталинградской битвы [7, л. 165–340]. На страницах писем к Татьяне сохранились истории поисков защитников Сталинграда. «Много лет я ищу Майю Андрееву, – писал Николай Сергеевич, – снайпера 2-го батальона и медсестру. А вот ничего не получается. Судьба ее

была очень трудной. Она добровольно пришла в бригаду, когда она была на северо-западном фронте, после того как немцы расстреляли всех родных ее. В Сталинграде была ранена и... нигде ее следов не найду» [7, л. 323]. Результаты поисков всегда были разными. Иногда годами приходилось вести переписку, делать запросы, публиковать обращения в газеты и в итоге не получать долгожданной положительной вести. «Только что получил весть от племянниц одного из героев Сталинграда краснофлотца Рябова-Демидова. На его счету подбитые танки и бронемашины. Сам был ранен. Помог архив. А когда вышел на родных, оказалось, что он трагически погиб еще в 1944 г...» [7, л. 323]. Но были и истории, завершившиеся положительно: «В декабре завершил розыск еще одного сержанта, о котором писали газеты. Это Тарасов – пулеметчик. Установил связь с родными. А самого нашел в братской могиле в Гомельской области. Связался с селом, где могила. Прислали фото. Теперь семья тоже знает, где навсегда остался их близкий» [7, л. 323].

Всю переписку он бережно хранил. По каждому поиску старался заводить отдельное дело, подшивая письма родственников погибшего, копии своих писем, справки из архивов, копии фотографий, вырезки статей из газет. Почти со всеми своими адресатами Николай Сергеевич устанавливал теплые и дружественные отношения. Об этом свидетельствуют многочисленные письма и открытки, присланные к различным праздникам. В 1977 г. дети погибшего при обороне территории завода «Красный Октябрь» заместителя политрука Воронова Трофима Васильевича писали: «...Не знаем, как Вас отблагодарить за то человеческое участие, сколько Вы нам помогли по восстановлению памяти нашего отца...» [7, л. 137].

Значительный по своему объему архив писем Николая Сергеевича Попова и его корреспондентов является, с одной стороны, хранителем судеб участников Великой Отечественной войны и их близких, а с другой – выступает ярким примером того, как совершенно чужие люди несмотря ни на какие препятствия, жизненные трудности и личные обстоятельства пытались помочь восстановить биографии защитников нашей Родины.

Список использованной литературы

1. ГАВО. Ф. Р – 1474. Оп. 2. Д. 29.
2. ГАВО. Ф. Р – 1474. Оп. 2. Д. 30.
3. ГАВО. Ф. Р – 1474. Оп. 2. Д. 31.
4. ГАВО. Ф. Р – 1474. Оп. 2. Д. 32.
5. ГАВО. Ф. Р – 1474. Оп. 2. Д. 36.
6. ГАВО. Ф. Р – 1474. Оп. 2. Д. 37.
7. ГАВО. Ф. Р – 1474. Оп. 2. Д. 45.
8. ГАВО. Ф. Р – 1474. Оп. 2. Д. 63.

Я ЖИЗНЬЮ – СЫТ! А.В. ШАГУРИН

Е.Ю. Моисеева

Алексей Васильевич Шагурин родился 25 февраля (10 марта) 1901 г. в хуторе Вертячем Царицынской губернии (Городищенский район Волгоградской области) в семье «мещан-иногородних, как в те времена называлась неказачья часть населения донских хуторов и станиц» [2, л. 1]. Отец Алексея занимался сельской торговлей, поэтому мог выучить сына в гимназии в Калаче-на-Дону. Из воспоминаний А.В. Шагурина: «Шестнадцать с половиной лет мне пришлось жить и расти в дореволюционной России... В жизни родной семьи царили материальный расчет, домостроевские порядки и религиозный культ...» [2, л. 6]. Февральскую революцию 1917 г. и установление советской власти Алексей с друзьями-гимназистами встретили «как подлинный рассвет» [2, л. 7]. «С неутомимой жадностью к новому, мы не пропускали ни одного собрания граждан, ни одного митинга. Жадно тянулись к еще неизведанному новому. Глубоко дышали и впитывали в свои юные души романтику революционного действия, понемногу усваивали в стремительном развитии событий самое главное – “что к чему”...» [2, л. 7].

Вполне естественным событием в жизни 17-летнего Алексея было вступление в ряды Красной Армии. К этому времени в Красной Армии уже служили двое его родных старших братьев и трое двоюродных. С сентября 1918 г. по сентябрь 1921 г. он

участвовал в Гражданской войне в составе X, XI Красной Армии. «Участие в Гражданской войне явилось для меня высшей школой общественной жизни, коммунистического воспитания. Пламенное партийное, ленинское, слово... беззаветный героизм, доблесть воинов Красной Армии, клавших свои головы в боях за новую жизнь, прочно закладывали в мою душу благородство высшей пробы – готовность и самому отдать свою жизнь за правое дело партии и народа. ...Во мне эта романтика не переставала жить на протяжении всех лет Советской власти, жива эта романтика во мне и по сей день!..

Звучат во мне, как прежде, струны,
На сердце чувствую прибой –
Мою, живую будто, юность
На марше вижу пред собой!
Красноармейскую звезду
Носить был чести удостоен
И я, еще безусый воин,
В незабываемом году...»
[2, л. 7, 8].

После демобилизации, с октября 1921 г. до августа 1923 г. Алексей Шагурин учился на годичном курсе Петроградского коммунистического университета, по окончании которого работал преподавателем в школе ФЗУ деревообделочников им. К. Либкхнета на Васильевском острове в Петрограде. В августе 1923 г. был вновь призван в ряды Красной Армии и прослужил в ней до декабря 1929 г. Затем учился на курсах шоферов Ленинградского общества «Автодор». По их окончании работал водителем грузовой машины на строительстве шоссейных дорог в районе станции Идрица и г. Себеж, а также в Сталинградском тресте «Баррикадстрой», автоколоннах Урюпинского и Новониколаевского районов. С марта по сентябрь 1933 г. А. Шагурин жил в родном хуторе, руководил школьной газетой и писал стихотворные тексты на темы жизни колхоза, заведовал избой-читальней. Здесь Алексей Васильевич и женился на учительнице Брюзгиной Александре Михайловне. В октябре 1933 г. он был приглашен на работу в редакцию Сталинградской областной газеты пионеров и школьников «Дети Октября». Здесь он работал

литературным сотрудником, заведующим школьным отделом, ответственным секретарем редакции.

Началась Великая Отечественная война, и 5 июля 1941 г. газету закрыли. Алексей Васильевич вновь становится солдатом. Он служит в 5-й саперной армии Сталинградского военного округа на строительстве оборонных противотанковых рубежей, в 30-й зенитной артиллерийской дивизии на 2-м Украинском фронте. С Курской дуги дошел до Чехословакии, затем, в составе той же дивизии, оказался на Забайкальском фронте в Маньчжурии. Свой литературный дар в это время Алексей Васильевич применяет по приоритетному для всей страны назначению: пишет стихи в «Окно ТАСС», в областные газеты, на радио, тексты на музыку антифашистских песен, выступает в госпиталях перед ранеными.

Первый же день войны он встречает стихотворением «Красноармейцу, уходящему на фронт»:

День – рядовой...
Стать мог бы он прекрасным,
Июньских радостей обычный день...
Внезапно
гром ударил в нашу ясность,
Под небом городов и деревень:
– Ва-ай-на!!!..
Война –
страда – година крови,
Тягчайших испытаний и потерь!
Война, война!..
Ее мы в каждом слове
И в каждом взоре
чувствуем теперь...
Товарищ, друг!
Мы не были знакомы,
Но для меня
ты братом стал родным,
Когда над первым
белорусским домом
От бомбы взмыл
косматый черный дым...

В пылу атак,
под бомбой, под снарядом,
Ты знай и помни,
друг, товарищ мой:
я, всей душой,
везде с тобою рядом
и думы лучшие
мои всегда с тобой!
[1, л. 32].

23 июня оно читалось по сталинградскому радио. Тогда же, в июне он напишет «Голос матери» – о материнском напутствии солдату, летом 1943-го – «Суд идет» – о победе над врагом, с которым выступает в подразделениях 30-й зенитной артиллерийской дивизии. Необыкновенно лирическое и проникновенное стихотворение «Два твоих письма» написано в том же 1943 г., а также «Сталинград» (1947), «У пробитой снарядом сосны» (1948) и многое другое о военных переживаниях и людях – в послевоенные годы.

После победоносного окончания войны Алексей Васильевич возвращается в родной Сталинград. С февраля 1946 г. он работает в редакции «Сталинградской правды», в редакциях газет-многотиражек на Сталгрэсе, на заводе «Красный Октябрь» и др. В это же время оканчивает вечерний университет марксизма-ленинизма при Сталинградском горкоме КПСС. На пенсию Алексей Васильевич уходит в 1961 г., но продолжает писать статьи в газеты, ведет активную общественную работу в обществе охраны природы, в коллективе детской железной дороги, выступает со своими стихами и лекциями о героизме советского народа в школах и пионерских лагерях, совхозах, воинских частях. В 1975 г., несмотря на начавшуюся болезнь, Шагурин завершил работу над рукописью книги стихов «Откровение», которые создавались им в течение 40 лет. Работа была приурочена к 58-й годовщине Октябрьской революции.

Алексей Васильевич Шагурин имеет правительственные награды: орден «Красная Звезда», медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», «20 лет победы в Ве-

ликой Отечественной войне» и др., а также множество грамот за активную общественную работу.

Сотрудничество А.В. Шагурина, журналиста, поэта, члена Союза журналистов СССР, с Государственным архивом Волгоградской области началось в 1976 г., благодаря данной ему рекомендации Волгоградским отделением Союза журналистов. Скромно оценивая свой труд, Алексей Васильевич в то же время с удовольствием отмечает: «...Я просто говорю словами любимого поэта Владимира Маяковского: “Это мой труд вливается в труд моей Республики!”» [2, л. 4]. На данный момент его фонд содержит сборники стихов, вырезки из газет, фельетоны, басни, сатирические стихи, рукописи стихов «Откровение», поэмы «Сталинградская быль», юморески, пародии, документальную повесть о становлении Советской власти в г. Калаче-на-Дону, перевод стихотворения Мкртыч Корюн «Пушкин в роще» с армянского языка, ноты песен на слова А.В. Шагурина, статьи, тексты приветствий, радиопередач, выступлений, бесед, стенгазеты, лекции, рецензии, обзоры литературного творчества рабкоров, творческий отчет, афиши, письмо С.Я. Маршака, переписка с издательствами, редакторами газет, литераторами, школьниками, родственниками и знакомыми, венгерскими гражданами, биография, автобиография, свидетельства, справки, удостоверения, членские билеты, приглашения, почетные грамоты, поздравительные телеграммы и открытки, благодарственные письма, фотографии А.В. Шагурина, дарственные надписи и другие материалы.

6 февраля 1989 г. Алексей Васильевич Шагурин ушел из жизни. Ушел, насыщенный днями и удовлетворенный сделанным в своей жизни, энергичный, любящий жизнь человек с пламенным сердцем. В своем стихотворении «Откровение» он напишет: «Я жизнью – сыт! Как дай бог, кой-кому...» [3, л. 15].

Список использованной литературы

1. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 12. Д. 11.
2. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 12. Д. 54.
3. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 12. Д. 93.

ГЛАВНАЯ ВЫСОТА Н.А. ОРЛОВА

Н.Ю. Новикова

Великая Отечественная война... Эта война, пожалуй, самое огромное горе, которое только могло случиться в XX в. В период Великой Отечественной войны в Советском Союзе весь народ работал на победу: на передовой защищали Родину с оружием в руках, в тылу у станков создавали оружие, технику и снаряды. А поэты и писатели своим творчеством вдохновляли советских людей на подвиги и ударный труд. В числе таких литераторов был Николай Александрович Орлов – поэт, член Союза журналистов СССР.

Николай Александрович родился 30 октября (12 ноября) 1903 г. в г. Иваново-Вознесенске (г. Иваново). Он рос очень общительным ребенком и дружил со всеми соседскими ребятами. В компании друзей маленький Николай летом ходил купаться и ловить рыбу на реку, а зимой – кататься на санках, коньках и лыжах.

Когда он немного подрос, его отдали учиться в школу. Учеба ему пришлась по душе. Николай быстро научился читать и писать. Все свое свободное время он проводил за чтением книг. Из всех школьных предметов больше всего ему были интересны география и история. По ним у Николая Александровича всегда были только отличные оценки.

Из воспоминаний Н.А. Орлова: «...Большое впечатление произвели на меня полеты первых русских авиаторов Васильева и Ефимова, которые демонстрировали свое мастерство перед многочисленными зрителями. Тогда-то и зародилась у меня мечта самому овладеть искусством полета.

Я стал много читать книг об авиации, о развитии воздухоплавания, стал мастерить авиамодели...» [3, л. 2].

Однако октябрьские события 1917 г. на время отодвинули на второй план его занятия авиамоделизмом. Николай Александрович с восторгом и радостью принял Октябрьскую революцию. Он считал своей обязанностью носить на груди красный бант и посещать все митинги и демонстрации. В то время Николай Орлов подружился с молодым поэтом Серафимом Огурцовым.

В декабре 1919 г. в г. Иваново-Вознесенске (г. Иваново) вышел первый номер молодежной газеты «Юный Спартак». Н.А. Орлов увлекся работой в редакции новой газеты. Он пропадал там с утра до вечера, и для него не было большим счастьем, если кто-либо из сотрудников редакции давал ему поручение.

В 1920 г. Николай Александрович вступил в комсомол. Его первая рабкоровская (рабочий корреспондент) заметка была напечатана в газете «Рабочий край» (г. Иваново). А в 1923 г. в этой же газете было опубликовано его первое стихотворение.

Вскоре Николай Орлов узнал, что от комсомола дают направления на учебу в авиационную школу. Его заявление с просьбой направить в авиашколу было одним из многих заявлений от таких же ребят, заболевших небом. Всем им пришлось пройти две комиссии: мандатную и медицинскую. В итоге по результатам обследований, из всех желающих на учебу в Ленинградскую военную авиационную школу направили только двоих. Одним из них был Николай Александрович Орлов.

После торжественных проводов он прибыл в г. Ленинград. Здесь же Николай Александрович проявил себя как ответственный, мужественный человек и солдат. Вскоре после начала занятий в школе в г. Ленинграде случилось большое наводнение. В это время Н.А. Орлов стоял в карауле на посту у школьного ангара. Вода все прибывала, а снимать с поста его никто не спешил. И вот когда уже вода дошла до плеч, подплыла лодка с караульным начальником и его сняли с поста.

С первых дней учебы в авиационной школе Николая Орлова избрали в редколлегию ротной стенной газеты «Взлет», а затем и в редколлегию общешкольной стенной газеты «Контакт». Некоторые его стихотворения той поры были напечатаны в газете «Красная звезда», в журналах «Краснофлотец» и «Красные крылья» (г. Ленинград).

7 апреля 1926 г. Николай Александрович Орлов окончил военную авиационную школу по классу морской авиации и получил назначение для дальнейшего прохождения воинской службы в г. Севастополь в военно-воздушные силы Черного моря. В то время в г. Севастополе выходило всего две газеты: «Красный Черноморец» и «Маяк коммуны». При редакции каждой из газет

работало литературное объединение, и Н.А. Орлов в свободное от службы время посещал эти собрания. На них молодые литераторы зачитывали друг другу свои новые произведения и выслушивали критику товарищей. Помимо стихов Николай Александрович писал в газету заметки о жизни своего авиаотряда, очерки о передовиках боевой и политической подготовки, о маневрах, ночных полетах и многое другое. Литературное творчество и работа в газете уже настолько прочно вошли в жизнь Николая Орлова, что он уже и дня не мог прожить без того, чтобы не написать какую-нибудь заметку или стих для газеты.

В начале 1929 г. Николай Александрович отобрал десять лучших своих стихотворений и отправил их для рецензии Максиму Горькому, который в то время жил в Италии на острове Капри в г. Сорренто. Каково же было его изумление, когда великий писатель ответил ему, и уже через три недели Николай Орлов держал в руках ответное письмо М. Горького. В нем Максим Горький давал много ценных советов начинающему поэту и с помощью пометок на стихах наглядно показывал, что написано хорошо, а что не очень и почему. Все эти подсказки маститого писателя помогли Николаю Александровичу в дальнейшем творчестве и в издании первого сборника стихов «Солнце над станком», изданного Крымским книжным издательством в 1932 г.

Осенью 1929 г. Н.А. Орлов принял участие в первом рекордном по тем временам перелете от моря до моря по маршруту Севастополь – Баку. Об этом перелете он написал очерк, который был напечатан в изданной в 1930 г. в г. Москве книге «Крылья советов».

В 1931 г. по приказу Революционного военного совета Николай Александрович был переведен в авиационную истребительную эскадрилью в г. Евпаторию. В то время он начал печататься в газетах «Коллективист», «Красный Крым» (г. Симферополь) и «Молодой большевик», а также в московских журналах «Красноармейская эстрада» и «Экран». В 1932 г. после авиакатастрофы и лечения в госпитале Николай Орлов был признан негодным для дальнейшего прохождения службы и демобилизован. После этого он решил вернуться в родной г. Иваново. Там он сначала работал заведующим военно-спортивным отделом в редакции комсомольской газеты «Ленинец», а затем ответственным секретарем редак-

ции областной пионерской газеты «Всегда готов». В 1935 г. Н.А. Орлов работал ответственным секретарем редакции газеты «Тейковский пролетарий» в г. Тейково Ивановской области. В 1936 г. он переехал в г. Владимир и стал работать в редакции газеты «Призыв», а затем в г. Гусь-Хрустальном в редакции газеты «Большевик». В 1937 г. Николай Александрович снова переехал. На этот раз в г. Воронеж. И работал там по 1938 г. заведующим отделом культуры и искусства в редакции областной комсомольской газеты «Молодой коммунар». После г. Воронежа он работал в г. Горьком (г. Нижний Новгород) в редакции железнодорожной газеты «Волжская магистраль». Затем он переехал в г. Кострому и стал работать в редакции газеты «Северная правда». Одновременно с этим Н.А. Орлов получил специальность преподавателя русского языка и литературы, окончив Костромской педагогический институт. После этого он преподавал в школе, а затем работал в концертной бригаде Ярославской областной государственной филармонии. В первые же дни после нападения фашистской Германии на Советский Союз Николай Александрович направился в военкомат с заявлением отправить его добровольцем на фронт. Но по состоянию здоровья он был признан негодным. Однако и в тылу Николай Орлов не сидел без дела. Помимо своей основной работы он на общественных началах руководил литературным кружком при редакции городской газеты «Северная правда» и писал агитплакаты «За правое дело». В то время Николаем Александровичем было написано стихотворение «Здоровье подвело» (1941 г.):

Обиду забуду едва ли.
В комиссии, словно назло
Здоровье негодным признали...
Ну, прямо мне не повезло.
Мечтал о боях, о победах,
На фронт собирался в тылу.
И вот, никуда я не еду.
А здесь остаюсь. Здесь в тылу.
Ну что же, придется остаться.
И все же я буду бойцом.
С фашистами стану сражаться
Отточенным острым пером.
[1, л. 8].

В творчестве Н.А. Орлова в 1941–1944 гг. много стихотворений посвящено военным сражениям: «Двадцать восемь», «Крым стал снова нашим», «Мир такого мужества не знал», «Москву не отдадим», «Севастополь освобожден!», «Севастополь», «Севастополь снова будет нашим» и др. Но и в послевоенном творчестве Николая Александровича много стихов было написано о Великой Отечественной войне: «Главная высота» (1978), «Сталинград – богатырь» (1978), «У обелиска» (1980) и др. В своем стихотворении «Подвиг Сталинграда» (1979) он так воспевал мужество и героизм города-героя:

Полыхал над планетой
Всемирный пожар,
И, сражаясь
С коварным врагом,
Сталинград на себя
Принял грозный удар,
И Россию прикрыл,
Как щитом.
Память дней боевых
Мы сумели сберечь.
Сталинград – город-щит.
Сталинград – город-меч.
Помним всех, кто здесь
насмерть
Над Волгой стоял,
Отражая атаки врага.
Кто в жестоком бою
Сталинград отстоял –
Тот в бессмертье
Вошел на века.
Имена их
Мамаев курган бережет.
Повторяет их
Родина-мать.
И пусть помнят враги:
Кто с мечом к нам пришел –
Тому больше
Живым не бывать...
[2, л. 43].

В 1944 г. в г. Кострому из г. Ленинграда прибыла эвакуированная Военно-транспортная академия. А вместе с ней и Зинаида Сергеевна Колчина – артистка Ленинградской эстрады. Вскоре после этого в ночь с 22 на 23 мая 1944 г. Николая Александровича Орлова арестовали органы НКВД. Из его воспоминаний: «После одного из концертов почти все участники собрались у меня в квартире отметить удачу. Во время дружеского застолья Зинаида Сергеевна Колчина рассказала о том, как в начале войны в Ленинграде немцы разбомбили огромные продовольственные склады имени Бадаева.... Выслушав ее рассказ, я никак не предполагал, что моя фраза послужит причиной моего несчастья. А сказал я буквально следующее:

– Какой недогадливый народ. Зачем делать продовольственные склады в одном месте? Надо было сделать в разных районах города. В один склад бомба попадет – другие целы. И легче было бы переносить блокаду, в которой погибли тысячи ленинградцев...

И вдруг в ночь с 22 на 23 мая 1944 г. меня арестовывают» [4, л. 19].

После ареста жизнь поэта круто изменилась. Несмотря на то, что Николай Александрович отказывался признавать себя виновным, его все равно осудили на семь лет лагерей. Далее был этап в Рыбинскую исправительно-трудовую колонию № 5 (г. Рыбинск), потом Мослеслаг (лесоповальный лагерь на севере Пошехоно-Володарского района Ярославской области), а затем Воркутлаг (лагерь в г. Воркуте на Крайнем Севере за Полярным кругом). Но и в этих тяжелых и нечеловеческих условиях, он продолжал писать стихи. В 1992 г. Камышинским полиграфобъединением и городской журналистской организацией был издан сборник Н.А. Орлова «Ордер на обыск», в который вошли стихи, написанные им в лагерях ГУЛАГа.

В 1951 г. после освобождения Николай Александрович приехал жить и работать в г. Камышин (Волгоградская область). Его реабилитировали сразу же после смерти И.В. Сталина. Сначала он работал инспектором районного отдела культуры, а затем и директором районного дома культура. Но вскоре он перешел ра-

ботать в редакцию Камышинской городской газеты «Ленинское знамя», а когда была организована новая многотиражная газета «Камышинский текстильщик», Н.А. Орлов стал работать в редакции этой газеты. В 1961 г. Николая Александровича приняли в члены Союза журналистов СССР.

В газете «Камышинский текстильщик» он работал до ноября 1963 г. вплоть до ухода на пенсию. Однако и с выходом на пенсию Н.А. Орлов помогал в работе редакций камышинских газет: писал на заданные темы, выполнял все их поручения, проводил встречи с молодежью в школах, в клубах, выезжал в колхозы и совхозы, помогал начинающим поэтам, руководил литературным кружком на Камышинском хлопчатобумажном комбинате и многое другое.

В 1963 г. Волгоградское книжное издательство издало сборник стихов Николая Александровича «Встреча». В 1976 г. из г. Севастополя ему был прислан памятный почетный знак «Ветеран Краснознаменного Черноморского флота». В 1978 г. решением Волгоградского Совета народных депутатов он был награжден медалью «Ветеран труда». В апреле 1999 г. в г. Камышине вышел его последний сборник стихов «Поворот судьбы». В этом же году 8 сентября Н.А. Орлова не стало.

Николай Александрович Орлов прожил долгую и нелегкую жизнь. Однако поэзия и журналистика были неотъемлемой частью его судьбы. Только за время работы в г. Камышине в газетах «Камышинский текстильщик» и «Ленинское знамя» было опубликовано около пятисот его стихотворений, а также большое количество очерков и заметок было напечатано в местных и центральных газетах и журналах.

Список использованной литературы

1. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 16. Д. 8.
2. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 16. Д. 33.
3. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 16. Д. 140.
4. ГАВО. Ф. Р – 6535. Оп. 1. Д. 119.

Н.А. Орлов

СЕВАСТОПОЛЬ

Этот город приморский, далекий
Я по праву считаю родным.
Я любил корабельные доки,
Южным солнцем заласканный Крым.
Я бывал на кургане Малаховом,
Видел створ Инкерманских огней.
Там пропеллера быстрыми взмахами
Поднимался на птице своей.
С высоты видел памятник Ленину,
Домик Шмидта, Музей и вокзал.
Город, славой бессмертной овеянный
На веку своем много видал.
Я любил его улицы узкие,
Берег, стянутый синей каймой.
Город славы оружия русского
И сейчас он в глазах предо мной.
Вспоминаю бульвар Исторический,
Там, где дым расстилался густой
С батареей своей героической
Защищал Севастополь Толстой.
Там восстали матросы «Очакова»,
Прерываясь сквозь огненный круг.
Помнит солнце, как гордо в лучах его
Красный флаг полыхал на ветру.
Там, нагрянув, как гости незваные
В грозовой девятнадцатый год
В эти синие бухты зеркальные
Интервенты вводили свой флот.
Но не стали матросы французские
В наших русских рабочих стрелять.
Бесполезно их было науськивать.
И пришлось якоря поднимать.
Город смелых, отважных, отчаянных
Черноморской твердынею стоял.
И век суеверий ко мне подступал.
Казался недавним и близким.
Как будто сегодня я сделал привал,

Гостя у времен Византийских
Били волны в железные сваи.
Над «Омегой» кружили ветра.
В Балаклаву бежали трамваи:
На Учкуевку шли катера.
Там, согретые солнышком вешним,
Каждый год зеленели сады.
Каждый год расцветали черешни
У прозрачной у синей воды.
А рядом по морю неслись катера,
Бортами тихонько качая.
И звонкую песню свою с утра
Пропеллеры пели над Качей.
О, город соленой воды и камней,
И славы, добытой боями,
Матросской походкой навеки ко мне
Вошел он и в сердце и в память.
Я этого дня не забуду никак.
Я долго по дому метался.
Когда обнаглевший, зарвавшийся враг
В любимый мой город ворвался.
О, как я завидовал всем, кто тогда
Израненный город отстаивал яро.
Мне очень хотелось прорваться туда
Сквозь ветер свинцовый и пламя пожаров.
Чтоб грудью своей Севастополь прикрыть,
С врагами померяться русскою силой,
Чтоб выстрелом каждым фашистов разить
Плечо о плечо с Павлюченко Людмилой.
Теперь в синих бухтах бесчинствует враг,
Устроив застенки в горах Инкермана.
Со свастикой черный паучий флаг
Заплатой висит на священном кургане.
Фашистские полчища заняли Крым.
Растоптаны клумбы ордою немецкой.
Над городом черный колышется дым
И ветром относится к бухте Стрелецкой.
Но мы всенародную клятву даем,
Что как бы наш путь ни был труден –
Победу любою ценою возьмем.

Любою ценою добудем!
Оплатят фашисты суровый наш счет.
Могильной земли наглотаются вдоволь.
Добьем их и спросим: – А ну, кто еще
Желает задеть Севастополь!?

ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 16. Д. 8. Л. 29–31.

ЗЕРКАЛО ДУШИ. В.Н. ЮДИН

Е.Ю. Моисеева

Василий Николаевич Юдин принадлежит поколению, рожденному в новом и уникальном, в своем роде, государстве – Советской России. После Октябрьской революции (1917) и Гражданской войны (1917–1922) на территории бывшей Российской империи сформировались несколько советских республик, которые в 1922 г. объединились в Союз Советских Социалистических Республик (СССР). Государство было молодое, начиналось строительство другой идеологии, другой культуры, другой жизни. Подрастающее поколение училось строить новую лучшую жизнь, воплощать мечты отцов. И все могло бы так и быть, но в 1941 г. враг напал на Советскую Родину. А незадолго до этого страна захлебнулась в крови жертв внутренних политических репрессий, названных позднее «сталинскими».

Василий Николаевич Юдин родился 4 апреля 1922 г. в городе Камышин Волгоградской области в семье железнодорожного плотника. После окончания «семилетки» работал трактористом в колхозе «Победа» в селе Липовка. Семья Василия, несмотря на крестьянское происхождение родителей, тоже пострадала от «сталинских» репрессий. Василий в пятнадцатилетнем возрасте оказался в ГУЛАГе. Его освобождение выпало на начало Великой Отечественной войны. Скрыв этот фрагмент своей биографии, Василий Юдин в августе 1941 г. вступил в ряды Красной Армии. Во время войны он был неоднократно ранен и в 1945 г. демобилизован по инвалидности.

В госпитале, после последнего ранения, Юдин записал целую тетрадь рассказов, которую позже потерял. С этой тетради началась вдохновенная работа Василия Николаевича как журналиста. С осени 1945 г. он являлся собственным корреспондентом краевых и областных газет, а также старшим редактором Волгоградского телевидения. В 1951 г. В.Н. Юдина приняли в члены Коммунистической Партии Советского Союза. Но сама мечта о писательской деятельности жила в сердце Василия Николаевича с мальчишеских лет. В автобиографическом очерке «Сам о себе» он пишет: «...Я не помню себя неграмотным. И это у неграмотных родителей, за всю жизнь не проявивших к книге ни малейшего интереса!.. по первому в моей жизни вопросу: кем быть? Я твердо и гордо ответил тогда, что буду писателем» [2, л. 4 об.]. Свой самый первый рассказ о мальчике-разведчике на Гражданской войне он написал в 13-летнем возрасте. Его опубликовали в пионерской газете «Сталинские ребята». «Не знал я тогда, что он станет первым и последним моим художественным, произведением и что судьба приготовила мне удел литератора-документалиста, профессию, весьма невысоко ценящуюся в изысканных литературных кругах, и которой я останусь верным на всю свою нелегкую, изгойную литературную жизнь», – писал Василий Николаевич [2, л. 4 об.].

Много послужив в качестве корреспондента, Василий Николаевич Юдин именно в Волгограде открыл свое дарование как литератора и исследователя. Первая успешная работа была посвящена одному из организаторов установления советской власти в Царицыне, главе Царицына с 1917 г. по 1918 г. Якову Ерману. Затем были написаны работы о царицынских чекистах, о донском казачьем комиссаре В.С. Ковалеве, о первом советском после в Иране И.О. Коломийцеве, о зарождении интернациональной дружбы в дни обороны Красного Царицына и многое другое.

Документы В.Н. Юдина, журналиста, писателя, члена Союза журналистов СССР, впервые поступили в Государственное казенное учреждение Волгоградской области «Государственный архив Волгоградской области» в 1977 г. В настоящее время его фонд насчитывает 454 единицы хра-

нения за 1958–1993 гг. и представлен следующим образом: роман «Пленник», сборник очерков «Вспомни, товарищ», повесть «Посол республики», рассказы, вырезки из газет, статья «Польские коммунисты в боях за Советский Царицын», издательские договоры, книга М. Ашанина и Л. Чолича «Алекса Дундич – сабля над степью», рецензии, отзывы, заключения, биографические сведения о Героях Советского союза и воинах, защитниках Сталинграда, документы об участии интербригад, болгар, китайцев, поляков, сербов, чехов в боях за Царицын, записные книжки, воспоминания жены С.З. Ермана, Ф. Форнальской, переписка по вопросам рабочего движения, с издательствами, редакциями журналов, читателями, с Б. Вольским, Е.Д. Стасовой, письма Гули Королевой, защитников Сталинграда, автобиография, характеристика, справки, членский билет, удостоверения, фотографии В.Н. Юдина, его друзей, коллег, о пребывании иностранных гостей, гербов Поволжья, фотокопии, слайды и др.

Повествования Василия Николаевича Юдина всегда интересные и живые. Они непосредственно связаны с судьбами его современников и людей, живших в далеком прошлом. Автору всегда интересен сам человек, его личность. Но особо яркой пронзительной нотой звучит в его творчестве книга «Я никогда не умру». В ее основу легли письма участников Сталинградской битвы. В каждом письме – судьба солдата, за каждой солдатской судьбой – надежда и боль его родных и близких. В.Н. Юдин пишет о книге: «...Она заняла особое место в моем литературном творчестве. Она – дань светлой памяти моих сверстников, исполнение моего солдатского долга перед ними» [3, л. 2].

Василий Николаевич Юдин ушел из жизни 14 августа 1993 г., не завершив, к сожалению, многих замыслов. Однако, описывая в своих работах человеческую жизнь как пример для будущих поколений, он оставил неповторимый след. Василий Николаевич говорил: «...Прошлое – это зеркало, и нравственное, и политическое. Чтобы видеть себя, надо почаще глядеться в это зеркало...» [2, л. 5 об.]. Произведения Василия Николаевича Юдина отражают прежде всего его собственную душу.

Список использованной литературы

1. Василий Николаевич Юдин [Электрон. ресурс] // МБУ «МИБС» г. Волжский. URL: http://mibs-vlz.ru (Дата обращения: 14.09.2016).
2. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 15. Д. 30.
3. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 15. Д. 197.

А.М. ШЕЙНИН – ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»

И.С. Петрова

Александру Михайловичу Шейнину, автору драм «Сыновья» и «Сталинградский дневник», повестей «Пропавшее ущелье» и «Полынов уходит из прошлого», пьес «Большой шаг» и «Испытание», директору фильма «Страницы Сталинградской битвы», пришлось много поездить с выездной редакцией «Комсомольской правды» в годы войны. История начиналась так.

8 (21) июня 1913 г. в г. Кременчуге на Украине в небогатой еврейской семье родился известный нам сегодня Александр Шейнин. Вскоре семья переехала в г. Днепропетровск, где в 1929 г. мальчик окончил школу. Затем Александр учился в школе фабрично-заводского обучения, работал наборщиком в типографии. В наш город Александр Михайлович Шейнин приехал в 1932 г. на работу в механосборочный цех Сталинградского тракторного завода. С тех пор его судьба была связана с журналистской работой. Именно благодаря своему писательскому таланту он и попал в выездную редакцию «Комсомольской правды», которая представляла собой два вагона. В одном из них помещалась типография, библиотека, кинопередвижка, а в другом жилье для сотрудников. В Сталинграде газета в этот период выходила каждый день [4, с. 543–548; 5; 6, с. 213–217; 8]. Делали ее вчетвером: журналисты А. Шейнин и С. Нариньяни, поэт С. Гудзенко и художник В. Коновалов [11, л. 3 об.]. Работа сотрудников выездной редакции состояла также в оформлении плакатов, бюллете-

ней, «молний». После окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. А.М. Шейнин остался в Сталинграде, продолжая свою писательскую карьеру. В 1948 г. в Сталинградском драматическом театре была поставлена его пьеса «Дом Сталинграда», а в 1949 г. была опубликована первая книга «Двести метров». Александр Михайлович был корреспондентом газет: «Коммунист», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Молодой ленинец», «Сталинградская правда». Начиная с 1953 г., почти десять лет он работал заведующим литературной частью Сталинградского (Волгоградского) драматического театра им. М. Горького. А.М. Шейнин был редактором областной телестудии и специальным корреспондентом журнала «Крокодил». Умер Александр Михайлович Шейнин 21 октября 1987 г.

В личных документах А.М. Шейнина, имеющихся на хранении в Государственном архиве Волгоградской области, сохранились афиши и программы спектаклей по его пьесам, рукописи литературных работ, переписка с писателем Е. Долматовским, режиссером А. Михайловым, телеграммы от литераторов О. Берггольц, С. Маршака и других известных личностей, почетные грамоты, фотографии и другие документы о жизни и деятельности писателя за 1943–1973 гг.

В годы Великой Отечественной войны А.М. Шейнин писал статьи, рассказы, очерки о текущем дне. В послевоенные годы тема войны по-прежнему осталась в его творчестве. В книге «Двести метров» автор противопоставлял судьбы двух фронтовых друзей, когда-то вместе защищавших Сталинград, в ней часто встречались воспоминания о суровых фронтовых буднях [12, л. 1 об.]. В основу героической драмы «Сыновья» положены исторические события: антифашистская война в Испании, Сталинградская битва, победа над фашизмом, хотя события развивались уже в послевоенные годы [10, л. 1–85]. В соавторстве с В. Ершовым драматург написал публицистическую драму «Сталинградский дневник», в которой раскрыл события периода Сталинградской битвы [9, л. 1–167]. Знаменательным событием в биографии Александра Михайловича была постановка семисерийного фильма «Страницы Сталинградской битвы», который был создан на основе документов и кинохроник из фондов ар-

хивов СССР и ГДР на Волгоградской телестудии, где состоялся его первый показ в 1967 г. Позднее фильм посмотрело несколько миллионов человек как в СССР, так и за рубежом. Интересна постановка этого фильма тем, что в его съемках принимали участие маршалы СССР А.М. Василевский, А.И. Еременко, Г.К. Жуков, К.К. Рокоссовский, маршал артиллерии В.И. Казаков, генерал армии П.И. Батов, генерал-полковник М.С. Шумилов, бывший секретарь Сталинградского обкома А.С. Чуянов и многие другие свидетели героических событий [3, с. 5, 6; 7].

Одна из статей Александра Михайловича военного периода была опубликована в газете «Комсомольская правда» и сохранилась в его фонде. Она напечатана на $^{2}/_{3}$ на третьей странице периодического издания. Статья разбита на пять подзаголовков: «200 метров сталинградской земли», «История одного дома», «Люба Чигвинцева и другие», «Город сегодня» и «Счет не оплачен». Она представляет собой экскурсию для молодежи по местам исторических боев города-героя накануне второй годовщины разгрома немцев под Сталинградом. Экскурсоводом был директор Сталинградского музея обороны имени Сталина А.И. Хмельков, а автором публикации об этом – А.М. Шейнин.

Список использованной литературы

1. Брыксина Т.И. Шутник с печальными глазами: [о А.М. Шейнине] // Небесный ковчег: воспоминания о Волгоградских писателях. – Волгоград: Издатель, 2006. – С. 537–543.

2. Встреча с прекрасным: к 100-летию со дня рождения драматурга А.М. Шейнина: выставка [Электрон. ресурс] // Комитет культуры Волгоградской области. URL: http://culture.volganet.ru/current-activity/cooperation/news/11678 (Дата обращения: 03.06.2016).

3. Колесов В., Ершова Л. Фильм «Страницы Сталинградской битвы» и его авторы // Реквием. – 2014. – № 4.

4. Кононов В.И. Тропой добра и бескорыстия: [о А.М. Шейнине] // Небесный ковчег: воспоминания о Волгоградских писателях. – Волгоград: Издатель, 2006.

5. Петрова И.С. Деликатный шутник и романтик. К 100-летию со дня рождения литератора Александра Шейнина // Грани культуры. – 2013. – Июнь.

6. Смирнов В.Б. Шейнин Александр Михайлович // По следам времени: из истории писательской организации Царицына – Волгограда. – Волгоград: Ком. по печати, 1996.

7. Ширяев А. Летописец Сталинградской битвы // Волгоградская правда. – 1981. – 10 июля.

8. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 6. Д. 3.

9. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 6. Д. 10.

10. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 6. Д. 13.

11. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 6. Д. 47.

12. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 6. Д. 87.

13. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 6. Д. 95.

А.М. Шейнин

ГОРОД И ЛЮДИ

...200 метров Сталинградской земли

В один из студеных январских дней синий «Пикап», миновав улицы, где рядом с новыми, еще не окрашенными домами стояли зубчатые руины, выскочил на пустырь и по заснеженной дороге пробрался к Волге. Здесь машина остановилась. Из нее вышел средних лет мужчина, с кузова соскочила группа молодых людей. Прикрывая лицо от колючего ветра, они спустились по неровному, обрывистому берегу к реке.

Молчала река, скованная льдом. От нее по оврагам, песчаным отмелям неровной полоской тянулись запорошенные снегом окопы, полуразвалившиеся, врытые в кучу блиндажи. Концы колючей проволоки свисали по склонам, торчали из-под снега противотанковые надолбы. Ближе к реке глубокие воронки изрыли землю. Ни одного строения, ни одного жилища. Только у берега поднимаются над льдом обугленные доски затонувшей баржи да полусгнивший баркас брюхом распростерся на песке.

Подойдя к реке, мужчина указал на бетонированную стену, подпиравшую часть берега, вслух прочел неровную надпись, сделанную на ней:

«Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева».

И ожил в рассказе берег. В этих окопчиках, полуразмытых дождями и ветрами, лежали бойцы. Сзади была Волга, впере-

ди – враг. Он прошел почти две тысячи километров по русской земле, и казалось, ничто не остановит его. Он вторгся в город, занял центр его, зацарицынский район, заводские поселки... 200 метров оставалось до Волги, 200 метров, чтобы считать себя хозяевами Сталинграда, перерезать Волгу, сбросить в нее защитников города. Это был самый драматический момент Сталинградской битвы.

Вон там, в водосточной трубе, сейчас, к сожалению, размытой вешними водами, находился командир дивизии Родимцев. Здесь, у реки, лежали его гвардейцы. Их яростно обстреливали из орудий и минометов, засыпали фугасками, подожженная немцами нефть ползла по кручами. Десятки, сотни раз бросались немцы в атаку, разъяренными быками неслись впереди них танки. 200 метров суглинистой, шероховатой сталинградской земли держали гвардейцы.

Гитлер в те дни самоуверенно говорил:

«Мы штурмуем Сталинград, и мы возьмем его – на это вы можете положиться...».

Они не взяли Сталинграда. Они разрушили его прекрасные площади и улицы, дома, школы, заводские корпуса, но они не взяли города. Узкая полоска по берегу Волги расширилась, разрослась, обхватила железным кольцом тех, кто непрошенным гостем пришел сюда, и задушила их в смертельных объятиях.

Сейчас на песчаных отмелях лежат груды исковерканного металла, заржавленные немецкие каски, алюминиевые осколки с черными крестами, согнутые пропеллеры, остовы машин, гильзы ракет, сбитые дула орудий, черные трубы минометов – останки 330-тысячной немецкой армии фельдмаршала Паулюса.

Мужчина ведет юных сталинградцев дальше.

Берег по-прежнему пустынен. Ветер крутит белую пыльцу, заметая мелкий кустарник, разросшийся по склонам. Но вот впереди, у подножья крутого холма, показалось нечто напоминающее жилье. Над землей меньше чем на метр возвышаются бревенчатые стены с продолговатым окошком, крышей с накатом. Здесь находился командующий 62-й армией генерал-лейтенант Чуйков. Внутри кажется, что ты попал в низкую деревянную избу. Крохотные полутемные комнаты. В одной из них

все дни обороны находился командующий армией. Несколько стульев, кровать, простой деревянный стол. Темный коридор, словно штольня, ведет вглубь холма. Там еще комнаты, в которых забывались в коротком сне работники штаба.

Отсюда тов. Хмельков ведет ребят наверх. Короткий путь на машине, и они останавливаются у большого четырехэтажного жилого дома...

А. Шейнин, г. Сталинград

Опубликовано в газете «Комсомольская правда» 7 февраля 1945 г. // ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 6. Д. 3. Л. 5.

ВОЕННАЯ ДОБЛЕСТЬ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА-ОСВОБОДИТЕЛЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С.Ф. ПОНОМАРЕВА

Н.Ю. Новикова

Уже прошло много лет, как отгремели бои за освобождение нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков. Но не утихла боль от людских потерь. Нет такой семьи, которая не проводила бы на фронт кого-то из родных, близких или друзей. Но не все из них вернулись домой. Много людей полегло на полях сражений. Война не пощадила никого: ни мужчин, ни женщин, ни детей, ни стариков. Среди погибших не только солдаты-воины, но и мирное население. Нам ни в коем случае нельзя забывать события тех далеких и в то же время таких близких лет. Вот что написала дочь Маршала Советского Союза Г.К. Жукова Мария Георгиевна Жукова в предисловии к его книге «Воспоминания и размышления»: «Как-то по телевидению был показан сюжет: корреспондент спрашивает у школьников, гуляющих рядом с памятником Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову, что стоит в центре Москвы: “Кто этот всадник на коне?” Ребята не знают, что ответить... Вина это или беда мальчишек-подростков? Конечно же, беда. Сегодня, когда более полувека прошло после окончания Великой Отечественной войны и уходят все дальше и

дальше вглубь истории события тех героических лет, становится страшно оттого, что вырастает молодое поколение, “не помнящее родства”... Время не имеет власти над величием всего, что мы пережили в войну, – скажет Маршал, – а народ, переживший однажды большие испытания, будет и впредь черпать силы в этой победе» [2].

Другой Маршал Советского Союза А.М. Василевский в своей книге «Дело всей жизни. Воспоминания» пишет: «Много вышло различных книг, посвященных минувшей войне. И все же интерес к ним не уменьшается. Каждое новое правдивое произведение об этой священной для советских людей войне – еще одно свидетельство великого подвига, свершенного нашим народом во имя свободы и независимости своей Родины, мира и прогресса» [1].

Вот и Семен Федорович Пономарев, бывший член литературного объединения «Патриот», увековечил подвиг советского солдата-освободителя в своих произведениях о Великой Отечественной войне.

Семен Федорович родился 11 (24) мая 1904 г. в деревне Серебряной, Косовской волости, Александрийского уезда, Херсонской губернии (Светловодский район Кировоградской области) в семье батрака. Его отец был грузчиком в г. Кривой Рог на Калачевском руднике. А мать жила вместе с детьми в деревне. У них была большая семья, но из семнадцати детей выжило только пять. Жить приходилось впроголодь, в основном на небольшой заработок матери, которая подрабатывала шитьем (от отца перепадали жалкие гроши). Только благодаря заботе и труду матери С.Ф. Пономарев выучился в трехклассной церковноприходской школе. В ней ему навсегда привили любовь к творчеству Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова и Т.Г. Шевченко.

В 10 лет, после окончания школы, отец выгнал его из дома на самостоятельные заработки. Так, маленький Семен стал пастухом у местных помещиков.

Летом 1921 г. в Александрийском уезде (Светловодский район) Семен Федорович впервые увидел и услышал представителя партии большевиков. Тогда же была организована ячейка РКСМ (Российский Коммунистический Союз Молодежи), где

Семен Пономарев получил дамский пистолет с самодельным патроном, написанное от руки на упаковочной бумаге удостоверение комсомольца и был послан в свою деревню. Это было смутное время на Украине. Промышленные центры и города были под охраной Красной Армии и частей особого назначения, а в отдаленных деревнях и селах до 1924 г. хозяйничали остатки банд Махно, Петлюры, Коцурова и др.

В 1924 г. Семена Федоровича в числе одиннадцати членов александрийской уездной комсомольской организации рекомендовали в партию большевиков. И в ночь под новый 1925 г. его приняли кандидатом в члены ВКП(б).

В 1925–1926 гг. С.Ф. Пономарев был секретарем ячейки РКСМ в своей деревне и одновременно с этим продолжал работать по найму у богатых крестьян. В ноябре 1926 г. его призвали на действительную службу в ряды Красной Армии. В 1927 г. Семена Пономарева приняли в члены ВКП(б). В октябре 1928 г. он был демобилизован. С этого момента и по сентябрь 1932 г. Семен Федорович работал на разных должностях: заведовал избой-читальней, был инструктором райисполкома (районный исполнительный комитет) и райполеводколхозсоюза (районный полеводческий колхозный союз), начальником ведомственной милиции, директором строительного комбината, секретарем опорного партийного комитета. Одновременно с этим: был секретарем комитета комсомола, заведовал культурой и пропагандой в партийном коллективе, уполномоченным по сельхозполиткомпаниям (сельскохозяйственная политическая кампания – раскулачивание), командиром отряда по борьбе с бандитами.

С сентября 1932 г. по июль 1935 г. Семен Федорович Пономарев учился в Ленинградском институте журналистики. После окончания учебы в институте он пошел в аспирантуру. Но учиться дальше ему не пришлось, так как по путевке ЦК ВКП(б) был направлен в Ставропольский край. С июля 1935 г. по июль 1941 г. Семен Пономарев работал там редактором районной газеты, инструктором, а затем заведующим сектором печати крайкома партии. Одновременно с этим исполнял обязанности руководителя школы партпросвещения, пропагандиста и лектора крайкома ВКП(б).

5 июля 1941 г. С.Ф. Пономарева призвали в органы контрразведки «Смерш» (смерть шпионам). С весны 1942 г. он находился в боевых частях Северо-Кавказского и Первого Белорусского фронтов. 14 января 1945 г. Семен Федорович был ранен осколком мины и отправлен в госпиталь. После лечения его демобилизовали. За боевые заслуги он был награжден орденом Отечественной войны II степени и шестью медалями, в том числе «За отвагу» и «За оборону Кавказа».

С осени 1945 г. по август 1947 г. Семен Федорович работал редактором, затем управляющим и главным редактором книжного издательства в г. Краснодаре. С ноября 1949 г. работал литературным работником окружной военной газеты в г. Краснодаре. В августе 1951 г. его пригласили на работу собкором (собственный корреспондент) в газету «Лесная промышленность» г. Сталинграда. Затем в феврале 1954 г. С.Ф. Пономареву предложили работу главным редактором Сталинградского книжного издательства. Там он проработал шесть лет и после этого по состоянию здоровья вышел на пенсию.

Однако с выходом на пенсию Семен Федорович не прекращал активной творческой работы. Он много помогал начинающим авторам и писал сам. Им были написаны и изданы книги: «Сыны Кубани – Герои Советского Союза» (биографический материал о лучших сынах Кубани) – 1947 г.; пьеса «Закон жизни» – 1950 г.; повести «Тамань» (посвященная танкистам) – 1956 г. и «Тайна голубых пакетов» – 1960 г.; сатирические комедии «Кумов поезд» – 1958 г., «Дачники» – 1960 г. и «В семье не без урода» – 1966 г.; сборник рассказов «Верный друг» – 1959 г. На основе военных событий он написал большую повесть о танкистах, которые участвовали в освобождении Северного Кавказа и Кубани – «На левом фланге». Но издать ее С.Ф. Пономарев не успел. Однако большие куски из этой повести были опубликованы в 1967 г. в альманахе «Литературный Сталинград» № 11 и в сборнике «Вспомни, товарищ».

В апреле 1973 г. Семен Федорович вступил в литературную организацию при Волгоградском гарнизонном Доме офицеров «Патриот». И был членом этого литературного объединения до конца своей жизни. Умер С.Ф. Пономарев 10 августа 1977 г. в г. Волгограде.

Нелегкая судьба выпала на долю Семена Федоровича Пономарева: голод и лишения в детстве, трудная юность комсомольца 1920-х гг. и суровые испытания Великой Отечественной войны. Но все это только закалило характер С.Ф. Пономарева. А его книги помогли нам узнать со всей достоверностью о воинской доблести советских танкистов в годы Великой Отечественной войны. Вот какой отзыв на повесть «Тамань» написал читатель А.С. Болдырев: «Известно немало примеров, когда человек, которому довелось быть свидетелем и участником героических событий, считает своим долгом поведать обо всем увиденном и пережитом тысячами людей. Эти благородные побуждения заставили многих взяться за перо. К таким произведениям относится книга бывшего офицера 257-го отдельного танкового полка Семена Пономарева «Тамань», посвященная славным делам бойцов и командиров этого полка в 1943 году» [4, л. 14].

Список использованной литературы

1. Василевский А.М. Дело всей жизни. Воспоминания [Электрон. ресурс] // Fantasy Read. URL: http://fanread.ru/book/5503828/#read (Дата обращения: 02.06.2016).

2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления [Электрон. ресурс] // E-libra. URL: http://e-libra.ru/read/223859-vospominaniya-i-razmyshleniya.html (Дата обращения: 02.06.2016).

3. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 13. Д. 3.

4. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 13. Д. 18.

С. Пономарев

ПЕТР ИВАНОВИЧ

– Много раз я ходил в разведку с незнакомыми людьми, – начал Георгий Иванович, – но всегда со мной ходили люди военные. Среди них были и молодые, и пожилые. Но то, что я пережил в дни, о которых хочу рассказать, было один раз...

По старой привычке Георгий Иванович набил трубку табаком, закурил, посмотрел на своих неизменных слушателей: двенадцатилетнего Митю – сына хозяйки, у которой я снимал квартиру на время моего отпуска, его ровесника и близкого дру-

га – тринадцатилетнего Васю – сына колхозной доярки, одноклассников Тимку и Витю. Как я убедился, эта четверка неразлучных друзей ходила по пятам за дедушкой Егором, так они звали Георгия Ивановича. На рыбалках, в его приусадебном садике, на дежурствах в колхозной конюшне – везде с ним, рядом. Сделают дело, сядут отдохнуть, завяжут разговор. Они спрашивают – он рассказывает.

На этот раз день выдался особенный: ветер гнал по Волге сильную волну, и это радовало ребят.

– Сегодня клева не будет, – тихо прошептал Митя своему другу Васе.

– Ну и пусть.... В хорошую погоду слушать не дает.

Угадав мысли ребят, Георгий Иванович усмехнулся с хитрецой, расправил усы и продолжал:

– В сентябре 1942 года по заданию командования я приехал в Орловскую щель (так на Кавказе называют узкие проходы в горах). Там помещался штаб гвардейской дивизии, которой тогда командовал генерал-майор Аршинцев, боевой, хороший генерал. Время было трудное. Фашистские армии стояли под Сталинградом, рвались к Баку и в Закавказье. Нашему командованию нужно было знать планы врагов. А где их взять, когда мы оборонялись? Случалось – брали в плен солдат, попадались и ефрейторишки, но от них мало толку. Фашистский солдат, как колода. Нужен был знающий немецкий офицер или важные штабные документы, а они на переднем крае не валялись. За ними нужно было идти через линию фронта в тыл к фашистам. На такое дело людей много посылать нельзя, самое большое двух-трех человек. Генерал послал меня в один из лучших полков, пообещал дать приказ, чтобы выделили надежного помощника.

В полку меня встретили хорошо: накормили, указали блиндаж, где я мог отдохнуть несколько часов, обещали подобрать помощника. Но уснуть не пришлось. Через несколько минут ко мне пришел худой паренек лет четырнадцати, курносый, веснушчатый, на нем, как на колышке, висела солдатская гимнастерка с обрезанными рукавами, плохо подрубленные солдатские штаны, а на голове лихо сидела форменная фуражка войск

НКВД. Паренек доложил: «Товарищ лейтенант, боец Звонков прибыл в ваше распоряжение».

Я сразу не понял, в чем дело. Ординарец мне не требовался. Но Звонков вполне серьезно спросил: «Когда пойдем на выполнение задания?»

Последние слова Георгий Иванович произнес с еле заметной улыбкой. Вместе с ним улыбнулись и ребята, а рассказчик продолжал уже серьезно:

– Посмотрел я на такого помощника, поднялся и решил бежать в штаб, готовый наговорить грубостей командиру полка, сообщить о его неправильных действиях в дивизию. Но в это время вошел генерал Аршинцев, поздоровался и спросил:

– Как дела, товарищ лейтенант?

Я с дрожью в голосе ответил:

– Я готов, товарищ генерал-майор, только насчет помощника...

Заметив мою взволнованность, командир дивизии обернулся к Звонкову и с отеческой теплотой спросил:

– Может быть, останешься у нас, Петр Иванович? Я прикажу послать другого.

– Товарищ генерал, разрешите мне пойти с лейтенантом. Я везде пройду.

– Но операция может кончиться очень плохо, а за твою жизнь я отвечаю перед старшим командованием.

– Мне все ясно, товарищ генерал, и я прошу вас послать меня, – настойчиво повторил свою просьбу паренек.

Немного подумав, командир дивизии сказал:

– Лучшего помощника вряд ли найдете... Желаю удачи...

В глазах генерала блестели слезы. Не сказав больше ни слова, он повернулся и ушел, а я остался с глазу на глаз со своим будущим помощником, не зная, чем объяснить поступок командира полка, согласие с ним командира дивизии...

Хотя и трудно было тогда на Кавказе, но дивизия не обезлюдила. «Так почему же посылают именно Звонкова?» – спросил я себя еще раз и посмотрел на паренька. Из-под надорванного козырька форменной фуражки на меня с доверием смотрели серые, не по-детски суровые и спокойные глаза.

За передний край своей обороны нас проводили разведчики полка. Пожелав удачи, они остались на одной из высот в трех километрах от Горячего ключа. Есть такой поселок в предгорьях Кавказского хребта, к нему мы и направились...

Переходить линию фронта в горно-лесистой местности без смелого и знающего проводника очень трудное дело, ребята. Сделай разведчик неосторожное движение – треснет под ним сухая ветка или сорвется и покатится по откосу камень, горный лес подхватит, усилит эти звуки и разбудит врага...

Там я сразу догадался, насколько было право командование, послав со мной этого паренька, которого все, от рядового до командира дивизии, без тени насмешки называли Петром Ивановичем, как равного себе.

Когда мы остались вдвоем, Петр Иванович шепнул мне на ухо:

– Я пойду впереди, вы осторожно продвигайтесь за мной.

Не дожидаясь ответа, Петр Иванович еле слышно зашуршал впереди и словно растаял в ночной темноте.

Прошло мучительных минут десять. Как неожиданно скрылся, так неожиданно появился Петр Иванович и шепнул: «Слева на скале фашисты, обойдем их стороной».

Ползком, по-пластунски, мы начали обходить скалу. Нужно было пройти метров тридцать по узкому карнизу, под самым носом у фашистов, которые сидели выше нас. Рядом со скалой начинались густые кустарники, к ним и торопился Петр Иванович. Он легко двигался по карнизу, заваленному сухими листьями. Временами останавливался, указывал на осколки камней, оказавшихся здесь неизвестно какими судьбами, потом снова карабкался вперед.

Вовремя одной такой остановки я оперся рукой о камень. Ни у Петра Ивановича, ни у меня он не вызвал подозрений. А случилось другое: он словно ждал, проклятый, чтобы к нему прикоснулась моя рука. Я-то удержался, а камень полетел вниз. Зашумело, загудело в горах. Над нашими головами застрочили автоматы...

Георгий Иванович прервал рассказ, послал ребят проверить рыболовецкие снасти. Ребята нехотя побежали выпол-

нять его задание. Он остался у костра. На его лице отражалась грусть.... Через две-три минуты слушатели собрались вновь, и он продолжил рассказ:

– Разведчик не имеет права останавливаться. Даже свои ошибки он должен использовать для продвижения вперед. Когда загрохотал обвал, первым поднялся Петр Иванович, а за ним и я. Мы быстро пробежали остаток карниза и бросились в кусты. Исцарапали руки, лица, но об этом не думали. Важно было узнать, обнаружили нас фашисты или нет. Но гитлеровцы постреляли немного и успокоились. Наверное, подумали, что обвал вызван диким животным. Такое в горах бывает часто: прыгнет олень или дикий козел со скалы на скалу, двинет он ногой небольшой камень, тот покатится по откосу, увлекая за собой сперва десятки, потом сотни, а потом тысячи камней.

Страшная штука – обвалы в горах. Но этот нам пошел на пользу. Пока в горах грохотало, мы надежно спрятались в кустах. Одно было плохо: в двухстах метрах от нас находился фашистский пост.

В общем, соседство не из приятных. Но уйти от него не было никакой возможности: рассветало, за кустарниками стоял вековой лес, заглушивший мелкую растительность, среди деревьев все просматривалось далеко вперед.

Так пролежали мы в кустарниках рядом с гитлеровцами весь световой день. Лежали недаром: засняли лесопильный завод, склон соседней горы, на котором прятались фашистские батареи. Тут же я узнал трагическую судьбу Петра Ивановича. Вместе с отцом и матерью он пять дней просидел в подвалах гестапо в городе Краснодаре. При вывозе на казнь в машине-душегубке задохнулись его родные, но он чудом остался жив и, выбравшись ночью изо рва смерти, подался в горы к советским войскам. До встречи со мной, полтора месяца его юная душа не знала покоя. От его руки взлетел на воздух фашистский склад, не меньше десятка гитлеровских солдат и офицеров нашли свой конец в предгорьях Кавказского хребта, восемь раз он переходил линию фронта на участке дивизии генерала Аршинцева, приносил важные сведения от партизан.

После возвращения ему каждый раз предлагали остаться в дивизии, отдохнуть, но он упрямо отказывался. Вот теперь,

узнав о цели моего прихода в полк, он настоял перед командованием, чтобы послали его.

Об этом Петя рассказал мне без тени бахвальства, как подобает опытному воину.

Позже узнал я о Петре Ивановиче и то, о чем он даже словом не обмолвился. Несмотря на опасный переход, он набил свои карманы каштанами и лесными грушами, которыми потом угощал меня.

Так и просидели мы под боком у фашистов целый день. А когда стемнело, мы уничтожили следы своего пребывания в кустах и отправились дальше. Без особых приключений дошли до Горячего ключа, спрятались в травянистых зарослях, рядом с поселком.

– Знаете, ребята, – обратился рассказчик к слушателям. – Солдат капиталистической армии, запуганный палками и клеветой о зверствах советских солдат и офицеров, опасен для разведчиков только на переднем крае. Там фашист осторожный, хитрый. Там держи ухо востро – промажешь, сразу окажешься в его цепких лапах. Другое дело – за два-три километра от переднего края. Там вражеские солдаты и офицеры вели себя по-другому: спокойно расхаживали по поселку, забирались в дома, выходили на окраину, в лес, засыпали пьяные на огородах и в виноградниках. Но я и Петр Иванович знали, что эта беспечность временная. При малейших признаках опасности они будут драться за спасение своих жизней, как дикие звери.

К середине дня мы с Петром Ивановичем точно определили расположение штаба фашистов. Он размещался в одном из глухих переулков Горячего ключа, почти рядом с нами. Сюда все солдаты и офицеры приходили пешком, чтобы не выдать расположение штаба. Возле него находился отдельный пост. Часовые менялись через два часа. Они приходили откуда-то снизу. Сам домишко был хорошо укрыт фруктовыми деревьями. Вокруг него росли роскошные кусты винограда, в них часто заходили штабные писаря и лакомились сочными гроздьями. Любой из них мог оказаться в наших руках. Но мы ждали, а чего – сами толком не знали. Точного плана действий у нас не было.

Повезло нам только вечером, когда штабные работники ушли на ужин и возле штаба остался один часовой. В это время в калитку вкатил запыленный мотоциклист с кожаной сумкой на боку.

– Не иначе как от начальства, – прошептал Петр Иванович. – Свой на мотоцикле к штабу не подъедет...

– Вижу – правильно паренек решил.

Мотоциклист о чем-то потолковал с часовым, оставил машину под его охраной, а сам медленно отправился в виноградник. Проводив взглядом мотоциклиста, часовой пошел к калитке и завел разговор с солдатом, стоящим у соседнего двора.

Знаете, ребята, невозможно рассказать словами, что переживает разведчик при подходе к цели в тылу у врага. Как взять его? А он вот, в десяти метрах. И связной-то плюгавенький, но он может защищаться, позвать на помощь. Тогда все погибнет. Ясно одно, нужно взять без звука.

Когда мотоциклист удалился от штаба метров на пятьдесят и кусты винограда скрыли его от часового, Петр Иванович быстро пополз ему навстречу.

Потом все свершилось быстро. Раздвигая куст винограда, мотоциклист наткнулся на дуло пистолета Петра Ивановича. Мгновенная растерянность. Ошарашенный мотоциклист качнулся назад, и я намертво сжал ему глотку...

Забравшись в заросли, мы открыли сумку. В ней лежал пакет с пятью сургучными печатями. Медлить было нельзя. Мотоциклист – то ли я перестарался, то ли от испуга – лежал мертвый. Брать его с собой не было смысла. Пришлось мертвеца присыпать листьями, а самим быстрее удирать к своему переднему краю обороны...

Всю ночь мы пробирались по колючим кустарникам, старались выиграть время, чтобы затемно перейти линию фронта. Удача сопутствовала нам. Несколько раз мы попадали на мелкие группы фашистов, но, не выдав себя, обходили их.

Близился рассвет. До наших войск оставалось не более шестисот метров, и когда нам казалось, что мы в безопасности, затрещали автоматы. Пули поднимали фонтанчики пыли, брызгали осколки камней и гнилых сучьев. Я понял: нас отрезают

от своих и хотят взять живыми. Я сунул сумку Звонкову, указал путь к нашей обороне, а сам, укрывшись за выступом скалы, стал отбиваться от фашистов.

Рассказчик некоторое время рылся в карманах. Так поступают многие, когда ищут и пока не находят подходящий ответ или готовятся высказать самое главное.

– Через несколько секунд я увидел Звонкова рядом с собой. На мое восклицание: «Беги!», он ответил с трудом: «Я ранен в ноги. Бегите вы, а я задержу их...»

Голос рассказчика дрогнул. Он еще раз порылся в карманах и, ничего не достав, продолжал каким-то глухим голосом:

– Скоро к нам подошло подкрепление, и фашисты удрали. Приказ командования был выполнен. В полевой сумке лежали важные документы и полевые карты, раскрывающие план наступления на нашем участке. Через несколько минут мы были в штабе полка. Сообщив командованию о выполнении задания, я пошел в санчасть. На санитарной повозке лежал Петр Иванович. Его ноги были туго затянуты бинтами, на которых еще не застыла кровь. Среди взрослых солдат Звонков казался особенно маленьким. Остановив на мне свои теплые, цвета утреннего неба глаза, Петр Иванович прошептал на прощанье:

– Товарищ лейтенант, неужели мы больше не увидимся... А жаль... Мы бы не такое сделали...

Прощальные слова Петра Ивановича старый солдат сказал сквозь слезы. Его маленькие слушатели (позже я узнал, что после тяжелых воспоминаний они всегда поступали так) молча поднялись и на цыпочках разбрелись кто куда. Тимка и Витя занялись проверкой рыболовецких снастей. Митя и Вася легли в сторонке и молча наблюдали за работой своих друзей.

Рассказчик сидел неподвижно. Сперва мне хотелось подойти к нему, сесть рядом, утешить, но, глядя на его сгорбленную спину, я понял, что нет слов, которые могли бы облегчить горе старого солдата. Я тоже поднялся и ушел к ребятам.

Опубликовано: С.Ф. Пономарев. Верный друг. – Сталинград: Сталинградское книжное издательство, 1959 // ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 13. Д. 3.

И.М. КАНДАУРОВ. «ПУСТЬ ЯРОСТЬ БЛАГОРОДНАЯ ВСКИПАЕТ, КАК ВОЛНА, – ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ, СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА!» [7]

Н.Ю. Новикова

В очерке «Перед памятью павших» Иван Михайлович Кандауров писал: «Война с немецко-фашистскими захватчиками потому и названа Великой Отечественной, что в ней участвовал весь советский народ: не только главным образом регулярные войска на фронте, но и сотни тысяч добровольцев партизан и подпольщиков, с оружием в руках сражавшихся с ненавистным врагом...» [1, л. 3–4]. На территории Сталинградской области также действовали партизанские отряды и группы подпольщиков. Деятельность этих партизанских отрядов не так широко известна и освещена, как боевые действия регулярной Красной Армии во время Сталинградской битвы. Наш земляк – писатель-публицист И.М. Кандауров на страницах своих документальных произведений восстанавливал историческую картину этих малоизвестных страниц Сталинградской битвы.

Родился Иван Михайлович 19 февраля 1926 г. в х. Пимено-Черни ст. Котельниковской Сталинградской губернии (Котельниковский район Волгоградская область) в крестьянской семье донских казаков. Когда началась Великая Отечественная война, И.М. Кандаурову было всего 15 лет. Но уже в 1943 г. он ушел рядовым на фронт в составе 71-го гвардейского отдельного разведывательного артиллерийского дивизиона. В 1947 г. его избрали секретарем комитета ВЛКСМ дивизиона. В 1948 г. Иван Михайлович вступил в ряды КПСС.

В 1950 г. И.М. Кандауров стал работать литературным сотрудником в Котельниковской районной газете. С 1953 г. и до ее ликвидации в 1962 г. работал редактором Городищенской районной газеты. После этого его перевели заведующим сельскохозяйственным отделом в редакцию межрайонной газеты «Борьба».

В 1958 г. Ивана Михайловича приняли в члены Союза журналистов СССР. В 1963 г. постановлением областного комитета партии его утвердили на должность редактора Среднеахтубин-

ской районной газеты. Параллельно с этим он пошел учиться на отделение журналистики в заочную Высшую партийную школу при ЦК КПСС. В 1968 г. И.М. Кандауров получает диплом о высшем образовании. В марте 1970 г. его назначили заведующим сектором печати, телевидения и радиовещания отдела пропаганды и агитации Волгоградского обкома КПСС. Одновременно с этим он работал редактором журнала «Политическая информация».

В 1983 г. Ивана Михайловича Кандаурова приняли в члены Союза писателей СССР. В 1985 г. к 40-летию Победы в Великой Отечественной войне он был награжден орденом Отечественной войны II степени. Помимо этого он награжден орденом «Знак почета» и двенадцатью медалями.

Умер Иван Михайлович Кандауров 25 сентября 1992 г. в г. Волгограде.

Особый интерес для него как для писателя-документалиста представляла тема партизанского движения, зародившегося на Сталинградской земле. Он искал сведения в архивных документах и собирал воспоминания партизан о тех событиях, вел активную переписку с бывшими партизанами и с родственниками погибших. Результатом его исследований стали изданные художественно-документальные повести: «Пароль “Победа”», «Словацкая легенда», «Степные орлы», «Стойкость», «Ярость благородства» и др.

Тема партизанской и подпольной борьбы во время Великой Отечественной войны была выбрана не случайно. Сопротивление советского народа в тылу врага показало всему миру величие несломленного духа и яркий пример патриотизма. Партизаны и подпольщики во многом помогли приблизить день Победы в войне против немецко-фашистских захватчиков. Само руководство партизанским движением было централизованным, что сделало его более действенным и организованным.

В своей книге «Стойкость» И.М. Кандауров писал: «Партийное подполье в Сталинграде было создано по такой схеме. Возглавлял городскую нелегальную группу на правах секретаря подпольной партийной организации Григорий Яковлевич Костин, член партии с 1919 года... Александр Терентьевич Когитин оставался вторым руководителем городской группы на правах

заместителя секретаря подпольной партийной организации. Он же возглавлял Ерманскую подпольную группу... В каждом районе города сформированы самостоятельные нелегальные группы на правах райкомов партии» [5, с. 25].

Из-за отсутствия лесов и расположения большого количества войск немецко-фашистской армии на территории Сталинградской области действовать могли только небольшие отряды партизан. Либо для выполнения задания через линию фронта перебрасывались диверсионно-партизанские группы, а затем они возвращались назад. Вот как об этом вспоминал бывший командир партизанской группы младший лейтенант Матвей Иванович Красноюрченко: «В начале августа 1942 г., мне, младшему лейтенанту авиационных войск противовоздушной обороны г. Сталинграда, было предложено возглавить диверсионную группу... В задачу нашей группы в основном входило уничтожение переправы, создание затруднений при переброске войск с правового на левый берег Дона. По выполнению этих заданий мы должны были возвратиться в распоряжение своих войсковых частей... Операцию против средств передвижения противника мы начали 27 или 28 августа с утра. На заложенных нами минах в этот день подорвался один танк. В последующие 3–4 дня таким образом мы подорвали около 25 машин, подвод и несколько человек живой силы... Возвращение нашей группы было трудным, так как любая складка земли была занята противником. Я помню такой случай, когда мы ночью подошли к колхозу... и решили в зарослях переночевать, не подозревая об опасности. Утром, когда мы проснулись, увидели, что мы находимся почти в центре крупного зенитного подразделения, откуда с трудом, скрыто удалось уйти...» [3, л. 1–3]. Эти воспоминания легли в основу главы «Операции “Максима”» художественно-документальной повести Ивана Михайловича Кандаурова «Стойкость».

Помимо организованных партизанских отрядов или подпольщиков на территории г. Сталинграда и Сталинградской области на свой страх и риск действовали подростки. О таких ребятах И.М. Кандауров рассказал в своей повести «Верные друзья»: «...Несмотря на опасность попасть под бомбежку или под “охоту” фашистского стервятника, друзья небольшой ватагой по

заросшим балкам поднимались вверх от Городища к Гумраку... В первый же день выхода по знакомым лесным перелескам... повстречали четырех раненых красноармейцев... Раненых привели в Городище... В тот же день красноармейцев увезли в госпиталь. Назавтра друзья отправились вверх по балке, захватив с собой бутылки с молоком, корзину с яблоками и сливами. Раненых становилось больше... Кузьмины и Аляевы жили рядом на одной улице, через несколько дворов, на соседней улице стоял дом Свиридовых. Поэтому на помощь раненым ходили втроем: Николай, Васька и Шурка. Родные толком и не представляли, чем занимаются ребята в это беспокойное время... О том, что немецкие штабисты встревожены появлением здесь, почти в открытой степи, партизан, друзья догадывались по отдельным приметам в поведении оккупантов, даже были убеждены, что их усилия не проходят даром... Ставить гранаты “лимонки”, как мины – эту мысль подал перед переходом через передовую неизвестный Гриша... Придумали так. Предохранительную чеку гранаты почти до конца выдвинуть из запала и соединить проволочкой с телефонным кабелем. Граната прикапывается под кабелем. Слышимость нарушается, хотя кабель и целый... Но стоит только приподнять с земли кабель, как срабатывает взрыватель... И как только принимались фашистские связисты таким образом искать неисправность полевой телефонной линии, то неизбежно следовал взрыв» [4, л. 8–18].

С освобождением г. Сталинграда и Сталинградской области от немецко-фашистских захватчиков партизанские отряды, созданные на территории нашей области, не прекратили своего существования. Они пошли дальше. Вот как писал об этом в повести «Ярость благородства» И.М. Кандауров: «...Фронтовой штаб партизанского движения неотступно следовал со всем теперь уже немалым хозяйством и личным составом за частями 28-й армии, засылая в тыл противника разведывательные и диверсионные группы... На второй день в освобожденный Ростов из Батайска прибыл партизанский штаб и без промедления приступил к подготовке последующих операций во вражеском тылу. Партизанская борьба переносилась теперь на территорию Украинской ССР, штаб партизанского движения на Южном фронте

вошел в подчинение Украинского штаба партизанского движения, во главе которого стоял опытный и высокообразованный генерал Тимофей Амвросиевич Строкач» [6, с. 3–9].

О боевых действиях партизан и подпольщиков на территории Восточной Украины Иван Михайлович рассказывает в своей документальной повести «Пароль “Победа”». Многие из них помогали частям регулярной Красной Армии освобождать Ростов, Донбасс, Украину и Молдавию. В главе «Зеленый комендант» из книги «Пароль “Победа”» говорится о двух партизанских отрядах, сформированных еще на Сталинградском фронте: «...Диверсионно-организаторское ядро отряда “За Родину” в июне десантировано в лес севернее Знаменки... К середине осени в районе действия отряда оккупационная администрация, по сути дела, не имела никакой власти. В Чигириновке, Ружичево, Ирклее, Амбросиевке, Александровке, Заломах, Гутницкой, Калиновке – всего в четырнадцати населенных пунктах в октябре – ноябре местная власть, по существу, находилась в руках командиров отрядов “За родину”... За три месяца отряд с двадцати трех десантников вырос до ста пятидесяти партизан. Пополнение шло в основном за счет отбора местной молодежи и “добровольческих” формирований оккупантов. К середине ноября уже насчитывалось триста шестьдесят вооруженных бойцов. О размахе боевых операций партизан можно судить и по тому, что оккупанты вынуждены были отказаться пользоваться грейдерными дорогами. Эти дороги были перепаханы, и на них установлены предупредительные знаки с надписями: “Назад! В лесу бандиты-партизаны!”...» [2, л. 1].

Борьба партизанских отрядов и подпольных групп была всенародной. Причем многие из этих добровольцев считали то, что ими сделано – это обычное рядовое боевое дело. Иван Михайлович в своих книгах увековечил память о людях, которым пришлось в нелегкое для своей Родины и своего народа время учиться воевать и уничтожать врага.

В своей повести «Стойкость» И.М. Кандауров написал: «Встречи бывших партизан-сталинградцев через два и три десятилетия – это потрясающие своей простотой и искренностью радость и гордость людей, много переживших и совершивших во

имя Родины. Война с фашизмом заставила их рано повзрослеть и взять оружие в руки. Добровольно взять оружие и пойти навстречу смерти и подвигу. Среди них не было человека, который бы заведомо стремился к славе или бессмертию. Они помнили об одном: черна опасность, нависшая над Советской Отчизной, сама не уйдет с родного небосклона.

Время неумолимо, но и оно не в силах стереть ожоги в зарубцевавшейся памяти народа, немеркнущий свет бессмертного подвига этого поколения людей, партизан и подпольщиков, по праву ставших в ряды бойцов сталинградской стойкости» [5, с. 414].

Список использованной литературы

1. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 22. Д. 26.
2. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 22. Д. 30.
3. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 22. Д. 76.
4. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 22. Д. 142.
5. Кандауров И.М. Стойкость. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1983. – 416 с.
6. Кандауров И.М. Ярость благородства. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1986. – 320 с.
7. Лебедев-Кумач В.И. Священная война. [Электрон. ресурс] // Моя победа. URL: http://moyapobeda.ru/istoriya-sozdaniya-pesni-svyashhennaya-vojna.html (Дата обращения: 15.11.2016).

СЛОВО – ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ ЖУРНАЛИСТА В ТЫЛУ И НА ФРОНТЕ. А.М. МОНЬКО

Н.Ю. Новикова

Великая Отечественная война была самым тяжелым испытанием для всего советского народа. С ее началом было перестроено на военный лад народное хозяйство страны. Знаменитый лозунг «Все для фронта! Все для победы!» помог воодушевить тружеников тыла на самоотверженный труд с полной самоотдачей для обеспечения так необходимыми армии боеприпасами, провизией и вооружением. Немалую роль в подъеме производ-

ства сыграли журналисты. Одним из них был Алексей Митрофанович Монько.

Родился Алексей Митрофанович 28 марта (10 апреля) 1912 г. в с. Белокуракино Ворошиловградской (Луганской) области Украинской ССР в семье бедного крестьянина. С тринадцати лет он остался круглым сиротой. Его отец Митрофан Кортиевич до революции прослужил в старой армии один год рядовым солдатом, а затем по болезни был демобилизован и вернулся домой. В 1917–1919 гг. после установления советской власти он стал членом продовольственной комиссии при ревкоме (революционный комитет). После смерти отца в 1919 г. маленький Алексей вместе с двумя братьями и сестрой остался на попечении матери и старого деда. В 1925 г. умерла и мать. В 1927 г. в с. Белокуракино А.М. Монько вступил в члены ВЛКСМ. В 1931 г. в Новопсковском районе (Луганская область, Украина) он стал кандидатом в члены коммунистической партии, а в 1937 г. в г. Харькове (Украина) его приняли в члены ВКП(б). Уже в семнадцатилетнем возрасте начиная с 1928 г. Алексей Митрофанович начал свою трудовую деятельность. Сначала он работал в Белокуракинском районном комитете комсомола председателем районного бюро комитета детского движения. Затем с 1929 г. по 1930 г. он был председателем окружного бюро комитета детского движения в окружном комитете комсомола г. Старобельска (Луганская область, Украина). С 1930 г. по 1931 г. Алексей Монько работал заведующим организационным отделом в Новопсковском районном комитете комсомола Луганской области (Украина).

Свою журналистскую деятельность Алексей Митрофанович начал в 1931 г. в качестве ответственного секретаря Новопсковской районной газеты «Ленинская коммуна» (Луганская область, Украина). Затем с 1933 г. по 1934 г. он был собкором (собственный корреспондент) областной газеты «Социалистический Донбасс» (Донецк, Украина), которая являлась органом Донецкого обкома партии ВКП(б).

В 1934 г. А.М. Монько поступает в Харьковский институт журналистики. По его окончании в 1937 г. его направляют на работу в республиканскую комсомольскую газету «Комсомолец Украины» (Киев) сначала заведующим отделом пропаганды, а

затем в 1938 г. – заместителем ответственного редактора. В августе 1940 г. Алексея Митрофановича зачислили слушателем Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Проучившись чуть более года на дневном отделении, он перевелся на заочное и в октябре 1941 г. был направлен в г. Златоуст (Челябинская область) в качестве ответственного редактора газеты «Большевистское слово». Вот как сам Алексей Митрофанович писал о деятельности газеты во время Великой Отечественной войны: «Задача газеты в области промышленности и транспорта в первые дни войны сводилась к тому, чтобы цементировать патриотический и трудовой порыв трудящихся города, направить производственные коллективы на увеличение выпуска металла, вооружения, боеприпасов. Одновременно принять и разместить эвакуированные предприятия из прифронтовой полосы... Можно сказать, что весь период работы газеты “Большевистское слово” за 7–8 месяцев войны был в основном насыщен вопросом мобилизации новых кадров для промышленности. Но завершив в основном этот вопрос, газета перенесла свое внимание на то, чтобы эти кадры были закреплены на производстве, чтобы они получили глубокие технические знания и производственный опыт... Фронт и тыл, героизм советских воинов, наши земляки на фронте – вот та тема, которую мы развиваем с самого начала войны, отыскивая для ее выражения все новые, более конкретные и интересные формы... Зародилась мысль об установлении постоянной связи с воинской частью. Для дивизии, формировавшейся в Златоусте, мы подготовили полосу: “Слушай, фронт, говорит Златоуст!”, в которой рассказывалось о трудовых подвигах златоустовцев, приводился рапорт о трудовых достижениях, о работе предприятий. В обмен была получена из дивизии полоса: “Слушай, Златоуст, говорит фронт!”... В полосе были помещены портреты героических бойцов дивизии и материалы об отважных разведчиках, саперах, связистах» [2, л. 8–33].

В г. Златоусте Алексей Митрофанович Монько проработал до 1945 г., после чего был направлен в г. Магнитогорск ответственным редактором газеты «Магнитогорский рабочий». В октябре 1947 г. его переводят ответственным редактором областной газеты «Призыв» в г. Владимир. С мая 1954 г. А.М. Монько жил

и работал в г. Сталинграде редактором газеты «Сталинградская правда», а затем после переименования города в г. Волгоград – «Волгоградская правда». На этой должности он проработал по 1970 г. С 1943 г. Алексей Митрофанович член Союза журналистов СССР, а с 1962 г. заслуженный работник культуры РСФСР. А.М. Монько автор ряда книг, брошюр, статей: «Арсенал», «В кругу немецких друзей», «В мире жить и дружить», «Волгоград – город-герой», «Летопись героической истории», «На ударном фронте», «Побратимы», «Подвиг во имя Родины», «Подручные партии», «Польские встречи», «Человек из лагеря смерти» и др. За время своей трудовой деятельности Алексей Митрофанович был награжден орденом Красного Знамени, орденом «Знак почета» и медалями: «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освоение целинных и залежных земель», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и Большой серебряной медалью Главвыставкома ВДНХ (Главный выставочный комитет Выставки достижений народного хозяйства). Умер Алексей Митрофанович Монько в г. Волгограде в 1987 г.

В послевоенные годы А.М. Монько стал собирать материалы о концентрационных лагерях. Одним из тех, кто предоставил сведения о концлагере Бухенвальд (г. Веймар, Германия), был бывший узник, председатель секции бывших военнопленных Советского Комитета ветеранов войны – Николай Федорович Кюнг. Концлагерь Бухенвальд был создан в 1937 г. и сначала предназначался для политических и уголовных заключенных. Но с началом Второй мировой войны лагерь стал заполняться пленными. В нем людей подвергали бесчеловечным опытам, пыткам и издевательствам. В «Краткой справке о фашистском концлагере Бухенвальде (1937–1945) Н.Ф. Кюнг отмечал: «В концлагере Бухенвальд фашисты за семь лет подвергли мучениям более 238 000 советских граждан. В числе политзаключенных лагеря было 1 000 детей, возрастом начиная от 3 лет. Это были дети расстрелянных советских партизан, погибших офицеров, а также дети, принимавшие участие в борьбе против фашистов на нашей земле, или дети европейских антифашистов» [3, л. 4].

В своей рукописи «Героическая борьба сопротивления против фашизма подпольщиками Бухенвальда» Алексей Митрофанович писал: «...Бухенвальд был постепенной каторжной фабрикой уничтожения. Это был политический трудовой лагерь, где кроме “уничтожения” “трудом” и убийстве при “попытке к бегству” было уничтожение экспериментами... Под предлогом приучить к порядку и дисциплине эсэсовские надсмотрщики выработали и применяли к заключенным методы придирок и притеснений. Они преследовали только одну цель: сократить число противников нацистского режима. Того, кто пережил и вынес даже нечеловеческое физическое напряжение, сочетавшееся с невыразительными мучениями, изматывали духовно и доводили до отчаяния. Стойкость и силу сопротивления могла дать лишь крепкая товарищеская спайка заключенных» [3, л. 15–20]. В январе 1965 г. состоялась встреча журналистов с бывшим узником № 7037 концлагеря Бухенвальд, членом подпольной организации и участником вооруженного восстания в лагере – Никитой Евгеньевичем Воеводой. После сбора всей необходимой информации Алексей Митрофанович написал статью об узнике концентрационного лагеря Бухенвальд «Человек из лагеря смерти». В ней он писал: «Люди тридцати двух национальностей томились в лагере смерти. Их судьба цементировала дружбу, товарищество. В бараке Никиту называли просто “товарищ”...Лагерная жизнь не была спокойной, люди, умирая от голода, боролись. Активно действовал русский комитет военно-политической подпольной организации. От организации конспирации и бдительности зависела жизнь людей. Никита выполнял свою работу, и об этом никто больше не должен был знать. Задания получал только от Адама Васильчука. А когда Адама Васильчука перевели на другую работу, юноша остался старшим группы в прачечной. Подпольный комитет вел борьбу за сохранение жизни людей, готовил их к восстанию» [1, л. 14–17]. В своих воспоминаниях Николай Федорович Кюнг писал, что основной и самой важной задачей интернациональной подпольной организации сопротивления была подготовка и проведение вооруженного восстания узников концлагеря Бухенвальд: «...Советские офицеры-подпольщики готовили боевые группы из наиболее смелых

и опытных членов организации. Боевые группы были объединены в так называемые роты, батальоны, а батальоны были сведены в подпольные бригады... Но самым рискованным предприятием бухенвальдских подпольщиков являлась добыча оружия, без которого вооруженное восстание было бы невозможным... В результате рискованных и четко продуманных шагов, организации удалось к моменту вооруженного восстания заготовить: 91 винтовку и 2 500 патронов к ним; 1 ручной пулемет и 2 000 патронов к нему; 96 ручных гранат; 200 бутылок с горючей, самовозгорающейся жидкостью; более 150 штук холодного оружия; более 100 пистолетов и другое... 11 апреля, около 13 часов, по решению Интернационального подпольного центра началось вооруженное восстание, закончившееся прорывом проволоки, взятием главных ворот, казарм СС и разгромом эсэсовской охраны. К 16 часам этого же дня лагерь Бухенвальд стал свободным и 21 000 узников из 18 стран Европы вернулись к жизни. Сразу же был создан Интернациональный лагерный комитет, который взял власть в освобожденном Бухенвальде и начал организацию жизни бывших узников по-новому. Первым шагом ИЛК была организация круговой обороны, поскольку лагерь находился между двух фронтов и фашистские подразделения в любой момент могли напасть на освободившихся заключенных» [3, л. 6–9].

С каждым годом все меньше и меньше остается в живых тех, кто пережил весь ужас Великой Отечественной войны и может выступить живым свидетелем и обвинителем против фашизма и нацизма. Все выше и выше по всему миру поднимает голову неонацизм и неофашизм. Не допустить повторения самой жестокой и кровопролитной войны – основная задача всех здравомыслящих людей. Алексей Митрофанович Монько был одним из тех, кто понимал: для того чтобы жить в мире, всегда необходимо помнить о прошедшей Великой Отечественной войне.

Список использованной литературы

1. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 17. Д. 21.
2. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 17. Д. 32.
3. ГАВО. Ф. Р – 6534. Оп. 17. Д. 119.

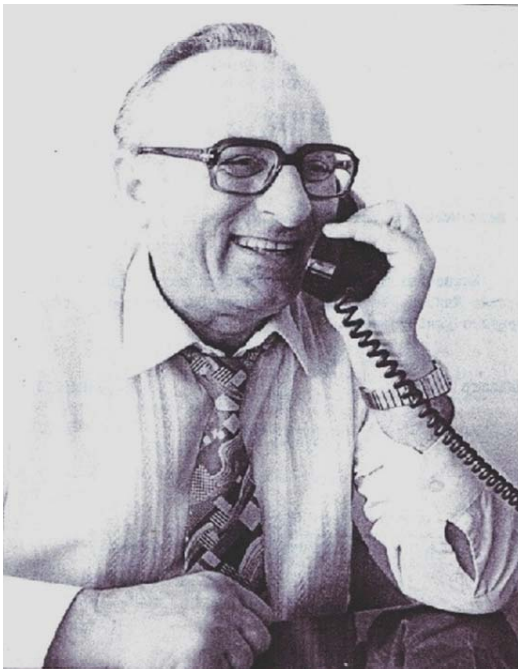
ПРИЛОЖЕНИЕ

ФОТОДОКУМЕНТЫ ДЕРЖАТЕЛЕЙ ЛИЧНЫХ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В.И. Томарев. Волгоград, 1981 г.

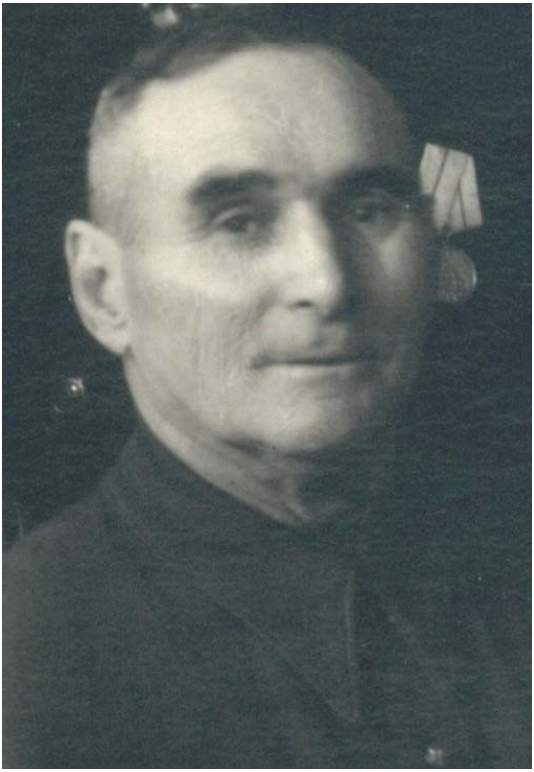
С.М. Коптиевская, Н.С. Бантке и С.С. Бантке (слева направо).
Перед отъездом отца в г. Париж в научную командировку.
Москва, 1929 г.

И.Г. Тинин – первый солдат болгарской армии. Сентябрь 1943 г.



М.М. Загорулько. [1980-е гг.]

И.С. Шепелев. Польша, 1945 г.



Е.В. Русcков [1950-е гг.]

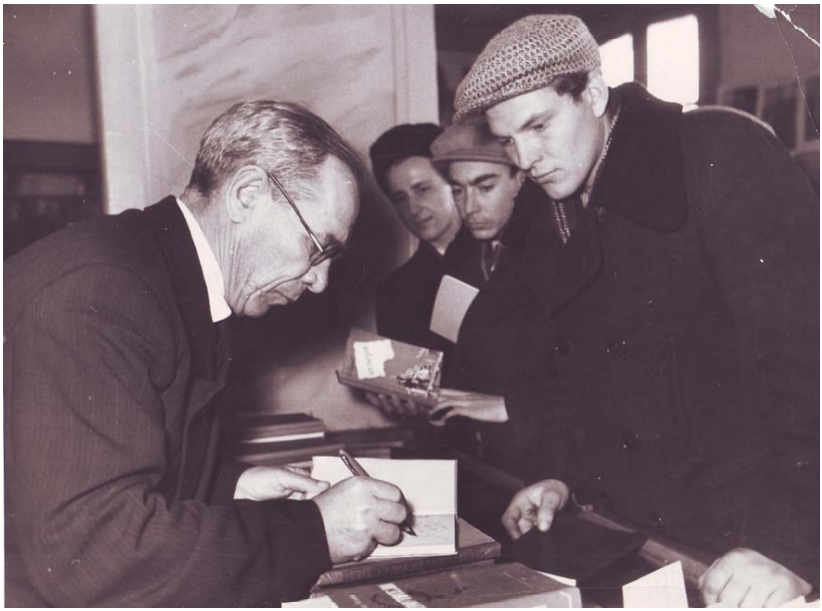
Выездная редакция газеты «Комсомольская правда»:
А. Шейнин, С. Гудзенко, С. Нариньяни, В. Коновалов (слева направо).
Фото Н. Белякова. Астрахань, [1930–1940-е гг.]

К.А. Атрашкевич. 1944 г.

Н.П. Малыгина. 1944 г.

И.С. Полтавец – 2-й помощник заместителя начальника разведки штаба 62-й армии; И.Е. Попов – 1-й помощник заместителя начальника разведки штаба 62-й армии; А.В. Деркачев – переводчик, Шахназаров – работник особого отдела; Митрофанов – шофер (слева направо, стоят); В.Е. Ленчевский – заместитель начальника разведки штаба 62-й армии (сидит).
Сталинград, 22 февраля 1943 г.

П.С. Сергеев. Красная Армия, 11-й запасной полк. 1941 г.



И.Я. Егоров (слева) за подписью своих книг читателям

М. Лобачёв и его жена Елизавета Ивановна. Краснослободск, 1927 г.

Н.А. Орлов в день выпуска из Ленинградской военной авиационной школы. Ленинград, 7 апреля 1926 г.

П.И. Селезнев (справа) на читательской конференции
по книге «Южный крест». Волгоград, 1974 г.

В.Г. Чехов (крайний слева). 1959 г.

М.К. Агашина

Группа сотрудников редакции газеты «Строитель» на праздновании юбилея газеты: член редколлегии Н.С. Попов, литературный работник О. Бульбич, первый редактор А.Т. Вериютин, редактор С.Н. Львов, второй редактор В.Н. Буланцев, литработник А. Хадыкина, цензор обллита С.П. Сапко (1-й ряд слева-направо); бывший редактор А.П. Воробьев, редактор сталеканатчиков И.Н. Иванов, инженер И.А. Пищулина, А.М. Масленников, Р.Б. Нестерова, В. Машенцев, Т.И. Охманюк, Л.В. Беляева(2-й ряд слева направо). Волгоград, 21 сентября 1973 г.

А.В. Шагурин. 1925 г.

В.Н. Юдин. 1957 г.

М.М. Туган-Барановский. 1955 г.

С.Ф. Пономарёв [1970-е гг.]

Делегаты 1-й дивизионной комсомольской конференции
(третий слева сидит И.М. Кандауров). 4 апреля 1948 г.

А.М. Монько [1970-е гг.]

С.А. Абалихин (сидит 3-й слева) с женой М.М. Абалихиной
(сидит крайняя справа), сыном Борей (стоит крайний справа)
и сослуживцами.
Горьковская область, 1945 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Жадаев Михаил Юрьевич – ведущий документовед ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области».
E-mail: orsfad@yandex.ru

Котова Ирина Валериевна – заместитель начальника отдела ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области».
E-mail: otdelzaprosov@inbox.ru

Лобчук Наталья Сергеевна – начальник отдела ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области».
E-mail: gavo-arhiv2016@yandex.ru

Михеева Анастасия Рустамовна – главный специалист ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области».
E-mail: otdel-zaprosov@mail.ru

Моисеева Елена Юрьевна – ведущий документовед ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области».
E-mail: orsfad@yandex.ru

Новикова Наталья Юрьевна – главный специалист ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области».
E-mail: volgogosarhive@yandex.ru

Орлова Ольга Ивановна – главный специалист ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области».
E-mail: otdelzaprosov@inbox.ru

Петрова Ирина Сергеевна – главный специалист ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области», кандидат исторических наук.
E-mail: irinapetrovaru@rambler.ru

Родионова Ольга Игоревна – кандидат философских наук, заведующий отделом Муниципального бюджетного образовательного учреждения дополнительного образования детей «Детская школа искусств “Воскресение”» (МБОУ ДОД ДШИ «Воскресение»), основной исполнитель проекта № 16-11-34002.

E-mail: glc@inbox.ru

Тинина Зоя Павловна – кандидат исторических наук, профессор Волгоградского государственного института искусств и культуры, академик Международной академии авторов научных открытий и изобретений, председатель клуба держателей личных фондов ГКУВО ГАВО, руководитель проекта «Социокультурный аспект жанровых особенностей народного фольклора Сталинградской битвы» № 16-11-34002 при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области.

E-mail: zoiatinina@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

УЧЕНЫЕ, ПРОСВЕТИТЕЛИ И ВОЙНА 6

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ В ЖИЗНИ В.И. ТОМАРЕВА (*И.С. Петрова*) 6

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 1917–1922 гг. ГЛАЗАМИ СТАРЫХ БОЛЬШЕВИКОВ: С.М. КОПТИЕВСКОЙ-БАНТКЕ И С.С. БАНТКЕ (*Н.Ю. Новикова*) 11

О ВОЙНАХ И НЕ ТОЛЬКО XX ВЕКА В АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ И.Г. ТИНИНА (*З.П. Тинина, О.И. Родионова*) 23

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ДОКУМЕНТАХ ДОКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА М.М. ЗАГОРУЛЬКО (*И.В. Котова*) 31

ФРОНТОВИК И УЧЕНЫЙ И.С. ШЕПЕЛЕВ (*О.И. Орлова*) 37

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЛЕТОПИСЬ К.А. АТРАШКЕВИЧА (*Н.Ю. Новикова*) 42

СТАЛИНГРАДСКАЯ БИТВА В ИСТОРИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПРОФЕССОРА Б.С. АБАЛИХИНА (*И.С. Петрова*) 54

В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ О ВОЙНЕ 61

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ТРУДАХ Е.В. РУССКОВА (*М.Ю. Жадаев*) 61

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.П. МАЛЫГИНОЙ (*А.Р. Михеева*) 68

ВОИН С КАРАНДАШОМ ПИСАТЕЛЯ – В.Е. ЛЕНЧЕВСКИЙ (*Н.С. Лобчук*) 73

УРОКИ МУЖЕСТВА В РАССКАЗАХ П.С. СЕРГЕЕВА (*Н.Ю. Новикова*) 78

М.А. ЛОБАЧЕВ. ЗОЛОТАЯ РОССЫПЬ (*Е.Ю. Моисеева*) 88

ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОЗАИКА И.Я. ЕГОРОВА (*И.С. Петрова*) 91

ВОЙНА СТАЛА ЧАСТЬЮ МОЕЙ БИОГРАФИИ: СУДЬБА ПИСАТЕЛЯ П.И. СЕЛЕЗНЕВА (*И.С. Петрова*) 99

ЖИЗНЬ КАК АВАНТЮРНЫЙ РОМАН.
М.М. ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ (*Н.Ю. Новикова*) 106

ПИСАТЕЛЬ И ДРАМАТУРГ В.Г. ЧЕХОВ
О ПАТРИОТИЗМЕ (*З.П. Тинина*) 112

Я ЖИЗНЬ ЛЮБЛЮ. М.К. АГАШИНА (*Е.Ю. Моисеева*) 123

О ВОЙНЕ В ЖУРНАЛИСТСКИХ ПУБЛИКАЦИЯХ 130

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ
НАСЛЕДИИ ЖУРНАЛИСТА-КРАЕВЕДА Н.С. ПОПОВА (*И.В. Котова*) 130

Я ЖИЗНЬЮ – СЫТ! А.В. ШАГУРИН (*Е.Ю. Моисеева*) 134

ГЛАВНАЯ ВЫСОТА Н.А. ОРЛОВА (*Н.Ю. Новикова*) 139

ЗЕРКАЛО ДУШИ. В.Н. ЮДИН (*Е.Ю. Моисеева*) 148

А.М. ШЕЙНИН – ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ
«КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» (*И.С. Петрова*) 151

ВОЕННАЯ ДОБЛЕСТЬ СОВЕТСКОГО СОЛДАТА-ОСВОБОДИТЕЛЯ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С.Ф. ПОНОМАРЕВА (*Н.Ю. Новикова*) 156

И.М. КАНДАУРОВ. «ПУСТЬ ЯРОСТЬ БЛАГОРОДНАЯ ВСКИПАЕТ,
КАК ВОЛНА, – ИДЕТ ВОЙНА НАРОДНАЯ,
СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА!» (*Н.Ю. Новикова*) 168

СЛОВО – ГЛАВНОЕ ОРУЖИЕ ЖУРНАЛИСТА В ТЫЛУ
И НА ФРОНТЕ. А.М. МОНЬКО (*Н.Ю. Новикова*) 173

**Приложение. ФОТОДОКУМЕНТЫ ДЕРЖАТЕЛЕЙ
ЛИЧНЫХ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ** 179

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 206

Научное издание

НАРОДНОЕ СЛОВО О ВОЙНАХ ЗА РОССИЮ В XX ВЕКЕ

Коллективная монография

Издается в авторской редакции,
с сохранением авторской орфографии и пунктуации

Главный редактор *О.В. Никонова*
Художник обложки *Н.В. Плескунова*

Подписано в печать 19.05 2017 г. Формат 60 × 84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 12,2.
Уч.-изд. л. 13,1. Тираж 500 экз. Заказ 1482.

ООО «Волгоградское научное издательство»
400011, г. Волгоград, ул. Электролесовская, 55.
E-mail: volni@inbox.ru; www.volgoizdat.ru
Тел. (8442) 46-72-42; 8-905-338-06-27

Отпечатано в ООО «Волгоградское научное издательство»